

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**МЕТОДОЛОГИЯ И ЛОГИКА
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Д. И. ГРЯДОВОГО)**

**Всероссийский круглый стол
(25 апреля 2023 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1411-2

УДК 168
ББК 87.4
М54

Рецензенты:

начальник кафедры теории и истории государства и права
Краснодарского университета МВД России доктор исторических наук,
профессор **Л. В. Карнаушенко**; врио заместителя начальника кафедры
теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета
МВД России кандидат юридических наук, доцент **А. В. Демидов**

Составитель *П. П. Марченя*

М54 Методология и логика социально-гуманитарных наук (памяти профессора Д. И. Грядового) : Всероссийский круглый стол, 25 апреля 2023 г. : сборник научных трудов / [сост. П. П. Марченя]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 118 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1411-2

В сборнике представлены научные труды участников Всероссийского круглого стола, состоявшегося 25 апреля 2023 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На мероприятии обсуждались актуальные методологические проблемы права, философии, истории, политологии, социологии, культурологии и социогуманитарного знания в целом в современных условиях, в том числе в контексте трансформации образовательной системы России и изменений роли и места гуманитарной составляющей обучения и воспитания в отечественной высшей школе.

Сборник рекомендован ученым, преподавателям, студентам (курсантам и слушателям), аспирантам (адъюнктам), практикующим юристам, а также всем, кто интересуется основными тенденциями и перспективами развития методологии социально-гуманитарных наук и образования.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор Жукова О. И.
Компьютерная верстка Жукова О. И.

Подписано к изданию 18.07.2023
Объем издания: 2,28 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1411-2

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Жизненный путь и научное наследие профессора Д. И. Грядового	7
<i>Абдрахманов А. И.</i>	
Серийное душегубство как феномен реализации революционно-демократического понимания природы преступности	30
<i>Бельский В. Ю.</i>	
Информационно-идеологическая работа в системе воспитания сотрудников силовых ведомств Российской Федерации	36
<i>Васечко А. А.</i>	
Аксиологическая модальность как методологическая основа сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей	40
<i>Жуланов А. В., Самарский А. Н.</i>	
Цифровая педагогика: опыт и перспективы развития	43
<i>Журов А. Н.</i>	
Становление и развитие профессионального образования сотрудников полиции Российской империи в XIX – начале XX вв.	45
<i>Золкин А. Л.</i>	
Метафора и научное познание	49
<i>Липский В. Н.</i>	
Эффективный контракт как инструмент совершенствования научной деятельности преподавателя	52
<i>Марченя П. П.</i>	
Русофобские мифологемы как методологическая проблема теоретико-исторических правовых наук	56
<i>Медушевская Н. Ф.</i>	
Роль историко-философских трудов профессора Д. И. Грядового в развитии интеллектуальной истории в России	60
<i>Митин А. Н.</i>	
Значение социально-гуманитарных наук при защите отечественных ценностей и в укреплении государственности	63
<i>Михайлова Н. В.</i>	
Философия истории – фундамент вузовского изучения исторических и историко-правовых учебных дисциплин	67
<i>Никитин А. Н., Никитина М. А.</i>	
Художественно-исторический метод как средство познания субъективной стороны истории	72
<i>Полозова И. В.</i>	
Образование как фактор обеспечения цивилизационного суверенитета России	74
<i>Самойлов С. Ф.</i>	
Идеологическое противодействие религиозно-политическому экстремизму как элемент профессиональной подготовки сотрудников ОВД	78

<i>Сигалов К. Е.</i> Правопонимание в контексте философского сознания	83
<i>Стрелкова Н. В.</i> К вопросу о роли гуманитарных знаний в жизни человека в современном мире	87
<i>Сучкова М. В.</i> Роль источников права в изучении истории российского права (на примере полного собрания законов Российской империи)	91
<i>Феднева Н. Л.</i> К вопросу о воспитании патриотизма, основанного на правде исторического факта.....	95
<i>Хабарин О. М.</i> Теоретико-методологические проблемы исследования особенностей организационно-правового развития института ведомственных и духовных фискалов в России в начале XVIII в.	100
<i>Ходикова Н. А.</i> Развитие информационной грамотности обучающихся в процессе преподавания логики	105
<i>Чашников В. А.</i> Методологические проблемы исследования деятельности органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны	109
<i>Шашурина Г. В.</i> Методологические основания и специфика социально-гуманитарного научного познания	113

Дмитрий Иосифович Грядовой (1947–2022 гг.)

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Д. И. ГРЯДОВОГО¹

Настоящий сборник составили материалы круглого стола «Методология и логика социально-гуманитарных наук», который прошел 25 апреля 2023 г. в стенах Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Этот научный форум стал данью памяти талантливого педагога и исследователя Дмитрия Иосифовича Грядового (1947–2022 гг.), посвятившего 40 лет своей жизни подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел нашей страны. Почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», присвоенное Указом Президента России 17 октября 2005 г., стало достойной оценкой его вклада в развитие отечественного образования.

Дмитрий Иосифович родился 9 июля 1947 г. в Омске, в семье фронтовиков. Отец – Грядовой Иосиф Степанович – прошел всю войну, сражался с врагом в составе 22 армии; награжден двумя орденами «Красной Звезды» и медалями, в том числе «За оборону Москвы». Мать – Грядовая (Морус) Вера Акимовна – свой боевой путь начала в 1942 г. в возрасте 18 лет; была удостоена «Ордена Отечественной войны» II степени. Познакомились родители на фронте и после окончания войны, в августе 1945 г., поженились. Первое время семья жила в Омске, на родине Веры Акимовны, а в конце 40-х гг. переехала в Симферополь. В столице Крыма прошло детство и отрочество Дмитрия Иосифовича. Здесь он начал свою трудовую деятельность: обучение в вечерней школе совмещал с работой электрика на Симферопольском мясокомбинате (1963–1965). Диплом о среднем образовании получил в 1965 г.

Радостным событием для всей семьи стало поступление Дмитрия на философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Об этом говорят следующие строки из письма отца, которое было написано сразу по получении телеграммы о зачислении сына на первый курс главного вуза страны (9 сентября 1965 г.): «Дорогой сын Дима! Здравствуй! Исключительная напористость, усидчивость, чувство ответственности за самого себя не замедлили сказаться на твоём успехе! Молодец! Спасибо, сын мой родной, не посрамил отца своего... Митик, родной мой! Всеµу тому, что есть во мне, я обязан труду и только ему. Я никогда никому не завидовал и ни чинил подлостей! И сегодня я хочу гордиться своим сыном, который имея должный опыт, организует себя, свой режим жизни, своё стремление получить необходимые знания, которые от него потребует жизнь и время. Прошу тебя вести линию поведения, подчиненную разуму, а не удаче... В наше время учеба – это сложный процесс и кропотливый труд. Помни всегда: труд и только труд определит твоё положение в обществе!».

Этому завету отца Дмитрий Иосифович следовал неуклонно. Он никогда не был иждивенцем, с юности привык рассчитывать на свои собственные силы.

---

¹ Автор выражает искреннюю благодарность и признательность за содействие в подготовке настоящей статьи Елене Ивановне Егоровой, Валерию Петровичу Малахову, Павлу Петровичу Марченя, Наталье Федоровне Медушевской.

Всю жизнь работал, и при этом не чурался тяжелого физического труда. В молодости, будучи студентом, подрабатывал разгрузкой железнодорожных вагонов, уборкой придомовой территории, позже несколько месяцев занимался заготовкой таежной древесины.

Окончив в 1970 г. университет, по распределению ушел в Советскую армию, служил командиром мотострелкового взвода 40-го мотострелкового полка 1-й танковой армии, в составе Группы советских войск в Германии. Здесь, как признавался позднее, получил свой первый опыт работы с людьми. После увольнения в запас в июле 1972 г. начал преподавательскую деятельность на кафедре марксистско-ленинской философии в Первом медицинском институте имени И.М. Сеченова. Кроме аудиторной нагрузки, выполнял большую общественную работу: читал лекции в Вечернем Университете марксизма-ленинизма при Московском городском комитете КПСС, отвечал за общественно-политическую практику студентов, руководил реферативной работой обучающихся. В характеристике, составленной заведующим кафедрой доктором философских наук Константином Егоровичем Тарасовым (18 июня 1973 г.), отмечалось, что Д. И. Грядовой является «дисциплинированным, исполнительным и квалифицированным преподавателем», который «постоянно работает над повышением своего педагогического и научного мастерства». В течение 1972/1973 учебного года он не только вел занятия и выполнял общественные поручения, но и успешно сдал кандидатский минимум по специальности, подготовил две публикации.

6 июня 1973 г. Дмитрий Иосифович написал заявление о приеме в Высшую школу МВД СССР (с 1974 г. – Академия МВД СССР, ныне – Академия управления МВД России) на должность начальника методического кабинета кафедры марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, которую тогда возглавлял кандидат философских наук профессор Лев Иванович Пристанский. Прошение удовлетворили. 25 декабря 1973 г. молодому сотруднику было присвоено специальное звание «старший лейтенант внутренней службы», а спустя еще несколько месяцев, в марте 1974 г., последовало назначение на должность преподавателя кафедры.

Однако работа в стенах Академии МВД СССР оказалось непродолжительной. В конце 1974 г. был подписан приказ о создании Московской высшей школы милиции МВД СССР (далее – МВШМ МВД СССР). На первых порах новый вуз комплектовался преимущественно выходцами из Академии МВД СССР, к числу которых принадлежал и первый руководитель Школы – генерал-майор милиции Алексей Васильевич Серегин¹. В июне 1975 г. начальником МВШМ МВД СССР был назначен доктор юридических наук, профессор генерал-майор милиции Юлиан Владимирович Солопанов, а генерал А. В. Серегин определен на должность его первого заместителя. Люди, лично знавшие Юлиана Владимировича, единодушны в его оценке – выдающаяся личность, способный организатор и высококлассный профессионал. «Крупный ученый, – писал о нем

---

¹ А. В. Серегин исполнял обязанности начальника МВШМ МВД СССР в марте–мае 1975 г.

один из ветеранов Школы Вальтер Карлович Шульц, – весьма эрудированный человек, фронтовик, исключительно волевой и целеустремленный специалист, он являл собой образец идеального профессионала»¹. Столь же лестную характеристику первому начальнику МВШМ МВД СССР дает доктор юридических наук, профессор Тимофей Николаевич Радько: «Юлиану Владимировичу были присущи большие организаторские способности, высокая работоспособность, умение подбирать кадры и работать с ними. Я хорошо помню его работу по формированию профессорско-преподавательского состава Высшей школы милиции. Он умел найти молодых и перспективных»².

При непосредственном участии Ю. В. Солопанова проходило формирование первых научно-педагогических коллективов, среди которых была и кафедра марксистско-ленинской философии и научного коммунизма (с 1990 г. – кафедра философии и теории социализма; с 1992 г. – кафедра философии). Ее возглавил пришедший из Академии МВД СССР полковник внутренней службы Л. И. Пристанский. По всей видимости, благодаря его поддержке и участию Дмитрий Иосифович стал сотрудником этого нового подразделения. Заключение о назначении преподавателем «старшего лейтенанта внутренней службы Д. И. Грядового» было подписано 12 июля 1975 г. первым заместителем начальника А. В. Серегиним и начальником отдела кадров А. И. Царевым. Тогда же на кафедру пришли такие впоследствии известные педагоги, как В. П. Малахов, Ю. П. Николаев, В. П. Шабанов.

Первые месяцы существования МВШМ МВД СССР ознаменовались напряженной работой всего коллектива, что определялось сжатыми сроками становления образовательного учреждения, трудностями материально-технического характера и масштабностью поставленных задач. Требовалось уже в августе организовать и провести вступительную компанию, а в сентябре начать обучение первого набора слушателей.

Несмотря на все сложности, поставленные задачи были своевременно выполнены. Совместная деятельность объединила людей, способствовала формированию круга единомышленников. Как впоследствии вспоминал В. К. Шульц, тогда в коллективе установились «какие-то неформальные отношения между постоянным и переменным составом, возникли более теплые, сердечные отношения между людьми, делающими одно общее важное для всех дело»³. Свою лепту в эту большую работу внес и Дмитрий Иосифович. В характеристике, составленной в ноябре 1976 г. по случаю представления его к очередному званию «капитан внутренней службы», начальник кафедры писал, что товарищ Д. И. Грядовой за время работы в МВШМ МВД СССР (1975–1976 гг.) зарекомендовал себя не только «трудолюбивым и инициативным преподавателем», но и «отзывчивым и чутким товарищем», который пользуется «авторитетом

¹ Шульц В. К. Мы из высшей полицейской : научно-практический комментарий. М. : Альфа-дизайн, 2020. С. 19. (Вальтер Карлович Шульц был начальником курса первого набора МВШМ СССР).

² Крючков Д. Он стоял у истоков КОАП // «Петровка, 38». 2015. № 19 (9473). 2 июня. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/on-stoyal-u-istokov-koap>.

³ Шульц В. К. Указ. соч. С. 17.

у преподавателей и слушателей»¹. Здесь же Л. И. Пристанский указывал на успехи в научно-исследовательской работе: наличие публикаций и завершение диссертационного исследования. Подготовка к предстоящей защите осуществлялась в рамках годичной (заочной) адъюнктуры при Академии МВД СССР без отрыва от преподавательской деятельности в МВШМ МВД СССР.

6 декабря 1977 г. на заседании специализированного Совета по теории научного коммунизма МГУ имени М.В. Ломоносова Дмитрий Иосифович успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме: «Социальный анализ процесса принятия управленческого решения в условиях социализма: опыт системного исследования». Целью работы стало рассмотрение проблемы принятия решения на нескольких «уровнях»: методологическом, который предполагал поиск «методов, средств, плоскостей теоретического анализа»; понятийном, нацеленным на выяснение «природы и сущности, содержания и формы» предмета познания; конкретно-социологическом – как способе «определения и выработки методов и средств, путей и перспектив повышения эффективности» управления. Диссертант обосновал теоретические принципы изучения управленческого решения, разработал методики исследования деятельности управленческого аппарата в «учреждениях административного характера», предложил конкретные способы повышения «мобильности, оперативности и компетентности руководства»².

К сожалению, разделить торжество успешной защиты не довелось Иосифу Степановичу: незадолго до этого он ушел из жизни (23 августа 1975 г.). А ведь поступление сына в аспирантуру было его заветной мечтой. Еще в ноябре 1969 г. он писал: «Я до настоящего времени не могу уяснить твою позицию в части дальнейшей учебы. Мое личное мнение и настойчивое желание продолжение тобой учебы самой серьезной и настойчивой». Отец считал, что после выпуска нельзя медлить, поскольку время и житейские хлопоты либо воспрепятствуют дальнейшему образованию, либо серьезно его усложнят. «Если упустить время в данный момент, – писал он, – это будет непростительной ошибкой».

В декабре 1977 г. благодаря ходатайству начальника кафедры последовало назначение Дмитрия Иосифовича на должность старшего преподавателя, а спустя всего полтора года, в июне 1979 г. – доцента. Эти повышения обосновывались не только успехами в научно-исследовательской деятельности, но и работой учебно-методического характера. Согласно представлению руководителя, Дмитрий Иосифович активно работал над пособиями к семинарам по философии, подбирал и систематизировал материал для курса лекций по диалектическому материализму. В этот период он трижды поощрялся руководством: два раза в 1977 г. за участие в обеспечении общественного порядка во время проведения выборов в Верховный Совет СССР и празднования 60-летия Октябрьской

---

¹ Характеристика не содержит даты, но судя по тому, что очередное звание капитана милиции было присвоено Дмитрию Иосифовичу 30 декабря 1976 г., она была составлена Л. И. Пристанским не позже начала декабря того года.

² Грядовой Д. И. Социальный анализ процесса принятия управленческого решения в условиях социализма (опыт системного исследования): автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия. М., 1977. 18 с.

революции, и один раз, в 1979 г. – за организацию научно-исследовательской работы слушателей. В декабре 1980 г. ему было присвоено очередное звание «майор милиции».

В начале 1981/1982 учебного года после ухода из МВШМ МВД СССР Л. И. Пристанского его обязанности были возложены на Дмитрия Иосифовича, который решением аттестационной комиссии занял должность заместителя начальника кафедры. В течение почти двух с половиной лет он фактически руководил деятельностью кафедрального коллектива. Ответственное отношение к порученному делу в 1982 г. было отмечено приказом Главного управления внутренних дел по г. Москве о награждении «майора милиции Д. И. Грядового» ценным подарком – наручными часами «Слава». В апреле 1984 г., когда начальником кафедры стал подполковник милиции Анатолий Алексеевич Гришин, должность заместителя была упразднена, и Дмитрий Иосифович вернулся на место доцента. В декабре 1984 г. он получил звание подполковника милиции.

Кафедра марксистско-ленинской философии и научного коммунизма являлась одним из самых сплоченных и дружных подразделений МВШМ МВД СССР. Здесь была атмосфера особого товарищества, основу которого составляли профессионализм и порядочность. Отношения между сотрудниками характеризовались отсутствием формализма, человеческим участием, взаимной симпатией и уважением. Успехи в службе, семейные и общегосударственные праздники часто собирали всех вместе. В течение трех лет, с 1987 по 1989 гг., коллективу ежегодно присуждалось звание «Лучшая кафедра Школы».

В 80-е гг. сфера научных интересов Дмитрия Иосифовича смещается в область изучения особенностей управления в системе правоохранительных органов и подготовки кадров милиции. Об этом свидетельствует целый ряд работ, опубликованных в ведомственных сборниках и материалах конференций: «Системное исследование путей повышения эффективности процесса принятия решения» (1980), «Значение коммунистического мировоззрения в общей оценке управленческих качеств руководителя органа внутренних дел» (1980), «Некоторые вопросы повышения эффективности управления трудовым коллективом» (1981), «Формирование управленческих качеств сотрудника правоохранительных органов в процессе преподавания философских дисциплин» (1983, в соавторстве с В. П. Малаховым), «Методы формирования научного мировоззрения слушателей» (1983, в соавторстве с Ю. М. Бабиным), «Развитие у слушателей творческого мышления в процессе самостоятельной работы по изучению общественных наук» (1984), «О взаимосвязи в преподавании общественных дисциплин и воспитании слушателей высшей школы» (1989). В рамках педагогической деятельности в этот период были подготовлены «Учебно-методические рекомендации по курсу “Философия” для 2-го курса очного отделения» (1980, 1983, 1984, 1986, 1988), а также пособие «Формирование коммунистического мировоззрения специалиста милиции в процессе преподавания философских дисциплин» (1983) и «Альбом схем по философии» (1989).

Документы свидетельствуют, что в 80-е – начале 90-х гг. Дмитрий Иосифович являлся одним из ведущих педагогов, курируя наиболее ответственные направления в деятельности кафедры и Школы. Так, согласно представлению

к присвоению звания подполковника милиции (26 ноября 1984 г.), он осуществлял подготовку адъюнктов и соискателей к кандидатскому экзамену по философии. В представлении к награждению медалью «За безупречную службу» 2-й степени (21 мая 1986 г.) отмечалось участие в оказании «помощи начальнику кафедры в организации научно-исследовательской работы». В аттестации (25 декабря 1987 г.) в заслугу ставилась учебно-методическая деятельность. В представлении к присвоению звания полковника милиции (29 декабря 1989 г.) говорилось о выполнении функций председателя методического совета по марксистско-ленинской подготовке при парткоме Школы. Очередная аттестация (17 декабря 1992 г.) называет сразу два важных направления деятельности: руководство методологическим семинаром кафедры и предметно-методической секцией по философским дисциплинам. Личное дело фиксирует ежегодные поощрения за «достигнутые успехи в работе», «активное участие в охране общественного порядка», «добросовестное выполнение служебных обязанностей» и пр. В ноябре 1985 г. Дмитрий Иосифович был удостоен благодарности МВД СССР.

На посту начальника кафедры А. А. Гришина сменил полковник милиции Аркадий Николаевич Бороздин (апрель 1991 г.). Он руководил коллективом вплоть до начала 1995/1996 учебного года, когда в связи с преобразованием МВШМ МВД России в Московский юридический институт МВД России (далее – МЮИ МВД России) было принято решение о реорганизации кафедры. В результате возникло два самостоятельных подразделения: кафедра социально-политических дисциплин и кафедра философии. Начальником первой стал А. Н. Бороздин, вторая была поручена заботам Дмитрия Иосифовича. На тот момент за его плечами было почти двадцать лет научно-педагогической деятельности.

МЮИ МВД России отличался от МВШМ МВД России несравненно большим учебно-методическим, научным и кадровым потенциалом. Если в Школе на момент ее создания было около 300 слушателей, то в 1995 г. обучение проходило уже более 1 100 человек. Это привело к существенному росту кафедральных коллективов. Дмитрий Иосифович чрезвычайно ответственно относился к подбору кадров, обращая особое внимание на профессионализм, исполнительность и умение человека работать в команде. Во многом благодаря его усилиям к 2000 г. был создан высокопрофессиональный коллектив из 17 преподавателей, в число которых входили опытные и авторитетные педагоги и ученые, такие как А. А. Гришин, Г. В. Дубов, В. Б. Козлов, В. И. Локтионов, А. А. Мигولاتьев, В. П. Малахов, С. С. Пылев и др. При непосредственном участии Дмитрия Иосифовича многие сотрудники получили возможность в полной мере реализовать свои педагогические и научные возможности. Так, за это время преподаватели кафедры успешно защитили диссертации на соискание докторской (В. Б. Козлов, Н. Ф. Медушевская) и кандидатской (С. Г. Барсегян, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова, Г. В. Шашурина) степеней. В тот период кафедру отличала высокая публикационная активность, ежегодно к изданию подготавливались десятки монографий, учебников и учебных пособий. При содействии Д. И. Грядового и по инициативе В. П. Малахова кафедра стала разраба-

тивать новое направление прикладного философского знания – философию права, которая призвана была сыграть важную роль в теоретической и практической подготовке курсантов, адъюнктов и преподавателей. Под руководством Дмитрия Иосифовича подразделение приобрело высокий авторитет как внутри вуза, так и за его пределами. Кафедра поддерживала научные контакты с философским факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова, Институтом философии РАН, профильными структурами Академии Государственной противопожарной службы МВД России, Академии ФСБ России, Военного университета МО России и др.¹

Политика «Перестройки» (1985–1991 гг.), нацеленная на либерализацию и демократизацию общественных отношений в СССР, внесла серьезные коррективы в отношения государства и церкви. В немалой степени этому способствовало празднование в 1988 г. 1000-летия крещения Руси. Уже в 1989 г. начинается процесс передачи верующим культовых сооружений – храмов и монастырей. В 1990 г. постановлением Верховного совета РСФСР Рождество Христово официально объявляется нерабочим днем, а законом «О свободе вероисповеданий» санкционируется изучение основ религии в учебных заведениях страны. Прямым следствием этих процессов стало введение в стенах МВШМ МВД СССР новой дисциплины – «Религия в современном мире», позже переименованной в «Религиоведение». Ее учебно-методическое обеспечение требовало значительных усилий, поскольку в течение десятилетий тема религии фактически находилась под запретом, современная научная литература тогда практически отсутствовала, а дореволюционные издания давно стали библиографической редкостью. В сложившейся ситуации Дмитрий Иосифович взял на себя большой труд по подготовке материалов, посвященных истории возникновения и содержания мировых религий.

Первой публикацией в этом направлении стало пособие «Религия как общественное явление», в котором на основе репрезентативной источниковой базы раскрывается сущность, происхождение и формы религии, анализируются ее «социальные, гносеологические и психологические корни»². При небольшом объеме оно достаточно информативно, логически выдержано, написано хорошим языком. Это – научный почерк автора, в таком ключе он всегда старался излагать свои мысли. Велеречивость и многословие некоторых коллег не одобрял, называя «болтовней» и «словоблудием». В последней своей работе Дмитрий Иосифович так написал об этом: «Многие полагают, что витиеватость, тяжеловесность, заумность учебных лекций (учебников) по философии и “темнота” многих положений свидетельствуют об их глубокомыслии. Автор же

---

¹ Московской академии МВД России 25 лет. М.: Московская академия МВД России, 2000. С. 62–66.

² Грядовой Д. И. Религия как общественное явление: лекция. М.: Московская высшая школа милиции, 1993. С. 2.

придерживается иной точки зрения – ясность мысли и осознание ее содержательного смысла соответствует простоте и ясности ее изложения»¹.

Кроме указанного пособия, для дисциплины «Религиоведение» им были подготовлены следующие материалы: «Происхождение христианства» (1994), «Православие» (1996), «Христианские книги» (1996), «Индуизм: история и современность» (1998), «Ислам: история и современность» (1999), «Христианство» (2001).

Не меньше внимания в этот период Дмитрий Иосифович уделял вопросам воспитания, в том числе изучению проблем формирования научного мировоззрения, правового мышления, профессиональной морали, нравственного знания. В соавторстве с В. П. Малаховым и С. С. Пылевым рассматривались вопросы профессиональной этики, в том числе её предмет и задачи, природа, источники, система и условия преодоления моральных проблем профессиональной деятельности сотрудников милиции. Научный интерес вызывали также вопросы профессиональной культуры, укрепления законности, духовности и патриотизма.

Еще во второй половине 80-х гг. в рамках аттестации руководство дважды рекомендовало Дмитрию Иосифовичу активизировать работу над докторской диссертацией. Но только спустя десятилетие реализация этого пожелания, наконец, получило реальное воплощение. В условиях качественной трансформации социальной структуры российского общества и снижения «уровня государственности» Дмитрий Иосифович вновь обращается к проблеме управленческой деятельности. Ее осмысление в новых исторических реалиях нашло выражение в следующих монографических исследованиях: «Принятие управленческого решения: опыт системного исследования» (1996), «Управленческое решение: философско-социологический анализ» (2001) и «Теория и практика управленческих решений» (2002). Эти работы составили основу докторской диссертации «Концептуальные основы теории управленческих решений: философско-социологический анализ», успешная защита которой состоялась 17 апреля 2003 г. в стенах Академии управления МВД России. Большую помощь и содействие в этом оказал первый начальник Московского университета МВД России генерал-лейтенант милиции Владимир Яковлевич Кикоть. Именно он настоял на необходимости скорейшей защиты и постарался создать для этого необходимые условия. Так, благодаря поддержке В. Я. Кикотя с 1 января 2003 г. Дмитрию Иосифовичу был предоставлен полугодовой творческий отпуск «для завершения работы и защиты докторской диссертации».

Диссертационное исследование представляет собой фундаментальное осмысление социального управления как самостоятельной отрасли научного знания. Его главной целью стала разработка философско-социологической концепции теории принятия решений. Автор определяет теоретические основы «социальных технологий в процессах управления», содержание управленческой деятельности как главного элемента «технологии социального управления»,

---

¹ Грядовой Д. И. История философии : учебник для студентов вузов. Кн. 4. Философская мысль в Германии конца XVIII – середины XIX века. И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Издательский дом Академии Жуковского, 2017. С. 5.

«научно-прикладные способы и методы разработки и внедрения социальных технологий в процессе принятия решений»¹. Сильной стороной диссертации стала ее методология. Концептуальные основы теории управленческих решений рассматривались автором на социально-философском, общесоциологическом и конкретно-социологическом «уровнях». Каждый из этих «уровней» предполагал свою методологию и систему методов.

11 сентября 2003 г. Дмитрий Иосифович написал рапорт об увольнении из органов внутренних дел в связи с достижением предельного возраста прохождения службы. На тот момент его общая выслуга составляла более 32 лет. Тогда же он согласился на предложение начальника Университета не оставлять руководство родным коллективом и принять должность заведующего в счет должности начальника кафедры. Соответствующее заявление было подписано 20 октября 2003 г. В течение почти восьми лет, будучи гражданским профессором, Дмитрий Иосифович продолжал руководить кафедрой философии. В августе 2011 г. он перешел на должность профессора кафедры, которую занимал вплоть до конца сентября 2016 г., когда из-за общего ухудшения состояния здоровья был вынужден оставить Университет.

Последние полтора десятилетия работы на кафедре Дмитрий Иосифович уделял большое внимание повышению качества учебного процесса. В этот период лично им или при его активном участии были подготовлены более десятка учебников и учебных пособий, в том числе: 4 – по «Философии», 4 – по «Логике», 3 – по «Концепциям современного естествознания». К концу трудовой деятельности общий объем публикаций превысил 800 печатных листов.

Однако «главной книгой» своей жизни Дмитрий Иосифович считал «Историю философии». Она стала своеобразным итогом его сорокалетней научно-исследовательской и преподавательской деятельности. О том, какое большое значение имела для него эта работа, говорят слова посвящения на первой странице издания – «Моим родителям Грядовой Вере Акимовне и Грядовому Юрию Степановичу...». О родителях Дмитрий Иосифович помнил всегда, чтил их память и отзывался с неизменным уважением и любовью. Особо доверительные отношения были у него с отцом. В одном из писем к сыну Иосиф Степанович так характеризовал их внутреннюю связь: «Ты, как никто другой, понимаешь меня, молча и взаимно». Отец был для Дмитрия Иосифовича воплощение благородства, великодушия и порядочности.

«История философии» состоит из четырех книг, работа над ними продолжалась в течение почти десяти лет. Первая книга посвящена философии Древнего Востока и Античности. Причем древневосточная философия представляла для автора интерес только в части выявления общего направления развития мысли и сопоставления с философией Древней Греции и Рима. Основное внимание здесь уделено анализу трудов Платона и Аристотеля. Во второй книге рассматривается философия Средневековья, эпохи Возрождения и Реформации.

---

¹ Грядовой Д. И. Концептуальные основы теории управленческих решений (Философско-социологический анализ) : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия. М., 2003. С. 10–11.

Автор делает акцент на изучении сочинений Ф. Бэкона, Дж. Беркли, Д. Юма, Р. Декарта, Б. Спинозы и Г. В. Лейбница. Предмет исследования третьей книги – философия эпохи Просвещения. Здесь повышенное внимание уделяется учению И. Канта. В четвертой, заключительной книге анализируется развитие философской мысли в Германии конца XVIII – середины XX в., подробно рассматриваются работы И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха и К. Маркса. Дмитрий Иосифович считал Маркса последним подлинным философом Нового и Новейшего времени.

В предлагаемой автором периодизации истории философии, а также выборе наиболее ярких ее представителей нет научной сенсации. Значение работы в другом. Во-первых, оно определяется «системностью» изложения материала, когда «содержательный компонент книги с необходимостью включен в социально-исторический контекст»¹. В этом заключается один из важнейших принципов научного познания – принцип историзма. Во-вторых, исследование строится «на основе изучения и анализа первоисточников», а значит, автор следует принципу объективности. И, наконец, в-третьих, во главу угла ставится не столько факт, сколько тенденция – «генезис философского знания»: «История философии имеет свою объективную логику развития, предполагающую формирование понятийно-категориального аппарата и определенного свода постулатов, принципов, *законов и закономерностей* (курсив мой. – Ю. А.), непосредственно определяющих предметную область любого научного знания». Этот подход сообщает работе должную научность. В своей совокупности указанные принципы позволяют характеризовать «Историю философии» как фундаментальное исследование, достоверное в своих наблюдениях и выводах. Данное многотомное издание имеет актуальное значение не только для изучения философии в ее развитии, но и является ценным для понимания роли философского знания в междисциплинарных исследованиях, что важно в современной постнеклассической науке и образовании.

За годы службы Дмитрий Иосифович был награжден медалью «За безупречную службу» 3-й степени (06.10.1981), медалью «За безупречную службу» 2-й степени (08.10.1986), медалью «Ветеран труда» (11.10.1989), медалью «За безупречную службу» 1-й степени (08.10.1991), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (19.09.2000), медалью «200 лет МВД России» (05.06.2002), медалью «За боевое содружество» (09.07.2012).

***

Последние годы жизни Дмитрия Иосифовича не были простыми. В 2017 г. он перенес тяжелейший инсульт и в течение нескольких дней находился в реанимации, между жизнью и смертью. Восстановиться в полной мере так и не удалось. Время от времени отказывали ноги, ходил он с большим трудом; не давали покоя боли в спине, прыгало давление. Но, несмотря на эти проблемы, старался вести полноценную жизнь: общался с родными, коллегами и друзьями, поддерживал переписку, много читал, интересовался новостями родной

---

¹ Грядовой Д. И. История философии. Книга 4. С. 3.

кафедры и Университета, следил за международной обстановкой. В последнее время много вспоминал и думал о своей малой Родине – Крыме, подолгу мог рассматривать в Интернете старые фотографии с видами Симферополя, прибрежных городов и селений, моря и гор. В этом обращении к прошлому была и любовь к родной земле, и воспоминания о близких сердцу людях, и ностальгия об ушедшей юности. К сожалению, мечта еще раз увидеть Крым не сбылась. 20 мая 2022 г. случился очередной инсульт, а спустя восемь дней Дмитрия Иосифовича не стало. Ушел из жизни замечательный человек, большой труженик, яркий педагог и оригинальный мыслитель.

В одном из писем Иосифа Степановича к сыну есть такие строки: «Мои сокровенные мечты, надежды и веру в тебя ты не запятнаешь, не подведешь, только этим живу я и дышу». Эти ожидания отца полностью оправдались. Дмитрий Иосифович Грядовой оставил после себя добрую память и светлое имя.

*Ю. А. Артамонов,
12 июля 2023 г.*

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПРОФЕССОРА Д. И. ГРЯДОВОГО¹

1. Тарасов, К. Е. Реактивность в современной патологии / К. Е. Тарасов, Д. И. Грядовой // Научно-техническая революция и медицина: материалы научно-теоретической конференции (январь 1974 г.). – М. : Московский медицинский институт имени И.М. Сеченова, 1973. – С. 138–150.

2. Тарасов, К. Е. Методические принципы изучения проблемы реактивности / К. Е. Тарасов, Д. И. Грядовой // Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни / под ред. Г. И. Царегородцева. – М. : Медицина, 1975. – С. 71–92.

3. Грядовой, Д. И. Социальный анализ процесса принятия управленческого решения в условиях социализма: опыт системного исследования : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия / Д. И. Грядовой. – М., 1977. – 202 с.

4. Грядовой, Д. И. Социальный анализ процесса принятия управленческого решения в условиях социализма (опыт системного исследования) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия / Д. И. Грядовой. – М., 1977. – 18 с. – EDN: [WEYUTB](#).

5. Грядовой, Д. И. Значение коммунистического мировоззрения в общей оценке управленческих качеств руководителя органа внутренних дел / Д. И. Грядовой, Ю. М. Бабин // Социально-экономические аспекты борьбы с правонарушениями : сборник научных трудов. – Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1980. – С. 91–99.

6. Грядовой, Д. И. Системное исследование путей повышения эффективности процесса принятия решения / Д. И. Грядовой // Взаимосвязь диалектики

---

¹ Настоящая библиография не претендует на исчерпывающую полноту. Составитель – П. П. Марченя.

и методов управления : тезисы докладов к теоретическому семинару. – Калинин : Калининский областной совет НТО, 1980. – С. 126–128.

7. Грядовой, Д. И. Некоторые вопросы повышения эффективности управления трудовым коллективом / Д. И. Грядовой // Методологические вопросы оптимизации управления и повышения его эффективности в свете решений XXVI съезда КПСС : тезисы докладов к теоретическому семинару : раздел II. – Калинин : Калининский областной совет НТО, 1981. – С. 43–46.

8. Грядовой, Д. И. Формирование управленческих качеств сотрудника правоохранительных органов в процессе преподавания философских дисциплин / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов // Вопросы совершенствования преподавания учебных дисциплин в системе повышения квалификации кадров юристов : материалы Всесоюзной научно-практической конференции. – М. : Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции, 1983. – С. 32–33.

9. Грядовой, Д. И. Развитие у слушателей творческого мышления в процессе самостоятельной работы по изучению общественных наук / Д. И. Грядовой // Организация самостоятельной работы слушателей вузов МВД СССР : межвузовский сборник научных трудов. – М. : Московская высшая школа милиции, 1984. – С. 58–61.

10. Грядовой, Д. И. О мировоззренческой подготовке сотрудников органов внутренних дел / Д. И. Грядовой, В. Ю. Попков // Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел : сборник научных трудов. – Л. : Издательство ВПУ МВД СССР, 1985. – С. 55–60.

11. Грядовой, Д. И. О взаимосвязи в преподавании общественных дисциплин и воспитании слушателей школы / Д. И. Грядовой // Проблемы перестройки учебно-воспитательного процесса в свете решений XIX всесоюзной конференции КПСС : тезисы выступлений на 14-м учебно-методическом сборе. – М. : Московская высшая школа милиции, 1989. – С. 34–36.

12. Грядовой, Д. И. Методы управления духовной деятельностью // Социально-философские и методологические проблемы развития духовного производства : тезисы докладов республиканской научной конференции / Д. И. Грядовой. – Ульяновск : Ульяновский педагогический институт, 1990. – С. 12–14.

13. Грядовой, Д. И. Социальная организация вуза и система потоков социологической информации / Д. И. Грядовой // Социологический анализ эффективности изучения общественных наук в высшем учебном заведении : межвузовский сборник научных трудов. – М. : Московская высшая школа милиции, 1992. – С. 3–18. – EDN: [VFWFNN](#).

14. Грядовой, Д. И. Религия как общественное явление : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московская высшая школа милиции, 1993. – 48 с. – EDN: [UNEGFV](#).

15. Грядовой, Д. И. Происхождение христианства : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московская высшая школа милиции, 1994. – 28 с. – EDN: [WEWVRN](#).

16. Грядовой, Д. И., Малахов В. П., Пылев С. С. Нравственность как феномен социальной практики : лекция / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, С. С. Пылев. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 50 с. – EDN: [UNDQVL](#).

17. Грядовой, Д. И. Профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел: специфика, проблемы, решения : лекция / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, С. С. Пылев. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 33 с. – EDN: [UNEHMD](#).

18. Грядовой, Д. И. Православие : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 38 с. – EDN: [UNEHPZ](#).

19. Принятие управленческого решения. Опыт системного исследования : монография / [Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 197 с. – EDN: [SLWBJA](#).

20. Грядовой, Д. И. Культ в структуре христианской религии : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 48 с. – EDN: [WCYBUF](#).

21. Грядовой, Д. И. Формирование научного мировоззрения слушателей высших учебных заведений системы МВД РФ / Д. И. Грядовой // Проблемы совершенствования организационного, методического и технического обеспечения учебного процесса в МЮИ МВД России : тезисы выступлений на XX учебно-методическом сборе профессорско-преподавательского состава. – М. : Московский юридический институт, 1996. – С. 18–20.

22. Грядовой, Д. И. Христианские книги: Библейский канон : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московский юридический институт, 1996. – 88 с. – EDN: [WEYABX](#).

23. Грядовой, Д. И. Логика в юридической теории и практике : учебное пособие / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, С. С. Пылев. – М. : Московский юридический институт, 1997. – 163 с. – EDN: [UIEURF](#).

24. Духовность. Патриотизм. Традиции : сборник статей / под ред. В. С. Чернявского, С. С. Пылева, Д. И. Грядовой. – М. : Московский юридический институт, 1997. – 210 с. – EDN: [UJNACP](#).

25. Грядовой, Д. И. Духовность, культура – важнейший фактор формирования личности специалиста органов внутренних дел / Д. И. Грядовой, С. С. Пылев, Н. В. Стрелкова // Духовность. Патриотизм. Традиции : сборник статей. – М. : Московский юридический институт, 1997. – С. 27–35. – EDN: [UJQRDJ](#).

26. Пылев, С. С. Изучение и пропаганда традиций милиции – эффективная форма совершенствования воспитания молодого поколения органов внутренних дел России / С. С. Пылев, Д. И. Грядовой, С. С. Вистяк // Духовность. Патриотизм. Традиции : сборник статей. – М. : Московский юридический институт, 1997. – С. 60–89. – EDN: [UJQRDT](#).

27. Грядовой, Д. И. Философия : учебное пособие в структурно-логических схемах / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 1997. – 105 с. – EDN: [UMVDJT](#).

28. Грядовой, Д. И. Вопросы формирования моральных потребностей сотрудников органов внутренних дел : монография / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, С. С. Пылев. – М. : Московский юридический институт, 1997. – 163 с. – EDN: [UWYMDX](#).

29. Философия в структурно-логических схемах : учебное пособие / [В. П. Малахов, К. Е. Сигалов, Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Московский юридический институт, 1997. – 106 с. – EDN: [UTRCHJ](#).

30. Грядовой, Д. И. Профессиональная этика как основа нравственного воспитания слушателей высших учебных заведений МВД РФ / Д. И. Грядовой // Организация работы с личным составом органов внутренних дел. Проблемы и перспективы : тезисы выступлений участников научно-практической конференции. – Владимир : Владимирский юридический институт МВД России, 1997. – С. 79–83.

31. Основы философии права : учебное пособие : Вып. I / [М. Д. Шевченко, А. А. Мигولاتьев, Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Московский юридический институт, 1998. – 105 с. – EDN: [UNDQLL](#).

32. Грядовой, Д. И. Основы формирования научного мировоззрения слушателей высших учебных заведений МВД РФ / Д. И. Грядовой // Совершенствование преподавания философских и социально-политических дисциплин в специализированном вузе МВД России : сборник научных трудов. – М. : Московский юридический институт, 1998. – С. 17–24. – EDN: [VFPTER](#).

33. Грядовой, Д. И. Логика : учебное пособие в структурно-логических схемах / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 1998. – 178 с. – EDN: [VVPXDL](#).

34. Грядовой, Д. И. Логика для юриста : учебное пособие / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов. – М. : Щит-М, 1998. – 222 с. – EDN: [WVSFHL](#).

35. Грядовой, Д. И. Логика в предпринимательской деятельности и деловом общении : учебное пособие / Д. И. Грядовой, В. П. Малахов, В. П. Шергалина. – М. : Щит-М, 1998. – 239 с. – EDN: [UNRUNB](#).

36. Грядовой, Д. И. Индуизм: история и современность : лекция / Д. И. Грядовой. – М. : Московский юридический институт, 1998. – 32 с. – EDN: [WEXYRJ](#).

37. Грядовой, Д. И. Организация самостоятельной работы слушателей в вузе по заочной форме обучения в рамках многоступенчатой подготовки специалистов ОВД / Д. И. Грядовой // Организационно-методические проблемы обеспечения учебного процесса по заочной форме обучения в рамках многоступенчатой системы подготовки специалистов : тезисы выступлений на XXII учебно-методическом сборе профессорско-преподавательского состава. – М. : Московский юридический институт МВД России, 1998. – С. 13–17.

38. Грядовой, Д. И. Ислам: история и современность : лекция / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова. – М. : Московский юридический институт, 1999. – 69 с. – EDN: [WEYAGD](#).

39. Основы философии права: Корни современного российского и западноевропейского права: сравнительный анализ : учебное пособие : Вып. II / [Н. В. Стрелкова, Н. Ф. Медушевская, Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Московский юридический институт, 1999. – 103 с. – EDN: [UMVFGP](#).

40. Грядовой, Д. И. Философия : Структурный курс основ философии : учебное пособие / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 1999. – 266 с. – EDN: [UMVDKD](#).

41. Грядовой, Д. И. Концепции современного естествознания : Структурный курс основ естествознания : учебное пособие в схемах, определениях и таблицах / Д. И. Грядовой. – М. : Учпедгиз, 1999. – 239 с. – EDN: [WEXTRT](#).

42. Грядовой, Д. И. Логика : Структурный курс основ формальной логики : учебное пособие в схемах, определениях и таблицах / Д. И. Грядовой. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Щит-М, 2000. – 175 с. – EDN: [WEYAFT](#).

43. Грядовой, Д. И. Комплексный подход к воспитанию кадров правоохранительных органов / Д. И. Грядовой // Юбилейный сборник научных трудов Московской академии МВД России. – М. : Московская академия МВД России, 2000. – С. 101–104. – EDN: [WFBMXL](#).

44. Грядовой, Д. И. Формирование этических идеалов как метод управления процессом нравственного формирования личности сотрудника ОВД / Д. И. Грядовой // Отечество превыше всего! : материалы научно-практической конференции / под ред. А. А. Прошина, М. Н. Овсянниковой, С. С. Пылева. – М. : Московская академия МВД России, 2000. – С. 120–131.

45. Грядовой, Д. И. Логика. Структурный курс основ формальной логики : учебное пособие в схемах, определениях и таблицах / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2001. – 175 с. – EDN: [WEYACH](#).

46. Грядовой, Д. И. Философия: Структурный курс основ философии : учебное пособие / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2001. – 265 с. – EDN: [WEYADV](#).

47. Грядовой, Д. И. Актуальные вопросы управления процессом общекультурной подготовки специалистов органов внутренних дел / Д. И. Грядовой // Предупреждение преступности и полицейская этика : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : Щит-М, 2001. – С. 133–143. – EDN: [UJRGMP](#).

48. Грядовой, Д. И. Программированный контроль как средство управления учебным процессом / Д. И. Грядовой // Пути и формы оптимизации подготовки специалистов для органов внутренних дел в Московской академии МВД России в современных условиях : материалы XXVI учебно-методического сбора профессорско-преподавательского состава. – М. : Московская академия МВД России, 2001. – С. 61–64.

49. Грядовой, Д. И. Управленческое решение: Философско-социологический анализ / Д. И. Грядовой. – М. : Московская академия МВД России, 2001. – 192 с. – EDN: [UNEFWF](#).

50. Грядовой, Д. И. Христианство : учебное пособие / Д. И. Грядовой. – М. : Московская академия МВД России, 2001. – 181 с.

51. Грядовой, Д. И. Логика : Структурный курс основ формальной логики / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : Щит-М, 2002. – 192 с. – EDN: [UNDQUR](#).

52. Грядовой, Д. И. Теория и практика принятия управленческих решений: инновационные аспекты : монография / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2002. – 316 с. – EDN: [WEMDIF](#).

53. Грядовой, Д. И. Философия. Структурный курс основ философии / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2002. – 383 с. – EDN: [WFAMVT](#).

54. Грядовой, Д. И. Концептуальные основы теории управленческих решений (Философско-социологический анализ) : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия / Д. И. Грядовой. – М., 2003. – 380 с. – EDN: [NMFHIT](#).

55. Грядовой, Д. И. Концептуальные основы теории управленческих решений (Философско-социологический анализ) : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.00 – Социальная философия / Д. И. Грядовой. – М., 2003. – 48 с.

56. Грядовой, Д. И. Логика : Структурированный учебник : учебник для студентов вузов / Д. И. Грядовой. – 2 изд., перераб. и доп. – М. : Юнити, 2003. – 271 с. – EDN: [QWEQQZ](#).

57. Грядовой, Д. И. Логика. Практический курс основ формальной логики : учебное пособие в кратком изложении и упражнениях / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2003. – 255 с. – EDN: [QWHEZZ](#).

58. Грядовой, Д. И. Концепции современного естествознания : Структурированный учебник / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2003. – 239 с. – EDN: [WATZAN](#).

59. Грядовой, Д. И. Философия : Структурированный учебник для вузов / Д. И. Грядовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити, 2003. – 383 с. – EDN: [VCSBED](#).

60. Грядовой, Д. И. Организационно-управленческие вопросы комплексного воспитания кадров правоохранительных органов / Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2003. – № 1. – С. 87–92.

61. Грядовой, Д. И. Совершенствование управления процессом формирования профессионально-нравственной культуры сотрудников системы МВД России / Д. И. Грядовой // Профессиональная этика и эстетическая культура сотрудников правоохранительных органов : материалы международной научно-практической конференции. – М. : Московский университет МВД России, 2003. – С. 57–62.

62. Грядовой, Д. И. Стиль и методы руководства воспитательным процессом в органах внутренних дел / Д. И. Грядовой // Профессиональная этика и эстетическая культура сотрудников правоохранительных органов : материалы международной научно-практической конференции. – М. : Московский университет МВД России, 2003. – С. 62–64. – EDN: [XXGAVL](#).

63. Грядовой, Д. И. Формирование духовно-нравственных ориентиров как метод управления воспитательным процессом в органах внутренних дел / Д. И. Грядовой // Закон и право. – 2003. – № 4. – С. 23–26. EDN: [OPCBON](#).

64. Грядовой, Д. И. Управленческие решения: теория, методология, практика : монография / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Г. В. Шашурина. – М. : Щит-М, 2004. – 152 с. – EDN: [QQEVJN](#).

65. Мировоззренческая и методологическая культура сотрудников органов внутренних дел и пути ее формирования : сборник статей / сост. Д. И. Грядовой. – М. : Московский университет МВД России, 2004. – 134 с. – EDN: [QVYRYR](#).

66. Грядовой, Д. И. Мировоззренческая культура, духовность, профессионализм – неотъемлемые качества специалиста органов внутренних дел / Д. И. Грядовой // Мировоззренческая и методологическая культура сотрудников органов внутренних дел и пути ее формирования : сборник статей. – М. : Московский университет МВД России, 2004. – С. 7–9. – EDN: [UIZXRV](#).

67. Концепции современного естествознания : курс лекций / [Д. И. Грядовой, С. Г. Барсегян, Н. В. Стрелкова и др.]. – М. : Московский университет МВД России, 2006. – 309 с. – EDN: [QJJHPN](#).

68. Грядовой, Д. И. Рабочая учебная программа по дисциплине «Философия» / Д. И. Грядовой. – М. : Московский университет МВД России, 2006. – 60 с. – EDN: [UHDWTX](#).

69. Грядовой, Д. И. Нравственная культура сотрудника правоохранительных органов и пути ее формирования / Д. И. Грядовой // Достоинство личности и милиция / под ред. Н. В. Румянцева, С. С. Пылева. – М. : Щит-М, 2007. – С 106–114.

70. Философская антропология : учебное пособие / [Д. И. Грядовой и др.] ; под ред. Д. И. Грядовой. – М. : Московский университет МВД России, 2007. – 59 с. – EDN: [QWQCRL](#).

71. Грядовой, Д. И. Логика. Практический курс основ формальной логики / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2007. – 284 с. – EDN: [WETGXZ](#).

72. Грядовой, Д. И. Основы философских знаний : учебник для студентов вузов / Д. И. Грядовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити, 2007. – 303 с. – EDN: [UIEMGJ](#).

73. Концепции современного естествознания : методические рекомендации к самостоятельному изучению курса (очно-заочная (вечерняя) форма обучения) / [Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова и др.]. – М. : Московский университет МВД России, 2008. – 19 с. – EDN: [VVQDOJ](#).

74. Философия: планы семинарских занятий и методические рекомендации к ним : очная форма обучения / [Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин, П. П. Марченя и др.]. – М. : Московский университет МВД России, 2008. – 70 с. – EDN: [UHDEEB](#).

75. Кикоть, В. Я. Социальное управление: теория, методология, практика : монография / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2009. – 311 с. – EDN: [QOJDRZ](#).

76. Прикладные аспекты философского знания : учебное пособие / [Д. И. Грядовой, Н. В. Балябин, П. П. Марченя и др.] ; под ред. Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России, 2009. – 60 с. – EDN: [QWXAML](#).

77. Грядовой, Д. И. История философии : учебник для вузов. Кн. 1. Древний мир. Античность / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2009. – 463 с. – EDN: [UOAFGJ](#).

78. Грядовой, Д. И. История философии : учебник для вузов. Кн. 2. Средние века. Возрождение. Новое время / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2009. – 455 с. – EDN: [UOAFJB](#).

79. Грядовой, Д. И. Рабочая учебная программа по дисциплине «Философия» / Д. И. Грядовой, П. П. Марченя, Н. В. Стрелкова. – М. : Московский университет МВД России, 2009. – 60 с. – EDN: [UHDEAP](#).

80. Кикоть, В. Я. Оценочные технологии принятия решений / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 13–16. – EDN: [LGKNGD](#).

81. Кикоть, В. Я. Природа социального управления / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 30–33. – EDN: [LAUMQP](#).
82. Кикоть, В. Я. Система теоретического знания о социальном управлении / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 8. – С. 3–5. – EDN: [KYYBXR](#).
83. Кикоть, В. Я. Процесс принятия решения: сущность и содержание / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 9. – С. 10–12. – EDN: [LKYDCJ](#).
84. Наука управления. Основы организации и управления в сфере правоохранительной деятельности / [В. Я. Кикоть, С. С. Маилян, Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Юнити, 2010. – 751 с. – EDN: [QRKHZJ](#).
85. Кикоть, В. Я. Социальное управление: теория, методология, практика / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой // Наука управления. Основы организации и управления в сфере правоохранительной деятельности. – М. : Юнити, 2010. – С. 8–274. – EDN: [TVNJBV](#).
86. Грядовой, Д. И. Логика. Общий курс формальной логики / Д. И. Грядовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити, 2010. – 326 с. – EDN: [WEWVRD](#).
87. Грядовой, Д. И. Логика. Задачи и упражнения : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова. – М. : Юнити, 2010. – 119 с. – EDN: [UNQDRZ](#).
88. Грядовой, Д. И. Рабочая учебная программа по дисциплине «Логика» : для курсантов факультета подготовки экспертов-криминалистов, обучающихся по специальности 031003.65 Судебная экспертиза / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России, 2011. – 12 с. – EDN: [UWFQUL](#).
89. Кафедра философии / сост. Д. И. Грядовой // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 1. – С. 17. – EDN: [MHLJTQ](#).
90. Кикоть, В. Я. Социальное управление. Теория, методология, практика / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2012. – 311 с. – EDN: [PIUBGW](#).
91. Социально-философский анализ правовой жизни общества : сборник научных трудов / под ред. Д. И. Грядовой, Н. Ф. Медушевской. – М. : АПР, 2012. – 172 с. – EDN: [PIWCIQ](#).
92. Грядовой, Д. И. Немецкий классический идеализм о природе права и государства / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова // Социально-философский анализ правовой жизни общества : сборник научных трудов. – М. : АПР, 2012. – С. 4–23. – EDN: [UBPGON](#).
93. Грядовой, Д. И. Религиозные корни западноевропейского права / Д. И. Грядовой // Социально-философский анализ правовой жизни общества : сборник научных трудов. – М. : АПР, 2012. – С. 119–128. – EDN: [UBPJLX](#).
94. Грядовой, Д. И. История философии : учебник для вузов. Кн. 3. Европейское Просвещение. Иммануил Кант / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2012. – 471 с. – EDN: [UIEMJB](#).

95. Грядовой, Д. И. Практикум по дисциплине «Логика» / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России, 2012. – 28 с. – EDN: [WBCMKL](#).
96. Грядовой, Д. И. Логика. Задачи и упражнения : учебное пособие / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова. – М. : Юнити, 2012. – 120 с. – EDN: [SUFGAZ](#).
97. Грядовой, Д. И. Основы философских знаний / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2012. – 302 с. – EDN: [SUFRJZ](#).
98. Грядовой, Д. И. Логика. Общий курс формальной логики : учебник / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2012. – 327 с. – EDN: [SUFGAF](#).
99. Грядовой, Д. И. Философия : Структурированный учебник (для вузов) / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2012. – 385 с. – EDN: [SUGCAN](#).
100. Грядовой, Д. И. Философия. Общий курс : учебник / Д. И. Грядовой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити, 2012. – 463 с. – EDN: [SUFVRN](#).
101. Грядовой, Д. И. Системный анализ как общая методология исследования / Д. И. Грядовой // Философские исследования и современность : сборник научных трудов по итогам постоянно действующего семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» : Вып. 1. – М. : ВВА имени Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. – С. 73–85. – EDN: [TVHPPR](#).
102. Грядовой, Д. И. Философия : учебное пособие для сдачи экзамена / Д. И. Грядовой. – М. : Щит-М, 2013. – 382 с. – EDN: [UIEMIH](#).
103. Грядовой, Д. И. Социальное управление. Теория, методология, практика : монография / Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2013. – 312 с. – EDN: [WVSZDZ](#).
104. Практикум по дисциплине «Философия» / [С. Р. Аблеев, П. П. Марченя, Д. И. Грядовой и др.]. – М. : Московский университет МВД России, 2013. – 32 с. – EDN: [UGUADF](#).
105. Стрелкова, Н. В. Методология этического анализа / Н. В. Стрелкова, Д. И. Грядовой // Философские исследования и современность : сборник научных трудов : Вып. 2. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2013. – С. 165–174. – EDN: [TVNFQE](#).
106. Грядовой, Д. И. Социальное управление: XX век – смена парадигм / Д. И. Грядовой // Философские исследования и современность : сборник научных трудов : Вып. 2. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2013. – С. 52–65. – EDN: [TVNETX](#).
107. Грядовой Д. И. Практикум по дисциплине «Логика» / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 35 с. – EDN: [WJKERN](#).
108. Философия : примерная программа по направлению подготовки 030900.62 Юриспруденция / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 37 с. – EDN: [WJKGXT](#).
109. Философия : примерная программа по направлению подготовки 080101.65 Экономическая безопасность / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKGIT](#).

110. Философия : примерная программа по направлению подготовки 050407.65 Педагогика и психология девиантного поведения / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.] – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKGJD](#).

111. Философия : примерная программа по направлению подготовки 030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKGJN](#).

112. Философия : примерная программа по направлению подготовки 031001.65 Правоохранительная деятельность / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKGJX](#).

113. Философия : примерная программа по направлению подготовки 030301.65 Психология служебной деятельности / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKGKH](#).

114. Философия : примерная программа по направлению подготовки 090915.65 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере / [С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, А. Л. Золкин и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2014. – 40 с. – EDN: [WJKHAV](#).

115. Стрелкова, Н. В. Структуры морали и нравственности // Философские исследования и современность : сборник научных трудов : Вып. 3. / Н. В. Стрелкова, Д. И. Грядовой. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2014. – С. 193–212. – EDN: [TTQXPH](#).

116. Грядовой, Д. И. Сущность и содержание социально-философского подхода к проблеме управления / Д. И. Грядовой // Философские исследования и современность : сборник научных трудов : Вып. 3. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2014. – С. 70–90. – EDN: [TTQXLV](#).

117. Грядовой, Д. И. Логика: задачи и упражнения : учебное пособие для вузов / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова. – М. : Юнити, 2015. – 119 с. – EDN: [KFEOMA](#).

118. Грядовой, Д. И. Логика: Планы практических занятий и методические рекомендации для подготовки к ним. Для направлений подготовки 40.05.01 – Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 – Правоохранительная деятельность (очная форма обучения) / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 15 с. – EDN: [UWFSGN](#).

119. Грядовой, Д. И. Логика: Планы практических занятий и методические рекомендации для подготовки к ним. Для направлений подготовки 10.05.05 – Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере, 37.05.02 – Психология служебной деятельности, 40.05.03 – Судебная экспертиза (очная форма обучения) / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 15 с. – EDN: [UWFSHR](#).

120. Грядовой, Д. И. Логика : методические рекомендации к самостоятельному изучению курса. Для направлений подготовки 40.05.01 – Правовое обеспечение

национальной безопасности, 40.05.02 – Правоохранительная деятельность (заочная форма обучения) / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 27 с. – EDN: [UWFSEZ](#).

121. Неганов, В. В. История античной философии : учебное пособие / В. В. Неганов, К. С. Щелоков ; под ред. Д. И. Грядового. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2015. – 248 с. – EDN: [UFOUCX](#).

122. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 44.07.01 Образование и педагогические науки / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 30 с. – EDN: [UXIBNT](#).

123. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 37.07.01 Психологические науки / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 31 с. – EDN: [SUZLPR](#).

124. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 38.07.01 Экономика / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 32 с. – EDN: [UXIBLB](#).

125. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 40.07.01 Юриспруденция / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 31 с. – EDN: [UXIBNJ](#).

126. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 38.07.02 Экономическая безопасность / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 31 с. – EDN: [UXICON](#).

127. Аблеев, С. Р. История и философия науки : рабочая программа учебной дисциплины для направления подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 09.07.01 Информатика и вычислительная техника / С. Р. Аблеев, Д. И. Грядовой, П. П. Марченя. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 31 с. – EDN: [UXIBOD](#).

128. Кикоть, В. Я. Социальное управление. Теория, методология и практика : монография / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой. – М. : Юнити, 2015. – 311 с. – EDN: [ZALTPP](#).

129. Грядовой, Д. И. Проблема первоосновы морали (смысл вопроса о происхождении морали) / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова // Философские исследования и современность : сборник научных трудов : Вып. 4. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2015. – С. 70–77. – EDN: [UAIYGL](#).

130. Грядовой, Д. И. Организационно-управленческое обеспечение интеграции духовно-нравственного, патриотического и профессионального воспитания кадров правоохранительных органов / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 179–182. – EDN: [TTZMLN](#).

131. Грядовой, Д. И. Рабочая программа учебной дисциплины «Логика» по специальности 10.05.05 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 21 с. – EDN: [WDMFQV](#).

132. Грядовой, Д. И. Рабочая программа учебной дисциплины «Логика» по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 21 с. – EDN: [WDMFRF](#).

133. Грядовой, Д. И. Рабочая программа учебной дисциплины «Логика» по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – 21 с. – EDN: [WDMFRP](#).

134. Грядовой, Д. И. Рабочая программа учебной дисциплины «Логика» по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – 24 с. – EDN: [WDMFPR](#).

135. Грядовой, Д. И. Рабочая программа учебной дисциплины «Логика» по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – 24 с. – EDN: [WDMFQL](#).

136. Грядовой, Д. И. Логика : методические рекомендации по работе с практикумом / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова, Т. Н. Фролова. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – 47 с. – EDN: [YSFOJJ](#).

137. Грядовой, Д. И. Комплексное воспитание кадров правоохранительных органов (организационно-управленческие вопросы) / Д. И. Грядовой, Н. В. Стрелкова // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. К 10-летию семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» : Вып. 5. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2016. – С. 144–155. – EDN: [VZRB CD](#).

138. Стрелкова, Н. В. Способы воплощения морали в социальной практике и межчеловеческих отношениях / Н. В. Стрелкова, Д. И. Грядовой // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. К 10-летию семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» : Вып. 5. – М. : Издательский дом Академии имени Н.Е. Жуковского, 2016. – С. 284–288. – EDN: [VZRBPF](#).

139. Грядовой, Д. И. История философии : учебник для студентов вузов. Кн. 4. Философская мысль в Германии конца XVIII – середины XIX века. И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс / Д. И. Грядовой. – М. : Издательский дом Академии Жуковского, 2017. – 544 с. – EDN: [YSFOTJ](#).

140. Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России / [Д. И. Грядовой и др.] // Социально-гуманитарное обозрение. – 2017 – № 1. – С. 66–72. – EDN: [YHMSPX](#).

141. Грядовой, Д. И. Рецензия на учебник «Политология» под редакцией В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты, А. Б. Шатилова (3-е изд., перераб. и доп.) / Д. И. Грядовой // Социально-гуманитарное обозрение. – 2021. – № 1. – С. 56–57. – EDN: [IOZJVG](#).

*Абдрахманов А. И.¹,
доцент кафедры истории государства
и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

СЕРИЙНОЕ ДУШЕГУБСТВО КАК ФЕНОМЕН РЕАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Заявленная тема предполагает уточнение некоторых терминов, прежде всего, «серийного душегубства». В данном случае, имеются в виду многократные убийства по прямому умыслу, совершаемые из корыстных мотивов. Такое уточнение необходимо, так как одной из черт развития революции или утверждения «Красного проекта» оказалось резкое падение ценности человеческой жизни. Как следствие, страну охватывают проявления расправ самого разного характера – стихийно-революционного, традиционалистского, репрессивно-политического... Причем последние исходили как от «красных», так и от их оппонентов – «белых».

Важно отметить, что традиционные исследовательские приоритеты, как правило, акцентировались именно на репрессивно-политическом душегубстве, причем, в зависимости от руководящей идеологической установки, именно либо на «красном», либо на «белом». Но данный подход трудно признать достаточно объективным, прежде всего, в силу его явной идеологизированности. Условно, в советский период «красные» репрессии требовалось определять как «правильные» – ответные, вынужденные. «Белые» же расправы признавались «неправильными», порождаемыми классовой нетерпимостью, ненавистью к «распоясавшемуся быдлу». После 1991 г. полярность оценок поменялась, но идеологизация определяющего подхода преодолена не была.

Последнее состояние не способствовало раскрытию реальной сложности той эпохи, исключая из научного дискурса ряд серьезных факторов и реалий происходящего. Объективно проявившееся в ходе утверждения «Красного проекта» душегубство можно, с некоторой долей условности, разделить на политическое и сугубо криминальное, т. е. наряду с пламенными чекистами и золотопогонными контрразведчиками, в силу определенного мировоззрения включавшихся в «кровавую жатву», проявлялась и череда менее идеологизированных «пожинателей смерти». Точнее, речь идет о злодеях, целенаправленно лишавших другого человека жизни, вне каких-либо «идейных», политических, нормативных либо каких иных сложных оснований. Эти персонажи «переступали черту» просто в силу того, что чья-либо жизнь ограничивала последних в неких атрибутах комфорта, психологических притязаниях, предполагала для изувера естественные в человеческом общежитии ограничения и неудобства.

---

¹ © Абдрахманов А. И., 2023.

Причем даже если для матерых налетчиков убийство, как правило, расценивалось в качестве возможного, но нежелательного деяния, то означенная категория злоумышленников строила умысел на обязательном лишении жертвы жизни, что позволяет обозначить их, прежде всего, как «душегубов».

Само по себе патологическое равнодушие вменяемых лиц к ценности чужой жизни, увы, – не новость для криминологии. К сожалению, время от времени означенные типы воплощают свою деструктивность, решаясь на грех душегубства. Однако в социально стабильных, обустроенных условиях жизни, каждый такой случай является чрезвычайным, запуская механизм выявления и привлечения злоумышленника к ответственности, пресечения угрозы продолжения череды преступлений. Куда более тяжкая ситуация возникает в условиях масштабных социальных потрясений, как-то имело место в России рассматриваемого периода.

В этом отношении, уже крушение самодержавия в России сопровождалось распространением череды убийств, совершаемых с угрожающей повторяемостью и с пугающе поверхностной мотивацией.

Так, видного советского юриста М. Н. Гернета шокировало, когда «студент Ч.» намереваясь впечатлить участников вечеринки, выстрелом в голову, в упор, убил одного из случайно оказавшихся рядом гостей. Также упоминается «малолетняя 14-летняя матереубийца Таня М., прочитывающая перед своим преступлением страницы Достоевского с описанием убийства студентом Раскольниковым ростовщицы-старухи...» [2, с. 426–427]. Определяя общие черты подобных примеров, Гернет заключил, что «... все они в той или другой степени носят в себе черты ... “человека-машины”» [2, с. 428].

Причем, кроме «машинного» отношения злоумышленников к человеческой жизни, на заре «Красного проекта» проявляется тревожная тенденция, когда подобные действия перерастают в преступления серийного характера.

Так, действовавшая с начала 1918 г. по осень 1921 г. банда Ивана Белова (Белякова) по кличке «Белка» успела совершить 20 убийств гражданских лиц и 7 сотрудников милиции, а также нанести серьезные увечья не менее 18 пострадавшим. 27 жизней за неполные 3 года – высокий счет, при том что банда «Белки» не самая «лютая» группировка той эпохи. По бандитскому «почерку», если жертва не сопротивлялась и не угрожала грабителям, то они обычно оставляли ее в живых.

Аналогична ситуация с бандой Леонида Пантелкина (Пантелеева). Пантелкин также был известен тем, что, по крайней мере в начале своего преступного пути, предпочитал по возможности избегать душегубства. И тем не менее, означенное отношение не помешало его банде лишить жизни 15 человек, оказавшихся либо показавшихся Ленке опасными.

Примером вызывающей, демонстративной, «на показ», лютости может послужить банда Якова Кошелкина (Кошелькова), за одну ночь с 23 на 24 января 1919 г. расстрелявшая насмерть 22 милиционера. В данном случае, кроме числа погибших, характерен почерк совершения преступления – бандиты захватили автомобиль и, объезжая на нем милицейские посты, вызывали постовых милицейским свистком, после чего стреляли в служивых в упор. Кошельков убивал

сотрудников милиции не только ради куража, но и в ходе неоднократных стычек. За год до этого, при побеге из-под стражи, он насмерть застрелил 3-х конвойных сотрудников милиции, а 6 января 1919 г. в перестрелке с кошелевской бандой погиб милиционер Николай Солонцов. 1 мая того же года в очередной перестрелке погибли еще 3 сотрудника милиции. И опять же, хотя Кошелев проявил себя лютым головорезом (29 погибших от рук его банды милиционеров, 1 раненный ими сотрудник ЧК – за полтора года), но не самым отъявленным изувером первых лет революции.

Казалось бы, как же надо себя «выразить», чтобы оставить о себе еще более страшную память, нежели упомянутые душегубы? И здесь проявились два «безусловных» изувера – Василий Котов (Смирнов) и Михаил Осипов («Культяпый»).

Банда Котова орудовала с 1918 г. по осень 1922 г., убив за это время 116 человек. Характерен способ убийства – Котов с подельниками действовал по сельским поселениям, убивая всех, оказавшихся в захваченном бандитами доме – от младенцев до стариков; всех жертв Котов «забивал» лично – ударом топора, девочек и женщин перед расправой душегубы насиловали.

Следующий бандитский главарь – Михаил Осипов («Интеллигент», «Культяпый»), лично зарубил топором 78 человек, причем имел здесь собственный почерк – выкладывая из своих жертв «кровавый веер». Криминальный стаж Осипова начался еще до революции, завершившись осенью 1923 г. Как можно понять, кровавый счет его жертв розыск вел после 1917 г.

Приходится отметить, что Котов и Осипов – это наиболее «засветившиеся», но, увы, не единственные серийные убийцы тех лет. Так, 28 мая 1928 г. в Москве проходил процесс над Василием Комаровым-Петровым по кличке «Упаковщик», на которого приходится 33 установленных убийства. Казалось бы, возможно ли большее злодейство? Тем не менее, в 1931 г. была ликвидирована банда Е. Башкатова, за которой числилось 459 убитых, из которых 121 жертву убил лично Башкатов.

Собственно, имели место и менее масштабные трагедии, когда жертвами душегубов становились «всего» несколько человек. Но и здесь приходится отметить вышеохарактеризованную «машинность» действий убийц, ничтожность материального интереса, толкающего злоумышленников на преступление. Как, например, в ситуации с убийством семьи из 5 человек в Ленинграде в начале 1923 г.: «Вероятно, один разговаривал со старухой, а другой сзади нанес ей смертельный удар. Удар должен был быть точным и смертельным, иначе старуха могла поднять крик. Очевидно, преступники знали, что скоро должны вернуться дети из школы. По уверенности их действий чувствовалось, что они были готовы к приходу детей. Каждый раз, когда раздавался стук, они впускали пришедшего и наносили ему удар, единственный и смертельный» [1, с. 72].

Разумеется, душегубы, последовательно, раз от раза, совершавшие одно убийство за другим, проявляли себя и до 1917 г., и после рассматриваемого периода. Здесь достаточно упомянуть А. Лабуткина, с 1933 по 1935 гг. застрелившего 12 человек, «семью душителей» Сафаровых, в годы Великой Отечественной войны одну за другой задушивших 6 женщин. Не прекращались множественные убийства и в условиях послевоенного восстановления, где

достаточно упомянуть банду А. Воробьева (Косого), погубившую 19 подростков, ленинградского убийцу Ф. Тюрина (14 доказанных убийств).

К 1960-м гг. жизнь в стране наладилась, но душегубство искоренить не удалось – упомянем В. Ионесяна («Мосгаз»), сгубившего 5 жертв, 4 из которых – дети. Однако, в условиях «утвердившегося социализма» речь идет о разовых случаях, в срок от нескольких дней до более месяца, пресеченных милицией.

И все же проявившаяся на одном и том же отрезке времени череда душегубов, из года в год орудующих с прямым умыслом на убийство, реализованном в нескольких сотнях случаев – реалья именно первой половины 1920-х гг. Характерно, что в качестве мотива для убийства тогда нередко выступал совершенно незначительный материальный интерес – домашняя утварь, дорожные вещи, карманные деньги. Кроме того, злоумышленники нередко убивали людей даже вопреки преступной целесообразности – малолетних детей, беспомощных стариков, случайных лиц, не видевших злодеев в лицо, неходячих больных и пр. Подобное возможно объяснить не только масштабным обесцениванием человеческой жизни, но и полной уверенностью «нелюдей» в собственной безнаказанности.

И означенное душегубство само по себе, и его характерные признаки, могут быть объяснены вполне определенными причинами. На первую из таковых указывает то обстоятельство, что большая часть вышеперечисленных преступников негативно проявили себя еще в Российской империи и к началу «Красной смуты» являлись уже выраженными криминальными типами. Я. Кошельков попал на полицейский учет еще в 1913 г., солидным «имперским уголовным стажем» обладал М. Осипов, за кражи с военных складов был осужден В. Комаров, неоднократно побывал под судом при царизме В. Котов, который и тогда «не мог быть уже никем другим, только профессиональным преступником – уголовщина стала его кровью и плотью» [4, с. 131]. Остальные злоумышленники отметились в данном качестве либо в период Февраля 1917 г. или уже в первые годы после Октября. При этом именно в убийствах большинство перечисленных асоциальных элементов при царизме уличено не было. И имеются серьезные основания утверждать, что «ящик Пандоры», превративший «старорежимных» уголовников в совершенно распоясавшуюся нелюдь, распахнули действия Временного буржуазного правительства.

Прежде всего, именно Временное правительство инициировало ряд мероприятий либерально-демократического характера, в конечном итоге «сподвигнувших» воров, громил и прочую «шушеру» на крайнюю форму душегубства – серийные убийства.

В числе определяющих причин тому отметим:

– представители Временного правительства продвинули в общественное сознание тезис о том, что в превращении человека в преступника, прежде всего, виноват реакционный политический строй, «замшелые» патриархальные общественные отношения. В итоге множество уголовников обрели фактическую индульгенцию на совершаемые злодеяния, в которых предлагалось винить не конкретного злодея, а «неблагоприятную среду». Последствия таковой «ин-

дульгенции», как можно видеть из вышеприведенных свидетельств, скоро проявились, как говорится, налицо;

– буржуазное Временное правительство не только предложило уголовной среде мотивацию для самооправдания за уже совершенные преступления, но и физически распахнуло затворы, изолировавшие каторжный мир от благочинного российского общества. К моменту Февральской революции один из подельников Котова отбывал наказание за убийство полицейского, остальные душегубы, если не находились за решеткой, то, как минимум, состояли под плотным полицейским надзором. Масштабная амнистия и разгром полицейской службы «раскрепостили» эту, да и практически всю остальную блатную публику, бурным потоком вырвавшуюся из каких-либо ограничителей и захлестнувшую мир законопослушных граждан;

– весомым фактором криминализации общества явилась развернутая Временным правительством антиполицейская кампания. Молниеносная ликвидация полиции и жандармерии, выраженное шельмование сотрудников названных служб, неспособность новых властей создать сколько-нибудь дееспособную замену упраздненной полиции, лишили общество действующей защиты от криминального насилия. Многие из вышеупомянутых изуверов именно в демократический период 1917 г. убедились в наступлении фактической безнаказанности, что в немалой степени и вывело их на последующий кровавый путь.

Таким образом, есть основания говорить о специфичном, но масштабном революционно-демократическом концепте, с марта 1917 г. разворачиваемом в сфере обеспечения безопасности, противодействия криминогенным угрозам. Причем основной массив решений, определивший трагические проявления «серийного душегубства», был осуществлен именно в первые месяцы буржуазно-демократического режима России. Ряд последующих мероприятий первого года Советской власти, как минимум, не обеспечил возможностей для значимого исправления ситуации. Характерно, что впоследствии часть вышеприведенных преступных «серий» была остановлена не столько в результате профессиональной, систематической и кропотливой работы милиции, сколько благодаря счастливому для розыска стечению обстоятельств. Именно так оказался задержан Осипов: во время налета банды которого на магазин в зал неожиданно зашел священник, оказавшийся к тому же достаточно энергичным и физически развитым, чтобы вырваться от грабителей и поднять тревогу. В уличной толпе, опять же случайно, оказался агент уголовного розыска, отреагировавший на возникшую суматоху и обеспечивший задержание налетчиков.

В определенной части, задержанию Культяпого поспособствовало то, что тот и сам поддался ощущению собственной неуловимости, начал утрачивать осторожность – запланировав налет в оживленной части города на дневное время. Итогом таковой самонадеянности налетчика и явилось его задержание, результат которого оказался для розыска неожиданно результативным – уже в ходе опознания задержанных в розыске установили, что один из последних – тот самый «Культяпый». До этого момента информацией о том, что напряженно разыскиваемый по всей России душегуб разворачивается в Уфе, сыщики не располагали.

То же можно сказать о раскрытии убийства семьи из пяти человек в Ленинграде – преступление расследовал ставший впоследствии легендарным сыщик Иван Васильевич Бодунов, в тот момент направленный лишь в оцепление места происшествия. Значительную часть действий, позволивших распутать это сложное дело, Бодунов осуществил сугубо по собственной инициативе, в личное время, основываясь не столько на профессионализме, сколько на собственных интуитивных умозаключениях. В частности, именно в силу своей любознательности Иван Васильевич оставил внешнее оцепление и заглянул в «ту самую» квартиру, где выяснил ряд обстоятельств злодеяния, знание о которых затем позволило ему довести расследование до судебного приговора. Как можно видеть, и к 1923 г. советская служба противодействия преступности зачастую достигала результата либо в случае явного просчета в действиях злоумышленников, либо благодаря инициативе и интуиции кого-либо из сотрудников розыска. То есть процессы налаживания методов розыскной работы, накапливания профессионализма еще не привели к достаточному восстановлению разгромленных в феврале 1917 г. охранительных институтов. Как одно из следствий этого – «тихие» душегубы годами безнаказанно обрывали одну за жизнь за другой, – до конца 1920-х гг. розыск на них так и вышел.

Означенный аспект осуществления «Красного проекта» (в части, касающейся именно «гуманистического», «демократического» понимания природы преступности) возможно оценивать в контексте отмеченных В. Я. Кикотем и Д. И. Грядовым линейного и нелинейного принципов управления [3, с. 3–5]. А именно, линейность здесь выражается в том, как решительно (линейно) Временное правительство, определив преступников в «жертвы», а полицейских – в «паразитов-палачей», реализовало вытекающие из такого определения управленческие решения. Данные действия не соответствовали ни реальному состоянию криминала, ни значению и роли полиции – вызвав последствия, которые Д. И. Грядовой называет «эффектом бумеранга». «Бумеранг» в данном случае сокрушительно обрушился на сферу безопасности, на годы подорвав поддерживаемое ранее качество охраны общественного порядка. Одним из наиболее жутких проявлений означенной «линейности» явились невиданные ранее масштабы проявления деструктивности психически вменяемой, но глубоко морально ущербной нелицы, из года в год безнаказанно лишавшей окружающих людей жизни. И положить конец этой волне насильственной гибели удалось лишь в итоге деятельного пересмотра линейного подхода в проведении ряда революционно-демократических установок относительно природы преступности и борьбы с ней.

Библиографический список

1. Бодунов И. В., Рысс Е. С. Записки следователя. М. : Детская литература, 1966.
2. Гернет М. Н. Преступный мир Москвы: Избранные произведения. М. : Юридическая литература, 1974.
3. Кикоть В. Я., Грядовой Д. И. Система теоретического знания о социальном управлении // Вестник Московского университета МВД России 2009. № 8. С. 3–5.
4. Кубеев М. Н. Налетчики. М. : Детектив-пресс, 2000.

Бельский В. Ю.¹,
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор

ИНФОРМАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время мы наблюдаем обострение политического противоборства между ведущими государствами мира. При этом важнейшими направлениями нарастающих противостояний становятся мировоззренческая, идеологическая и ценностная сферы жизнедеятельности; соответственно, победителями в этом противоборстве станут те страны и структуры, которые будут доминировать в научной, информационной, духовно-нравственной и иных подобных сферах [1–2].

Не секрет, что современная Россия подвергается массированным атакам со стороны зарубежных и транснациональных «центров силы», осуществляемым в режиме масштабной гибридной войны, в которой основным способом воздействия является агрессивное и циничное информационно-психологическое давление на Российскую Федерацию, направленное на разрушение духовно-нравственных основ нашей страны и единства российского народа, на упразднение российской государственности, международную дискредитацию России и изменение ее места в современном мире. Подобные вызовы и угрозы требуют от Российской Федерации духовной консолидации российского общества, защиты индивидуального и общественного сознания, сохранения цивилизационной идентичности многонационального народа России, укрепления в нашей стране традиционных ценностей и идеалов основных социальных групп.

Все эти обстоятельства и факторы предопределяют резкое возрастание роли и значения в современном мире идеологий и квалифицированной идейно-политической и воспитательной работы. В свою очередь, качество названной работы и уровень идейно-политической подготовки специалистов, в особенности – в сфере государственного управления, а также обеспечение в обществе законности и правопорядка зависят от состояния в стране ряда гуманитарных наук и прежде всего – философии. В том числе – от преподавания философии в силовых вузах.

Философия – фундаментальная наука, изучающая логику и закономерности исторического процесса, формулирующая цели и основные законы функционирования и развития общества и государства, определяющая ключевые параметры и условия обеспечения национальной безопасности, а также основания стабильности и устойчивости всей системы социальных, политических и духовных институтов. Соответственно, без обращения органов государственного управ-

---

¹ © Бельский В. Ю., 2023.

ления России к философским наукам невозможно обеспечить разработку стратегии позитивных преобразований и соответствующее динамичное и конкурентоспособное развитие Отечества.

Право, как одна из самых емких философских категорий, отличается специфическим способом отражения окружающего мира. Впервые эту закономерность подметил и отразил в своей теории построения идеального государства греческий философ Платон. Гегель разработал основы философии права и возвел ее на уровень всеобщности. Маркс показал значимость институтов права как в сохранении стабильности и безопасности общества, так и в обеспечении в нем социальных и иных перемен. В советский период в нашей стране важнейшее место как в системе образования, так и в системе кадровой и воспитательной работы на всех уровнях государственного управления занимала марксистско-ленинская философия и такая важная философская дисциплина, как аксиология (наука об этике). Именно философия определяла основные параметры национальной (социалистической) идеологии, системы советского права, аксиологии и других важнейших элементов так называемой «надстройки».

С начала 90-х гг. прошлого века ситуация в Российской Федерации существенно изменилась; изменились и мировоззренческие приоритеты, что не снижает актуальность осмысления ключевых проблем российского общества на фундаментальном, философском уровне. Напротив, эта актуальность год от года возрастает, поскольку в России и в мире растут число и масштабы самых разных проблем, остающихся без ответа.

В последние десятилетия в Российской Федерации философию фактически оторвали от государственной идеологии и формирования государственными органами у молодого поколения высокоморального и национально-ориентированного мировоззрения. Как результат – резкие провалы в Российской Федерации в кадровой работе, в воспитательной работе с молодежью, в производстве культурного продукта, в обеспечении правопорядка и т. п. Это выразилось, в частности, в жестком конфликте в ведущем государственном Институте философии РАН, где в связи с отсутствием государственного заказа на разработку научных основ функционирования современного российского общества часть коллектива увлеклась «научными» исследованиями в контексте продвижения в России западных и прозападных идеологических доктрин. Это выражается и в соответствующих конфликтах в ведущих образовательных учреждениях, являющихся следствием нарастающих идеологических разногласий и дискуссий в коллективах.

Особенно актуальна реализация общезначимых мировоззренческих и идейно-воспитательных задач для силовых структур, на которых ложится основная нагрузка по обеспечению законности и правопорядка. Именно к сотрудникам силовых структур традиционно предъявляются самые высокие идейные и моральные требования, и еще более высокие требования принято предъявлять к высшим учебным заведениям, осуществляющим подготовку специалистов для различных силовых структур. Очевидно, что выпускники силовых вузов должны иметь не только четкое представление о том, что такое национальные

интересы государства, но и высокий уровень личной идейно-политической подготовки.

В СССР так и было: именно силовые вузы готовили образцовые (с точки зрения морального облика и идейно-политического уровня) кадры. В новой же России в 1990-е гг. воспитательная работа с кадровым составом силовых структур была почти заброшена. Сегодня эта работа понемногу возвращается, в первую очередь, в структурах Министерства обороны Российской Федерации, однако в системе органов МВД России решение подобной задачи в настоящее время не менее, а может быть и более актуально, поскольку если военнослужащие призваны защищать родину, то сотрудники полиции обязаны защищать конкретных людей.

К сожалению, качество личного состава органов МВД России в настоящее время оставляет желать лучшего. В прессе фиксируются многочисленные случаи злоупотребления сотрудниками МВД России служебным положением, факты коррупции и грубого обращения с гражданами, сращивание отдельных подразделений полиции с криминальными структурами и т. п. И все это происходит по причине низкого уровня идейно-политической и воспитательной работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Поэтому особое значение для изменения ситуации играют поставленные Правительством Российской Федерации и руководством МВД России задачи создания в стране высокоэффективной системы мировоззренческой, идейно-политической и морально-психологической подготовки кадров. И для этого на первом этапе необходимо подготовить (на высоком научно-философском уровне) концепцию формирования такой системы, отвечающую всем необходимым требованиям и запросам складывающейся в России и в мире обстановки.

Главной целью УРЛС в информационно-идеологической работе с личным составом должно быть формирование сотрудника полиции как патриота-государственника, надежного защитника конституционного и общественного строя, преданного идеалам служения закону и правопорядку.

Методологической основой работы идейно-политической и морально-психологической подготовки сотрудников МВД России должны стать высокопрофессиональные разработки российских специалистов – философов, политологов, социологов, психологов и специалистов в области истории и теории государства и права.

Основными задачами органов информационно-идеологической работы в системе органов внутренних дел должны быть:

- разъяснение сотрудникам МВД России политики российского государства в сфере защиты конституционного строя, обеспечения общественной безопасности, законности и правопорядка, прав и свобод граждан и ее идейной основы – национальных интересов, идеалов и ценностей;
- создание условий (учебных планов, методик, материально-технического обеспечения и проч.) для усвоения сотрудниками МВД России соответствующих знаний;
- формирование идейно убежденной, сильной духом личности сотрудника МВД России, духовно и нравственно сплоченных коллективов сотрудников по-

лиции, способных выполнять служебные обязанности и задачи в различных социально-политических и социально-бытовых ситуациях;

- формирование патриотического сознания у сотрудников и гражданского персонала МВД России, осознания ими уникальности России как особого государственно-политического и социального образования;

- организацию профессионального политического образования, просвещения и агитационно-пропагандистской работы в органах и подразделениях МВД России;

- информационно-идеологическое обеспечение поддержания и укрепления служебной и трудовой дисциплины сотрудников и гражданского персонала МВД, их морально-политического и психологического состояния;

- организацию контрпропагандистской работы по защите сотрудников и гражданского персонала МВД России от негативного информационно-психологического воздействия, предупреждение проявлений отклоняющегося поведения в коллективах сотрудников;

- работу с ветеранами, вовлечение их в агитационно-пропагандистскую и воспитательную работу в органах и подразделениях МВД России, а также работу с гражданской молодежью;

- взаимодействие с государственными органами и институтами, СМИ, институтами гражданского общества по формированию у населения позитивного образа сотрудника МВД России.

Важным и необходимым условием разворачивания в МВД России высоко-профессиональной системы идейно-политической и морально-психологической подготовки кадров является разработка и утверждение концепции и нормативно-правовой базы функционирования названной системы и последующей деятельности органов информационно-идеологической и воспитательной работы в структурах Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Библиографический список

1. Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. Вып. 9. М. : ИПЛ, 2020. С. 191–230.

2. Россия и глобальный кризис современности / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : сборник научных трудов. Вып. 10. М. : ИПЛ, 2021. С. 202–255.

Васечко А. А.¹,
заместитель начальника
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

На основе логического и лингвистического анализа в статье поставлен вопрос, отражающий роль аксиологической модальности в формулировке нормативных положений. Обозначенная в статье проблема за истекшее десятилетие стала еще значительнее, чем прежде, а главное, она особо актуальна в контексте принятых в этом направлении на государственном уровне за последние несколько лет нормативно-правовых актов.

С точки зрения формальной логики любая норма права представляет собой суждение, которое содержит основную информацию о предмете мысли (предмете регулирования). Кроме того, в правовых нормах чаще содержится еще и дополнительная информация, которая называется модальностью суждения. Под модальностью понимается явно или неявно выраженная в суждении дополнительная оценочная информация. В современной модальной логике изучаются логические и физические, эпистемические, деонтические, временные и, наконец, аксиологические модальности. Аксиологическая модальность – это модальность, характеризующая высказывания с позиции той или иной системы ценностей. Модальности, хотя и дают различную оценочную характеристику явлениям, тем не менее, имеют ряд общих формальных признаков. Во-первых, каждая из модальностей имеет абсолютные и сравнительные модальные функторы (оценочные высказывания). Так, например, абсолютными понятиями для аксиологической модальности будут «хорошо», «плохо», «безразлично». Сравнительными модальными понятиями будут «лучше», «хуже», «равноценно». Во-вторых, независимо от того, к какой группе относятся оценочные понятия, они всегда определяются одно через другое по одной и той же схеме. Так, например, «хорошо» то, что не является «плохим» и т. д. Итак, мы обозначили ключевые понятия, используемые в статье.

Необходимо отметить, что изучение аксиологической модальности сегодня приобретает все большее значение. В последнее время наиболее уязвимой оказалась культурно-историческая сфера. История, духовные ценности, традиции сегодня являются сферой растущего интереса различных политических сил. При этом объектом посягательства становится самое ценное, что есть у любого народа – история, духовные начала, лежащие в основе его единства и развития – духовный суверенитет, который является важнейшей частью цивилизационного

---

¹ © Васечко А. А., 2023.

суверенитета в целом [1, с. 137]. Российский народ, являясь носителем духовного суверенитета, сегодня находится в состоянии информационного и интеллектуального хаоса, когда приходится объяснять элементарные вещи – «что такое хорошо, и что такое плохо» – ситуация немыслимая еще полвека назад. Адекватным ответом на сложившуюся ситуацию и первым важнейшим шагом на пути к установлению порядка стал Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В данной статье предпринята попытка оценки отдельных положений приведенного выше Указа с позиции ценностных показателей. Так, в ст. 5 Указа дается перечень традиционных российских ценностей [4]. С точки зрения аксиологической модальности данное положение выглядит следующим образом: «хорошо, что к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Данное положение, несомненно, имеет положительную оценку. С позиций аксиологической модальности естественно встает вопрос об иерархии перечисленных ценностей: имеют ли они приоритет друг над другом или являются равноценными? Поскольку какие-либо дальнейшие комментарии и пояснения по этому вопросу в указе отсутствуют, можно предположить, что перечисленные ценности равнозначны, равноценны.

Статья 6 Указа признает христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия [4]. И снова данное положение имеет явно положительную оценку. Опираясь на положения ч. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2], нельзя говорить о приоритете какой-либо из религий над другой, т. е. необходимо считать их равноценными. Но при этом в следующей фразе Указа хотя и признается вклад всех основных религий, тем не менее, отдельно подчеркивается особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей, а значит, исходя из терминов аксиологической модальности, православие имеет большую ценность в этом вопросе.

При этом в Указе есть положения, фиксирующие явно отрицательные явления. Так, например, в ст. 13 перечислены основные угрозы традиционным ценностям [4]. Ясно, что они имеют отрицательную оценку, так: «плохо, что угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных СМИ и массовых коммуникаций, действия США и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России».

В модальных высказываниях также возникает вопрос об объективности оценок, ведь оценка всегда дается человеком, а человек по природе своей субъективен, поэтому и система оценок у каждого человека может быть своя. Насколько объективна выделенная система ценностей? В решении данного вопроса необходимо помнить, что аксиологические высказывания в целом не рассматриваются как истинные или ложные [3, с. 129], но логика требует непротиворечивости, разумности, обоснованности и полезности норм и оценок. И здесь необходимо обратить внимание на определение традиционных ценностей, приведенное в ст. 4 Указа [4]. Пожалуй, что именно российская духовность, история и культура многонационального российского народа выступают теми самыми разумными критериями, соответствие которым делает выделенную систему ценностей объективной. Президент Российской Федерации, представляя государство во внешней и внутренней политике, выступая не от своего имени, а от имени государства, приносит присягу и обязуется защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства. Подразумевается, что речь в данном случае идет, в том числе, и о духовном суверенитете и безопасности.

Все выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что аксиологическая модальность представляет собой направление современной модальной логики, которая занимается вопросами практического характера. Использование аксиологической модальности позволяет формально представить процесс понимания и осмысления мира человеком.

Библиографический список

1. Васечко А. А. Историческое сознание как необходимое условие сохранения национальной идентичности России // Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы : сборник материалов Всероссийской научной конференции. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 137–140.
2. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
3. Ордина П. С. Анализ практических рассуждений средствами деонтической, аксиологической и эпистемической модальных логических систем // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 12. С. 126–130.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html>.

Жуланов А. В.¹,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук

Самарский А. Н.²,
старший преподаватель кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России

ЦИФРОВАЯ ПЕДАГОГИКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сегодня практически не осталось отраслей, в которых не используются информационные и цифровые технологии. В педагогике они применяются для улучшения качества преподавания, усвоения материалов, а также для повышения интереса учащихся. В отличие от традиционных методик, цифровые представляются более передовыми и перспективными. Конечно, все новое зачастую вызывает страх и даже панику, однако, как показывает практика, они быстро проходят, когда преподаватели и студенты начинают получать реальные результаты.

Зачастую люди сами определяют круг своих интересов, поэтому на рынке существует огромное количество разнообразных курсов, затрагивающих самые разные сферы, от науки до спортивных тренировок. Цифровая педагогика предполагает возможность получить доступ к любому из них, из любой точки мира, и позволяет как индивидуально подобрать тех преподавателей, у которых человек хочет учиться, так и получать эти знания в том темпе и интенсивности, которые походят именно ему. Таким образом, цифровая педагогика – это не только новая образовательная технология, но и средство изменения образовательных подходов в обучении. При помощи нее формируется так называемая гибридная образовательная среда.

Однако отметим, что только цифровые технологии не делают из человека образованного субъекта. Важно комплексное взаимодействие педагога и новых технологий. Исключение учителя из процесса передачи знаний, и замена его компьютером, привели к отрицательным результатам, в тоже время, словесное объяснение нового материала, с применением цифровых технологий, делает процесс обучения менее монотонным и более интересным, смена внимания преподавателем, к примеру, на слайды, которые он демонстрирует, делает процесс обучения более интересным, информативным и насыщенным. Сегодня учителя берут на себя роль модераторов, а технологии становятся больше, чем инструментом: они меняют то, как и что изучает студент. Использование компьютера не делает обучение эффективным само по себе – необходимо понять, как эффективно использовать технологии, выбрать правильную технологию для достижения желаемых

---

¹ © Жуланов А. В., 2023.

² © Самарский А. Н., 2023.

результатов обучения. Цифровая педагогика – это изучение того, как преподавать с использованием цифровых технологий.

Цифровая педагогика сегодня обеспечивает высокое качество образования. Использование различных обучающих приложений, с итоговым тестовым заданием позволяет определить уровень усвоения материала. Отличие традиционной от цифровой педагогики состоит в том, что последняя учит студентов самостоятельности, формирует навык поиска и запроса, сортировки информации, монтажу собственных выступлений, подготовке презентаций и пр., с использованием современных компьютерных техник и технологий. Сегодня смонтировать ролик можно используя обычный мобильный телефон, а также использовать его для выполнения онлайн-заданий. Например, приложение *Kahoot* позволяет преподавателям демонстрировать вопросы и ответы на интерактивной доске, а учащимся – выбирать вариант ответа на своих устройствах. По окончании теста студенты увидят результаты учебы на общем экране. Цифровая педагогика позволяет вовлечь учеников и сэкономить время: готовые задания можно найти онлайн, а проверку домашних заданий (тестов) можно автоматизировать, сосредоточившись на обучении. Доступ в интернет открывает широкие возможности не только для развлечений, но и для обучения. Поэтому сегодня широко внедряются как различные обучающие платформы, так и возможность проведения занятий онлайн. На современном этапе в педагогической среде обсуждаются вопросы применения искусственного интеллекта, который будет формировать комплексную модель знаний, интересов и возможностей обучающегося путем сбора и анализа сведений о нем [1, с. 6–8].

Одним из достижений цифровой педагогики стало применение дистанционного обучения. Особенно это было актуальным в период пандемии коронавирусной инфекции. Данная технология позволила реализовать личностно-ориентированный подход в образовании. Многие педагоги утверждают, что интерактивной среде «учащийся – компьютер – преподаватель» больше внимания должно уделяться активизации образного мышления за счет использования технологий, активизирующих правополушарное, синтетическое мышление. А это значит, что представление учебного материала должно воспроизводить мысль преподавателя в виде образов [2, с. 21–24].

Таким образом, цифровая педагогика открывает новые перспективы в процессах обучения, формирует отличные от традиционных, образовательные подходы, которые отвечают высоким стандартам и современным запросам.

Библиографический список

1. Богомазов А. В. Пути применения искусственного интеллекта в образовании // Электронное обучение: опыт, проблемы и перспективы : материалы Межрегиональной научно-практической интернет-конференции / под ред. А. В. Богомазова, Г. Р. Аминовой. Уфа : ИРО РБ, 2020. С. 6–8.
2. Скрипченко В. В. Особенности дистанционного обучения // Электронное обучение: опыт, проблемы и перспективы : материалы Межрегиональной научно-практической интернет-конференции / под ред. А. В. Богомазова, Г. Р. Аминовой. Уфа : ИРО РБ, 2020. С. 21–24.

Журов А. Н.¹,
*доцент кафедры истории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Образование в 1718 г. нового регулярного органа – полиции явилось существенным шагом в развитии правоохранительной системы нашего Отечества. Однако, на раннем этапе своего существования, практически на протяжении всего XVIII в. государство мало заботилось о качественном комплектовании кадрового состава полиции и его профессиональной подготовке. Основным источником пополнения кадров полиции в данный период стала российская армия. Офицеры, унтер-офицеры и солдаты переводились из строевых частей на службу в полицейские органы, либо полицейскими становились отставные военные. Конечно, они приносили на новую службу свои познания и представления о военном деле и служебном долге, однако такой способ комплектования зачастую оказывался неэффективным.

Новым этапом развития отечественных органов внутренних дел, который потребовал более внимательного отношения к кадровому обеспечению и профессиональной подготовке полиции, стало образование 8 сентября 1802 г. Министерства внутренних дел Российской империи, которому было предписано заботиться о спокойствии и благочинии населения, благоустройстве всей Империи.

Как и в предыдущий период своего существования, полиция первой половине XIX в. продолжает комплектоваться преимущественно из военных. Однако все чаще и особенно на руководящие посты, стали привлекаться лица, имеющие высшее образование. Создание новых университетов и институтов в данный период позволило увеличить количество подготовленных специалистов, в том числе и имеющих юридическое образование, направить их на государственную службу, тем самым, повысив образовательный уровень и эффективность ее кадрового состава. Стоит заметить, что в первой половине XIX в. в структуре МВД России так и не было образовано каких либо специальных образовательных и научных учреждений, которые бы занимались профессиональным образованием полицейских кадров.

В первое десятилетие XIX в. отечественное государство начинает активно стимулировать своих чиновников к получению необходимого для службы образования. 6 августа 1809 г. императором Александром I принимается Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские ассессоры и статские советники» [2].

---

¹ © Журов А. Н., 2023.

Данный нормативный правовой акт существенно трансформировал порядок производства в чин, который был поставлен в зависимость от уровня образования. Образование становилось обязательным условием успешного продвижения по службе. Отдельные категории чиновников в процессе чинопроизводства имели значительные преимущества в зависимости от образования.

В целях укрепления кадрового состава полиции в первой половине XIX в. на службу стали приниматься выпускники Училища правоведения. Открытое в декабре 1835 г., оно считалось одним из лучших учебных заведений страны, готовящих специалистов юридического профиля. Вплоть до революционных событий 1917 г. Училище правоведения подготовило более двух тысяч профессионалов-юристов. Часть выпускников этого учебного заведения поступили на службу в правоохранительные органы. Так, выпускниками Училища правоведения были министры внутренних дел А. Г. Булыгин и И. Л. Горемыкин, многие другие представители руководящего и среднего начальствующего состава российской полиции.

Стремление к повышению образовательного уровня сотрудников полиции в первой половине XIX в. затронуло не только ее офицерский, но и унтер-офицерский состав. Для последней категории былаведена возможность сдавать квалификационный экзамен, успешное прохождение которого позволяло унтер-офицеру стать чиновником 14 класса в соответствии с «Табелем о рангах», что существенно поднимало оплату его труда и освобождало от телесных наказаний. К экзамену допускались унтер-офицеры, имеющие безупречный послужной список. В процессе экзамена кандидат не только показывал свои профессиональные познания в сфере ведения служебной переписки и статистического учета правонарушений, порядка розыска людей, правил первоначальных следственных действий, но и свою осведомленность в нормах морали и христианском вероучении.

Появление первых специализированных образовательных учреждений, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников полиции Российской империи связано с периодом либеральных преобразований императора Александра II в 60–70-е гг. XIX в. При создании в Санкт-Петербурге 1867 г. полицейского резерва для подготовки новых полицейских кадров, при нем была открыта школа городских и околоточных надзирателей. В течение небольшого срока (от 2 недель до 1 месяца) сотрудники знакомились со своими должностными обязанностями, изучали законы и распоряжения местных властей. Таким образом, полицейский резерв стал решать задачу первоначальной подготовки низового звена полиции.

В 80-е гг. XIX в. в России стали создаваться школы полицейских урядников. В соответствии с проектом Временного положения о полицейских урядниках от 9 июня 1878 г. «урядники определяются в должности Уездным исправником из лиц, оказавшихся по сделанному Исправником испытанию, наиболее годными к полицейской службе» [1]. Перед заступлением на службу кандидаты в урядники направлялись на три месяца для обучения. В процессе учебы они знакомились с особенностями исполнения своих обязанностей, получали наставления от старших чинов уездной полиции о правилах производства до-

знания и организации расследования преступлений. Первая школа полицейских урядников из них была открыта в 1879 г. в г. Гродно по инициативе губернатора флигель-адъютанта полковника Н. М. Цеймерна [3, с. 11].

В 1880 г. Отдельный корпус жандармов, образованный еще в первой половине XIX в., вошел состав Министерства внутренних дел Российской империи. По сути, Корпус стал элитным подразделением в структуре отечественных правоохранительных органов, к кадровому комплектованию и профессиональной подготовке в нем подходили особенно тщательно. Чтобы попасть на службу в Отдельный корпус, военнотружущий не просто должен был иметь безупречную репутацию, но и выдержать устный и письменный экзамен, который выявлял не только профессиональные познания, но и общую эрудицию кандидата. Затем следовало обучение, длившееся около полугода, в процессе которого особое внимание уделялось изучению специальных дисциплин: дактилоскопии, антропометрии, основам розыска и дознания. Слушатели курсов при Штабе отдельного корпуса жандармов изучали Общую и Особенную часть Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, другие правовые дисциплины. Теоретические знания подкреплялись практическими занятиями. По окончании курсов слушатели сдавали экзамен, от успешности которого зависело их назначение на должность.

Развитие системы охранных отделений в конце XIX – начале XX вв. требовало выработки особых методик обучения их сотрудников. И если для внутренних агентов в силу специфики их деятельности, профессиональное обучение было невозможно, то сотрудникам наружного наблюдения – филерам, это было полнее доступно.

Акцент в их профессиональном обучении был сделан на получении ими практических навыков их непростой работы. Специфика служебной деятельности филеров требовала развития особых навыков негласного наблюдения, освоение которых, достигалось путем специальной профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения, имевшей собственные особенности.

Изначально обязанность по профессиональной подготовке филеров целиком возлагалась на руководителей охранных и розыскных отделений, а также жандармских управлений, которые самостоятельно избирали методы и способы обучения и подготовки сотрудников к несению службы.

В 1902 г. согласно Положению «О начальниках розыскных отделений» обязанности по профессиональной подготовке филеров были разделены: теоретическая подготовка ложилась на Департамент полиции, а практическая – вменялась старшим филерам на местах.

По мере роста революционного движения, Департамент полиции озаботился созданием централизованной школы для обучения филеров в целях повышения эффективности наружного наблюдения [4, с. 272]. В этой связи, 5 июля 1907 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции обратился к начальникам охранных отделений с циркуляром о необходимости обобщения положительного опыта работы филеров, с приведением конкретных примеров деятельности по наружному наблюдению, способствовавших достижению поставленных целей.

Особого внимания заслуживает методика профессиональной подготовки, которой придерживалось руководство Центрального филерского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения. В связи с тем, что отряд признавался элитным подразделением, в котором служили лучшие филеры со всей страны, выполняющие самые сложные функции, процесс профессиональной подготовки в данном подразделении был многогранен и тщательно спланирован.

В 1911 г. для агентов Центрального филерского отряда была разработана специальная программа занятий, в соответствии с которой, для филеров отряда предусматривались три вида занятий:

- 1) комнатные занятия;
- 2) комнатные занятия с последующими практическими занятиями;
- 3) практические занятия.

Несмотря на предпринимаемые властями усилия по организации профессиональной и общеобразовательной подготовки сотрудников полиции, их образовательный уровень на рубеже XIX–XX вв. был еще достаточно низок. Постоянный рост уголовной, а, особенно, политической преступности, требовал повышения профессионального уровня сотрудников российской полиции, что свидетельствовало о необходимости создания специализированных полицейских учебных заведений, особенно для подготовки сотрудников среднего и нижнего звена.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденный проект Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых от 9 июня 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. LIII. № 58610.

2. Именной указ, данный Сенату от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советник» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXX. № 23771.

3. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Формирование первых школ по подготовке полицейских урядников (1879–1881 гг.): проекты и их реализация // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 9–24.

4. Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи / сост. Ф. М. Лурье. М. : Просвет, 1992.

*Золкин А. Л.¹,
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, доцент*

МЕТАФОРА И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Многим исследователям творчество представляется таинственной стороной человеческой деятельности, реализуемой иррациональными процессами и зависимой от врожденных способностей. В частности, Кант проводил резкую границу между ученым и поэтом, поскольку деятельность ученого может быть представлена в виде рефлексивного алгоритма, а поэт опирается на вдохновение и гениальность, не поддающуюся никаким правилам. Еще более загадочным становится отнесение творчества к универсуму как таковому, а не только к человеческой активности. Этот аспект одним из первых отразил А. Бергсон: творческая эволюция имеет космологический характер, жизненный порыв творит новые качества, а художественная интуиция становится главным способом проникновения в истину жизни, в истину творческой эволюции. Тем самым одновременно иррационализируются и онтологические и гносеологические процессы, которые одновременно оказываются еще и психологическими.

Бергсон выявил проблему, характерную для современного эстетического дискурса, которая формируется в аспекте согласования античной (и христианской) онтологической трактовки красоты при технизации искусства как ремесленной деятельности и романтических усилий Нового времени по онтологизации искусства в условиях субъективизации эстетического, понимаемого как чувство. Современности придется переосмысливать эти проблемы, особенно в контексте массовой культуры, стремящейся создать гибрид онтологии и коммерции.

Бергсон создал определенное понимание мира как его видение, его тексты – это философские метафоры. Понимание и создание метафоры есть результат творческого усилия. Можно ли допускать метафору в научный текст, который должен состоять из истинных однозначных предложений? Появление метафоры в научном языке не должно создавать угрозу интерсубъективности такого языка, иначе ученый превращается в поэта, вкладывающего в свои предложения некие, лишь ему доступные, значения, не имеющие ни эмпирического, ни теоретического смысла.

Метафору можно включить в научный текст, если допустить, что соответствующее предложение является ложным, но не многозначным. Научный текст должен соответствовать условиям логического вывода, хотя может и не быть абсолютно истинным, скорее он состоит из предложений, претендующих на истину, но которые могут оказаться ложными. Это условие выполняется, если метафора означает только то, что означают входящие в нее слова, взятые в их буквальном значении. В результате получаем, что подобные предложения являются просто ложными. При осуществлении логического вывода метафориче-

---

¹ © Золкин А. Л., 2023.

ские предложения и должны считаться ложными. Это требование сохраняет принцип научного языка, хотя и оставляет открытым вопрос о том, зачем нам вообще нужны метафоры в научном тексте. Неужели лишь для украшения и повышения выразительности подобного текста?

Конечно, нет, хотя подобное использование метафор в научном тексте также возможно, поскольку метафора не имеет пропозиционального содержания, она просто позволяет увидеть один объект в свете другого объекта. Предложение «мозг есть мощный компьютер» не является истинным, потому что в буквальном понимании мозг компьютером не является, но мозг в чем-то подобен компьютеру, это подобие может быть функциональным, а может быть даже более глубоким – дальнейшее исследование или подтвердит это допущение, или же его опровергнет. Впрочем, результат может быть и тривиальным, поскольку мы живем в мире, в котором есть много разного рода подобий. Но в случае плодотворного исхода исследования данная метафора может стать маркером открытия, даже научной революции, которая хотя и начинается с понижения уровня рациональности в соответствии с парадигматическими стандартами, но в перспективе представляет собой интеллектуальный прорыв, символ новых подходов в науке.

Каковы особенности метафоры в тексте делают его поэтическим? Поэтический язык очень часто рассматривается как исток художественного творения как такового, однако, резкое противопоставление научного языка и языка искусства – это своего рода аксиома Нового времени, тогда как в традиционной культуре подобное противопоставление отсутствовало. Кроме того, понимание научного языка сегодня меняется: на смену протокольным предложениям приходит работа с метафорами.

Теорию метафоры следует сблизить с теорией моделей, поскольку метафору можно считать моделью изменения способа восприятия мира [3, с. 425]. Поэтический язык с семантической точки зрения, характеризуется приостановкой и отменой референции обыденного языка. Последняя представляет собой не совокупность жестких десигнаторов, а лишь реализацию определенной языковой игры в контексте той или иной «формы жизни».

Трансформация обыденной референции знаменует работу воображения. Этот момент можно наблюдать на примере произведений массовой культуры, которые производят расщепление референций контрастным способом. Так, привычным референтом слова «сыщик» является сотрудник полиции или частный детектив, но Агата Кристи расщепляет эту референцию, и мы получаем мисс Марпл – очень пожилую женщину, живущую в деревне, при этом не просто являющуюся превосходным детективом, но воплощающую идеальный тип данной профессии. Художник создает расщепленную референцию через вымысел, относящийся к возможностям реальности. Утверждение, что мисс Марпл и есть детектив, не противоречит, а лишь диссонирует со стандартными обстоятельствами повседневной жизни. Диссонанс расщепленной референции является двигателем массовой культуры, это тоже творчество, которое имеет определенное эстетическое значение. Однако, «подлинное» произведение искусства рас-

щепляет референцию уже в онтологическом измерении, выводящим человека на путь к бытию – детективный роман превращается в «Преступление и наказание».

Результат, который мы получили, можно выразить вполне метафорически, утверждая, например, что «наука – это поэзия» или, наоборот «искусство – это целая наука». В подобных высказываниях мы пытаемся извлечь некое новое понимание науки, рассматриваемой на фоне поэзии, или же иное понимание искусства как познания в большей степени, нежели способа украшения. И тем не менее, подобные выводы вызывают скептическое отношение. Для большинства метафора – это риторическое выразительное средство, которое относится все же к словам, но не к мышлению. Именно поэтому люди в целом считают, что можно обойтись без метафор. Однако это не так. Метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Более того, наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Именно поэтому можно сделать вывод о том, что метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты) [2, с. 390].

Метафорические понятия системны, что позволяет нам осмыслить некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия. Например, «психика – это машина». В буквальном смысле это высказывание ложно, и, с точки зрения концептуального анализа, представляет собой категориальную ошибку: смешение психологических и технических категорий, но в системном из него вытекает определенная концепция интеллекта: он может находиться в рабочем или выключенном состоянии, обладает производительностью, внутренним устройством и источником энергии. Это означает, что метафора определенным образом структурирует значение и не является синонимом безудержного произвола субъективности поэтического гения.

Мы используем метафору потому, что не существует буквального выражения для того, что мы имеем в виду. Классическая наука стремилась избавиться от метафоры, стремясь построить идеальный язык – формализованный язык с точным набором правил и фиксированными значениями. Неклассическая наука – с ее квантовыми представлениями и их методологическими следствиями, такими как принцип дополнительности и принцип неопределенности – по-видимому, неизбежно должна научиться оперировать метафорой. Отсюда вопрос – не есть ли неклассическая наука лишь математическим аппаратом в соединении с поэтической метафорой для нового, еще не определившегося в полной мере понимания реальности?

Библиографический список

1. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры : сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 173–193.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры : сборник. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
3. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры : сборник. М. : Прогресс, 1990. С. 416–434.

*Липский В. Н.¹,
заведующий кафедрой философии
Академии Государственной противопожарной
службы МЧС России,
доктор философских наук, профессор*

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Деятельность преподавателя высшего учебного заведения с советских времен была в первую очередь сосредоточена на выполнении тех областей его индивидуального плана, которые обеспечивали учебно-методический процесс преподавания: проведение лекционных и практических занятий, подготовка к этим занятиям, разработка всевозможных методических пособий для проведения различных видов занятий. К этому непременно нужно добавить воспитательную и научную работу, служебную подготовку (в нашем с вами случае), однако, центральное место все же занимала та часть работы, которая непосредственно была связана с учебным процессом.

Долгие годы эта модель деятельности вузовского преподавателя оставалась неизменной: на ее основе формировались поколения преподавателей и традиции, связанные с подобным подходом.

Вместе с тем нельзя сказать, что в высших учебных заведениях не уделялось место научной работе: существовала обязательная практика подготовки НИР и НИРС, а, кроме того, для того, чтобы получить продвижение в должности, нужно было писать диссертацию, а для ее защиты необходимо подготовить соответствующее количество научных публикаций в определенных журналах и прочее, поэтому большинство преподавателей стремились (стремятся и сегодня) подготовить и защитить кандидатскую диссертацию. К тому же вузовское руководство, как мантру, повторяет мысль о необходимости высокой остепененности на кафедрах. Затем (опять же в прикладных целях) требовалось получить звание доцента и после выполнения определенного минимума требований, научная деятельность значительной части преподавательского корпуса затихала и становилась вялотекущей. Научной работой на кафедрах, как правило, занимались лишь те преподаватели, которые работали над докторскими диссертациями, а от остальных преподавателей требовалось качественно читать лекции и вести практические занятия.

Однако в 2012 г., после майских указов Президента России В. В. Путина, в стране стала вводиться практика эффективных контрактов, и этот процесс охватил сегодня большинство вузов России. В соответствии с практикой внедрения эффективных контрактов, «пирамида» преподавательской деятельности трансформировалась и во главу угла теперь поставлена не учебно-методическая, а научная работа – и, понятно, что большинство опытных преподавателей-

---

¹ © Липский В. Н., 2023.

методистов, длительное время, сосредоточенных на учебной работе, теперь вынуждено корректировать свои приоритеты, а если они с такой трансформацией не справятся, то это не только отразится на их заработной плате, но и вполне может стоять вопрос об их профессиональной компетентности.

Конечно, с тех пор как среднее и старшее поколение преподавателей стали заниматься преподавательским трудом, прошло немало лет и знания стали значительно более наукоемкими, но как быть опытному преподавателю сегодня, когда стоит задача выполнить базовый показатель по публикационной активности, состоящий в опубликовании минимум одной ВАКовской статьи в год? Как сегодня такому преподавателю перестроить свой стиль мышления, при котором «исследовательская деятельность рассматривается не просто как право педагога, но и как его профессиональная обязанность» [1, с. 78]?

Объективность требования повышения научной эффективности преподавательского корпуса очевидна, так как Россия в этом плане значительно уступает не только западным странам, но и, к примеру, Китаю, а тот огромный потенциал преподавателей с учеными степенями, который сосредоточен в высших учебных заведениях, может не только формально повышать наукоемкость, но и развивать научную мысль и вносить практический вклад в развитие страны в прикладных областях.

Однако опросы, проведенные некоторое время назад ВШЭ, говорят о том, что большинство преподавателей (75,6 %) предпочитают сосредоточиться на учебно-методической работе и меньше 25 % преподавателей готовы совмещать преподавание с научными занятиями. Это одна проблема, которую нужно решать и руководству вузов, и Министерству образования и науки. Представляется, что в этой связи нужно внести дополнения и в сам эффективный контракт, и в регламентирующие документы, предусмотрев некий переходный период для среднего и старшего поколения вузовских преподавателей, что даст возможность сохранить наиболее квалифицированную в педагогическом смысле часть преподавательского корпуса, при этом постепенно формировать новое поколение преподавателей, адаптированных к современным требованиям.

В противном случае, как это нередко бывает, доминирование количественных показателей приведет к «вымыванию» наиболее квалифицированных педагогов из высших учебных заведений. Кроме того, в стремлении выполнить базовые показатели эффективного контракта, преподаватели, отвыкшие заниматься наукой, будут вынуждены предпринимать различные шаги в этом направлении, вплоть до оплаты своих публикаций в низкорейтинговых ВАКовских изданиях, что не принесет никакой пользы науке и не станет условием роста теоретической подготовленности самого преподавателя.

Вторая существенная проблема, связанная с изменением доминанты в преподавательской деятельности, состоит в том, чтобы преподавателю, продолжающему оставаться «одновременно субъектом педагогической, методической, научной, воспитательной, а зачастую и административной деятельности» [2, с. 265], найти время для занятий научной деятельностью, требующей сосредоточенности и тишины и при этом сохранить мотивацию и творческий подход, необходимый для остальных видов практик преподавателя. Ведь эффективный

контракт не предусматривает уменьшение аудиторной занятости преподавателя, не меняет нормативы по другим видам работы. Вполне очевидно, что если не разгрузить преподавателя от учебной и других видов нагрузки, выполняемых им сегодня, а лишь добавить необходимость интенсифицировать занятие научной деятельностью, то это самым негативным образом может сказаться на других видах работы, превратит их в такую же формальность, которой была научная деятельность до введения эффективного контракта. Полагаем, что без введения дополнительных штатных должностей на кафедрах, полноценно с показателями эффективного контракта справиться не получится.

Следующая проблема, примыкающая к предыдущей: в нормативных документах, связанных с нагрузкой преподавателя, у руководителя кафедры прописана норма, в соответствии с которой он имеет право увеличивать или уменьшать преподавателям нагрузку в том случае, если кто-то из преподавателей кафедры, к примеру, работает над докторской диссертацией, но общая нагрузка при этом все равно должна быть выполнена, поэтому трудно себе представить, как можно на длительный срок провести такое перераспределение нагрузки, так как написание докторской диссертации занимает длительное время, а в распоряжении руководителя кафедры нет никаких резервов для выполнения нагрузки, за исключением штатных педагогов. Подготовка докторской диссертации – удел немногих, а если для этого вообще отсутствует время, то «редкая птица долетит до середины Днепра». И количество преподавателей, планирующих работать над докторской, год от года не увеличивается, а, скорее, уменьшается. В советское время нагрузка кафедрального преподавателя была такой, что его можно было направить на пять месяцев повышать квалификацию в МГУ и коллектив кафедры в связи с этим не страдал от чрезмерной нагрузки. Те, кто стремился заниматься наукой, использовали это время для работы над докторской. Зато сейчас мы повышаем квалификацию в объеме 72 ч. И при этом, как правило, продолжаем выполнять свои профессиональные обязанности. Понятно, что при такой «активизации» научная деятельность преподавателя в действительности едва ли активизируется.

Да, занятия наукой – глубокая проработка определенных проблем, чтение монографий, статей и пр. – способствуют росту профессиональной квалификации преподавателя. Так же, как новые и прежние научные источники – это прекрасная «пища» для педагога, имеющего опыт работы в вузе, переварив которую в своем мышлении, применительно к учебной программе, он придет в аудиторию с желанием поделиться этими новыми знаниями с обучающимися. И даже, если преподаватель не работает над докторской диссертацией, он должен иметь лимит времени для того, чтобы знакомиться с научной литературой, которая позволит ему не только повторять то, что он усвоил из учебной литературы, а вырабатывать самостоятельные подходы к стандартным вопросам – от этого только выиграет обучающийся. И конечно нужно воспитывать такого преподавателя: сделать постоянный научный интерес систематическим правилом кафедральной работы – обсуждение публикаций преподавателей, монографических новинок, обзор научных журналов по дисциплинам кафедры и многое другое должно быть повседневностью кафедральной жизни, а это в свою

очередь «повысит «публикационную активность сотрудников, разовьет внутреннюю мотивацию преподавателей, создаст благоприятную академическую среду» [3, с. 89]. Но для этого нужно создать условия преподавателю. От этого выиграет обучающийся, выиграет преподаватель и выиграет вуз, так как это будет способствовать росту публикационной активности преподавателя, что позитивно скажется на имидже высшего учебного заведения.

Библиографический список

1. Гареев Р. Р. Научно-исследовательская деятельность современного преподавателя российского вуза: проблемы и возможные решения // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2017. № 4 (24). С. 77–83.
2. Цветкова Л. А., Фищева О. В., Трапицын С. Ю. Исследование затруднений преподавателей в организации научно-исследовательской деятельности // Педагогический имидж. 2021. Т. 5. № 3 (52). С. 264–273.
3. Черкасова М. А. Мотивация научно-инновационной деятельности посредством практики эффективного контракта // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки. 2020. № 2. С. 87–90.

*Марченя П. П.¹,
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент*

РУСОФОБСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК

В современной ситуации крайне опасного гибридного (и уже не только) противостояния России и так называемого «коллективного Запада» русофобия «выступает как политический конструкт, исполняющий роль консолидирующей панъевропейской идеи» [4, с. 30], «становится основой внешнеполитической стратегии и внутривнутриполитической пропаганды многих стран, она является одной из главных угроз общественному согласию и в самой России...», причем «речь идет не просто о “внешней” русофобии, а о русофобии “внутренней” – неприязни, ненависти к России, к россиянам, которую выказывает часть либерально “продвинутых”» и прозападно настроенных граждан нашей страны» [2, с. 231].

Парадоксальным образом, в условиях уже не только «холодной», но и местами вполне «горячей» войны, даже в специальной отечественной научной и учебной литературе по истории, теоретико-историческим правовым наукам, политологии, социологии, социальной философии и многим другим социально-гуманитарным дисциплинам (не говоря уже о публицистике и фейковом медиа-дискурсе) можно по-прежнему встретить целые россыпи антироссийских исторических мифов [1] и откровенно русофобских мифологем [7], которые, по сути, базируются на активно внедряемой в массовое сознание антироссийской пропаганде Запада. Ее основной «ценностный» посыл автор знаменитой «Русофобии» И. Р. Шафаревич еще на закате Советской империи обобщил таким образом: «... русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира» [9, с. 405]. Именно из этой принципиальной «методологической» установки вытекают все остальные русофобские клише, используемые как нашими западными «партнерами», так и «отечественными» компрадорами от науки и образования.

В формате краткой реплики для круглого стола невозможно даже просто перечислить все русофобские мифологемы, оказывающие реальное методологическое влияние на теоретическое развитие соответствующих наук и практические результаты преподавания конкретных социогуманитарных дисциплин, в том числе на важнейшие в контексте защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечения национальной (государственной и общественной) безопасности результаты общего и профессионального обра-

---

¹ © Марченя П. П., 2023.

зования как способа формирования (воспроизводства) цивилизационной идентичности и гражданской позиции.

Тезисно отметим лишь некоторые, наиболее очевидные, популярные и устойчивые представления, которые являются субъективными по своей «исторической» природе, но объективно выступают подрывными средствами информационно-психологической войны против России, инструментами ее политико-идеологической дискредитации и демонизации ее имиджа в массовом сознании.

К ним, например, относятся следующие распространенные русофобские мифологемы (которым должны жестко противостоять адекватные ответы, основанные на знании родной истории и опирающиеся на уникальный цивилизационный опыт Русского мира, особый исторический путь России и императивы Русской идеи, на триединую связку «цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция [3]):

– критика православия и исторического выбора объединяющей религии российской цивилизации и «культурной эстафеты» от Византии как якобы причины «извечной российской отсталости» и «духовной изоляции» от остальной, «передовой» Европы (на самом деле на момент крещения Руси Византия была величайшей империей, цивилизационным центром и сердцем христианского мира, до которого было далеко всем варварским королевствам средневекового римско-католического Запада; при этом православие, в отличие от католицизма и протестантизма, было и остается единственной христианской конфессией, несущей братский мир и поликонфессиональное всеединство представителям всех остальных «религий правой руки» и сдерживающей скверну богопротивных ЛГБТ-«ценностей», противостоящей грозящим вырождением и гибелью всему человечеству евроатлантическим содомам и гоморрам, перед которыми уже сдали свои позиции и де-факто окончательно капитулировали западно-христианские церкви);

– навязывание представлений о византийской духовно-государственной традиции и смыслообразующей для Русского мира богословской идее «симфонии властей» как о «коварном византизме», «восточном деспотизме» и «цезарепапизме» (метафизический идеал русской системы взаимодействия власти и общества, действительно, выстраивается на основе духовной вертикали смыслообразующих императивов, которые призваны интегрировать элиты и массы в единую сеть эсхатологических координат Служения и абсолютных ценностей вселенской провиденциальной борьбы Добра со Злом – в отличие от Запада, с его материалистическими горизонталями относительных «евро-человеческих» ценностей, в том числе «войны всех против всех», «разделения и властвования», «согласовывания частных интересов», конкурентного «естественного отбора» и всевозможных вариаций спекулятивной и политико-правовой легитимации «золотой» жизни «сильных» за счет «слабых»);

– ярлыки о кровожадности русской/российской/советской/постсоветской власти (которой, на самом деле, в этом плане бесконечно далеко до прошлых и настоящих европейских и американских «цивилизаторов», в реальной истории – работоторговцев, империалистов, колонизаторов, грабителей и захватчиков, и ранее, и сейчас рвущихся к мировому господству, явивших примеры чудо-

вищного геноцида, применения оружия массового поражения и прочих бесчеловечных технологий против других стран и народов);

- измышления о «неевропейскости» цивилизации России (неоднократно Европу спасавшей) как якобы, в лучшем случае, «Европы второго сорта» (историческая правда состоит в том, что Россия была и остается «другой Европой», альтернативой Западу, самым болезненным вызовом ему, на который он никак не в состоянии дать решающий, «окончательный» ответ, главной помехой на его пути к мировому господству);

- спекуляции на тему «вторичности» русской элитарной культуры (подарившей культуре мировой многие недостижимые, «вершинные» ее духовные и эстетические сокровища);

- фантазии об «отсталости» политико-правовой культуры и «правовом нигилизме» русского народа (великого народа, построившего самое большое государство в мире и веками отстаивающего собственный политический и правовой порядок на бескрайних евразийских территориях, с которыми не в состоянии сравниться по масштабам никакие западные страны);

- требования «каяться» за исторически позднюю отмену крепостничества (выступавшего в условиях «служилого» российского государства – государства-крепости – способом мобилизации на всеобщее служение не только крестьянства, но и всех остальных сословий) и его «пережитки» (для примера, в претендующих на место всемирного «эталона» в борьбе за «права и свободы» США самое настоящее, гнусное рабство, по своей бесчеловечности несопоставимое с объективно обусловленными вызовами истории российским крепостным правом, юридически отменили только в 1965 г., а расовая сегрегация даже де-юре сохранялась еще как минимум столетие);

- обвинения в «империализме» и «колониализме» (хотя, в отличие от действительно империалистических и колонизаторских стран Запада, многонациональная Россия не только никогда не истребляла и не грабила присоединяемые народы, но, напротив, за свой счет поднимала их уровень и качество жизни выше, чем в «метрополии», строила им не гетто и резервации, а больницы, школы, университеты, академии, консерватории, театры, промышленные предприятия, дороги, вокзалы, космодромы...) и призывы отказаться от «имперских амбиций» и контроля за «слишком большой» территорией (т. е. совершить геополитический суицид, «добровольно» уступив место и ресурсы для реально хищной евроатлантической империи) и т. д.

Представляется очевидным, что сегодня для России, российских государства и общества, науки и образования, средств массовой информации, жизненно важно переосмыслить и понять свою истинную цивилизационную природу [6], осознать особенности и уроки национального транзита [8], очиститься от суицидальных мифологем [7] и делать все возможное, чтобы внутри страны массовое сознание служило фактором социальной стабильности, а не угрозой национальной безопасности [5].

Библиографический список

1. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб. : Питер, 2016.
2. Гуторов В., Ширинянц А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.
3. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М. : Шелест, 2021.
4. Лазарев А. И. Русофобия как способ легитимации мизантропии и шаг к посттолерантности // Журнал социологических исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 25–32.
5. Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций (к 100-летию событий февраля–октября 1917 г.) : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
6. Марченя П. П. Об имперской природе Советского Союза и современной России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). Ч. 1. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 156–162.
7. Марченя П. П. Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 197–199.
8. Марченя П. П. Транзит «Империя – Смута – Империя» в российской истории // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР : сборник научных статей / под ред. Н. В. Шалаевой, И. А. Ножиной. Саратов : ЦеСАин, 2023. С. 11–19.
9. Шафаревич И. Р. Русофобия // Есть ли у России будущее: Публицистика. М. : Советский писатель, 1991. С. 389–487.

*Медушевская Н. Ф.¹,
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

РОЛЬ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Д. И. ГРЯДОВОГО В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

В современной социально-гуманитарной науке в соответствии с формированием постнеклассической науки большое внимание уделяется контекстуальности в изложении научного материала. Это способствовало пересмотру теоретико-методологических позиций практически во всех областях научного познания, установлению синтеза объяснения и понимания. На данном этапе развития научного знания учитывается «принцип объективизма классической науки и постулат о постоянной включенности субъективного фактора в процесс познания неклассической науки. Более того, она дополняет эти два принципа третьим, дополняющим деятельность субъекта познания ценностно-целевыми структурами» [3, с. 352].

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, в начале прошлого столетия наметился так называемый лингвистический поворот. Интерес к языку продемонстрировали ученые разных областей знания – от аналитической философии до постмодернизма. Было установлено, что все культурные явления представляют собой текст в широком смысле слова, прочесть его только усилиями филологов оказывается вовсе недостаточным. Чтобы прояснить суждение автора следует не только понять те слова, которыми оно формулируется. Необходимо увидеть весь процесс порождения мысли, а он неизменно связан не только с совокупностью полученных автором знаний в процессе обучения, но и с этапами биографических коллизий, религиозными убеждениями, пониманием того, что именно впитал автор в процессе своего взросления и интеллектуализации, что в его биографии было детерминировано, а что оказалось результатом или сплетением случайностей. Жизненные обстоятельства не могут не влиять на концептуализацию теоретического знания в изложении определенного автора. Вспомним хотя бы жизненные трагедии Б. Паскаля, под влиянием которых сформировалась его концепция человека как «мыслящего тростника».

Интеллектуальная история занимается, прежде всего, анализом рождения идей, их преемственностью, модификацией в зависимости от места, времени, социального окружения. Л. П. Репина пишет: «Первейшая задача интеллектуального историка – понять исторический текст (будь то письменный текст, созданный средствами языка, феноменологический текст как социальная репрезентация или же текст, порожденный поведением субъекта), т. е. – *понять выраженную в тексте идею*» [5, с. 9].

---

¹ © Медушевская Н. Ф., 2023.

Интеллектуальная история – это достаточно молодая дисциплина. Ей предшествовала история идей, сложившаяся в первой половине XX в. Она рассматривала становление идей в философии, науке, у ее истоков стоял американский философ и историк А. Лавджой, который основал «Журнал истории идей». Он рассматривал и подвергал всестороннему анализу блоки идей в философии и литературе, искусстве и политике, науке и искусстве и т. д. «Лавджой сформулировал важную задачу истории идей: изучать «скрытые или неявно выраженные допущения, более или менее бессознательные ментальные привычки», ход рассуждений и устоявшиеся логические приемы, которые доминируют в мышлении индивида, философской школы, целого поколения или эпохи» [4, с. 12].

Но действительное рождение интеллектуальной истории приходится на 70–80-е гг. XX столетия, когда актуализировался аксиолого-антропологический поворот в социально-гуманитарном знании. На развитие этого направления повлияла методология ментальностей. Важнейшими источниками интеллектуальной истории являются литературные тексты, в которых в особой, часто неявной форме скрыты интересы, мотивы, модели поведения, верования обычных людей, их повседневная жизнь.

Будучи междисциплинарным направлением научного исследования, интеллектуальная история аккумулирует изыскания в истории философии, истории религии, истории и историографии, истории правовых и политических учений, истории науки, истории литературы, искусства и эстетики. Эти направления социально-гуманитарной мысли и естествознания не расцениваются в качестве изолированных и самодостаточных, главное – это отыскать нечто общее, что их объединяет, что формирует так называемый «дух времени».

В этой связи обратимся к последним трудам профессора Д. И. Грядового, посвященным истории философии. В третьем томе учебника «История философия», изданном в 2012 г., очень подробно анализируется творчество И. Канта. При этом повествование начинается с жизнеописания философа. Но, помимо биографии, автор учебника обращается к воспоминаниям современников Канта, которые анализируют события из жизни философа, характеризуют его как личность. Грядовой приводит отрывок из собрания сочинений поэта Г. Гейне, где описывается жизненный уклад великого мыслителя. Уже более подробное описание повседневной жизни Канта приводится в пространный отрывке из книги Ж.-Б. Ботюэля, который справедливо обращает внимание на то, что официальные биографы Канта как бы «разгладили» его жизнь.

Второй момент, который заинтересовал Д. И. Грядового, связан с истоками идей И. Канта, которые были им переработаны в связи с развитием представлений его предшественника Г. В. Лейбница, в частности, «принципа различения между миром сущностей и миром явлений (различения чувственного и интеллигибельного миров), постулата о самозамкнутости сущностей, тезиса о познавательной активности сознания» [2, с. 447].

Третий момент, на котором хотелось бы остановиться, – это периодизация творчества Канта. В истории философии обычно первый период его творчества – докритический – рассматривается вскользь, как бы мимоходом. Как правило, упоминается его диссертация. Вместе с тем с 1746 г. по конец 60-х гг. XVIII в.

Кант написал большое число произведений, которые сыграли значительную роль в прояснении творческой эволюции философа. В параграфе, посвященном этому периоду, автор учебника показывает, что на творчество Канта оказали влияние и античные философы, и просветители, и рационалисты вместе с эмпириками, а также работы французских естествоиспытателей П. Мопертюи и Ж. Бюффона, исследования английских астрономов Дж. Брэдли и Т. Райта, научные труды и результаты теоретического поиска Г. Галилея, Н. Коперника, И. Ньютона и И. Кеплера.

Рассмотрение биографических коллизий Канта, обращение к предыстории космогонической концепции философа имеют существенное значение для развития интеллектуальной истории, поскольку показывают тот идейный контекст, в рамках которого формировалась теория знаменитого мыслителя. Грядовой анализирует развитие понятий ноумена и феномена в работах Канта докритического периода, понятие метафизики, различие чувственности и интеллекта и другие. Ученый обращает внимание, что уже в докритический период Кант «утверждает статус метафизики как первой философии, содержащей принципы “чистого разума”» [1, с. 255].

Но автора учебника интересует не только идейный контекст творчества Канта, большой раздел он посвящает анализу культурно-просветительской мысли немецкого Просвещения, обращаясь к творчеству Г. Э. Лессинга, И. И. Винкельмана, И. Г. Гердера, И. В. Гете, И. Ф. Шиллера. Он показывает, что эпоха Просвещения была пронизана глубокими противоречиями, которые нашли отражение в произведениях писателей «Бури и натиска», в учении Ж.-Ж. Руссо, а у И. Канта превратились в учение об антиномиях. “*Sapere aude!*” («Дерзай понимать!»), – вот девиз, которому следовал великий философ.

Итак, изучение историко-философских трудов профессора Д. И. Грядового имеет значение не только для осознания историко-философского процесса, его работы имеют междисциплинарный характер, могут быть использованы для развития новых областей знания, каковой является интеллектуальная история, которая сейчас привлекает внимание большого числа культурологов, историков, политологов, психологов, других специалистов социально-гуманитарного профиля.

Библиографический список

1. Грядовой Д. И. История философии. Книга 3 : Европейское Просвещение. Иммануил Кант : учебник для студентов вузов. М. : Юнити, 2012.
2. Грядовой Д. И. История философии. Книга 2 : Средние века. Возрождение. Новое время : учебник для студентов вузов. М. : Юнити, 2009.
3. Грядовой Д. И. Философия. Общий курс : учебник для студентов вузов . 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити, 2011.
4. Леонтьева О. Б. Интеллектуальная история России XIX – XX вв. : учебное пособие. Самара : Самарский университет, 2012.
5. Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25 (I). С. 5–11.

*Митин А. Н.¹,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева,
доктор экономических наук, профессор*

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И В УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Социально-гуманитарные науки имеют мощный потенциал при формировании представлений о сложности, многогранности, взимозависимости общественных явлений и процессов, проявлений человеческой натуры, личности и социальной группы. Особенность гуманитарного знания состоит в его мировоззренческой природе, способствовании общекультурного уровня развития, влиянии на усиление интеллектуальных способностей граждан, устойчивое развитие общества.

Методологически в каждую социально-гуманитарную науку заложена матрица общенациональных ценностей, которые призваны стать основой укрепления отечественной государственности и модернизации в условиях полиэтнического общества, переживающего цивилизационный разлом.

Ценности в жизни общества всегда имели тройственную природу: во-первых, они как идеальные блага воплощают особое отношение людей к происходящему в жизни в соответствии с их целями, потребностями, тем или иным мировоззрением, формируют традиции; во-вторых, концентрированно выражают смысл культуры народа, отдельного этноса, всего человечества; в-третьих, остаются источником развития, ценностным каркасом, особенно для российской цивилизации. В этих случаях ценности становятся своеобразными константами, что позволяет обеспечить непротиворечивую интерпретацию исторических и текущих событий. Каждая из констант содержит определенные требования.

В исследованиях они предлагаются в разных моделях. Например, при рассмотрении в Общественной палате Российской Федерации Концепции курса «Основы российской государственности» – нового предмета, который будет преподаваться для всех студентов российских вузов уже с сентября 2023 г., участники проекта «ДНК России», выполняя поручение Президента Российской Федерации, представили раздел «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации». В нем предложена ценностная пятиэлементная модель («пентабазис»), которая включает в себя элементы: «человек – семья – общество – государство – страна». У этих пяти элементов будут раскрываться «идеи – символы – нормы – ритуалы – институты». Константы ценностного характера включают в себя «многообразие – общность, адаптивность, стабиль-

---

¹ © Митин А. Н., 2023.

ность; согласие – единство, духовность, добро; суверенность – независимость, «свой путь», самобытность; доверие – легитимность, идеализм, солидарность; созидание – «поиск новых путей развития», первопроходство, «свобода и воля» [4]. Автор данной статьи участвовал в подготовке этого курса.

Несколькими годами ранее, социологи Санкт-Петербургского университета предложили в контексте формирования идентичности сформулировать общенациональные ценности, которые могли бы рассматриваться как ядро политической культуры и духовной жизни общества: традиционная ценность «мир» в определенной связке: мир и единство, мир и общность, мир и согласие, мир и безопасность, мир как универсум [6, с. 90].

В нашем понимании, традиционные ценности России важно настойчиво транслировать, разъяснить и отстаивать при обращении к социально-гуманитарным наукам.

Наличие системного, единого смыслового подхода, при котором актуальны оценки, а также интерпретация факторов, влияющих на социально – историческое ощущение, цивилизационную самооценку, могут быть основой при рассмотрении ценностей в сочетании с правом, государственным управлением и государственностью.

В современной России идеалы и ценности, защищаемые государством, закреплены в Конституции Российской Федерации, уточнены в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно – нравственных ценностей» [7].

Право обычно «пропитано» ценностями. При формировании правовой политики учтено, что базовой ценностью является исторический опыт российского народа, его стремление к законопослушанию, правосознанию. Идеалы, заложенные в основание стратегии правовой политики, содержат интегративную функцию объединения людей, что особо зримо проявляется в периоды кризисов, включая специальную военную операцию. На правосознание русского человека постоянно оказывают влияние духовно – нравственные ценности, что служит примером для всего мира и призывом к их достижению каждым адекватным человеком: семья, любовь к ближнему, истина, любовь к Родине, чувство долга, дружба, совесть, закон и ответственность. Требуется время, чтобы в системе правовой политики России признание права на духовное и культурное развитие личности было признано в качестве базовой ценности и основы правопорядка.

Это веление времени, поскольку соотношение и взаимосвязь ценностей права, жизнедеятельности гражданского общества и личности должны становиться реальностью и постоянной потребностью сфер общественной и частной жизни. В гражданском обществе «право возвышается над властью (политикой), ставит в центр общественной жизни человека, его достоинство, высший статус и неотъемлемые права» [1, с. 692]. Вне использования сущностных ценностей права, возникают порой непреодолимые препятствия к использованию достижений цивилизации, реализации приоритетных прав и свобод.

Авторы научного исследования о необходимости объединяющей идеи для государства отмечают, что в любой стране «существует механизм для стабилизации народа, общества, внутреннего сплочения и управления». Помимо религии он называется «наднациональная идеологическая надстройка» или идеология. Она отождествляет гражданина со своей страной, предлагает идею и путь развития [5, с. 6; с. 12–13], влияет на формирование системы государственного управления. И здесь важно учитывать несколько слагаемых: мировоззрение, мораль и нравственность, ценности, ценностные ориентации, культуру, национальное сознание, правосознание, государство, государственность, государственное устройство.

Органы государства имеют юридически закреплённую иерархию, которая основана на определенных принципах. До последнего времени российское общество перестраивалось, прежде всего, по западным моделям государственного управления. Однако многие моральные и ценностные регуляторы культурных и национальных особенностей России как самостоятельной и уникальной цивилизации не выдвигались в информационном пространстве на первые роли. Как результат – умаление исторической памяти в процессе формирования патриотического сознания, стирание границ между государственной службой и предпринимательством, коррупция, поддержка глобалистского проекта общества потребления, где России, по утверждению академика В. К. Батурина, уготована в лучшем случае роль колонии, сырьевого придатка, роль вассала, не более того [2].

В социально-гуманитарные науки накрепко «вшита» матрица ценностей российской цивилизации, по существу, вопрос о ценностях и смыслах является задачей цивилизационного выживания России, укрепления ее государственности. Существуют базовые традиционные ценности для человеческого рода, но вместе с тем имеются и ценности цивилизационные, где обнаруживаются различия между человеческим сообществом, а также ценности, отличающие Россию от других стран: семья, семейные ценности, дружба, самоопределение, культура, науки, национальные отношения, задающие логику ее системного преобразования, прогнозируемых последствий их поддержки.

Например, современное российское законодательство не дает определений «семья», «семейные ценности», «система семейных ценностей» по причине того, что эти понятия имеют еще и социологический, неправовой характер. Но эти три категории, их правовая защита, не могут существовать друг без друга. В условиях неоднозначно складывающихся социально – экономических, политических, идеологических разногласий, вопросы сохранения или деформации семьи и семейных ценностей многоаспектны, их трудно переоценить среди многих других ценностей в контексте государственности.

В свое время И. Л. Бачило рассматривала государственность как форму «выражения организационной властной воли людей к созданию и обеспечению современных форм общежития и совместной деятельности в рамках определенных границ территории, состава населения, соблюдения суверенности своего и других народов» [3, с. 21–22].

В этом плане семья и государственность взаимозависимы и одновременно взаимосвязаны. Здесь обнаруживается несколько причинно-следственных связей.

В случае, если государственность подавляет семью как общественный институт, то такая государственность включает механизм своего самоуничтожения; через одно – два поколения дееспособная и уже враждебная оппозиция правящему режиму неизбежно его сметет. Если семья не воспитала детей, относящихся к государственности с должным патриотизмом, а саму государственность не принимают как наивысшую жизненную ценность в своей стране, это признаки неизбежного разрушения государственности, а затем и социальной катастрофы, вплоть до исчезновения этого общества из последующей истории.

Повсеместное разрушение моральных устоев и ценностей семьи, пропаганда плотских утех, ироническое или пренебрежительное отношение между мужем и женой, между родителями и детьми – это признак культурной деградации и пусковой механизм замены государственности.

Отсутствие в семье у родителей и детей навыков противостояния современным информационным угрозам, а вместе с ними и семейным ценностям (киберзависимость, психическая анорексия, суицидальное поведение, вовлечение в деструктивные сообщества и секты и др.) – это тоже опасное разрушение социального единства и нарушение основ государственности.

Отечественные ценности для России как цивилизационной общности остаются основой единства. Социально-гуманитарные науки в процессе их представления многочисленной аудитории могут уверенно формировать в людях желание жить в этой стране.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Тиски и решения. М. : Норма, 2001.
2. Батурин В.К. Философия русской идеи как путь к подлинной России // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики) : научно-экспертная сессия (семинар). М. : Наука и политика, 2016. С. 212–222.
3. Бачило И. Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. № 7. С. 21–22.
4. В российских вузах будут преподавать «Основы Российской государственности» // Сайт «Экспертный клуб». URL: <https://expert-club.online/news/v-rossiyskikh-vuzakh-budut-prepodavat-osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti>.
5. Грибанов Д., Митин А. К вопросу о значимости объединяющей идеи в современной российской государственности // Право и управление. XXI век. 2022. № 4 (65). С. 3–18.
6. Савин Д. С., Касабуцкая М. С. Общациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. №. 1. С. 82–97.
7. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/>.

*Михайлова Н. В.¹,
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ – ФУНДАМЕНТ ВУЗОВСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН

Философское знание являлась сферой научного интереса доктора философских наук, профессора Дмитрия Иосифовича Грядового. Целый ряд его научных работ и учебной литературы посвящен истории философии [5–8]. Ученый не только создавал концептуальные научные разработки, но и вдохновенно преподавал их обучающимся.

Дмитрий Иосифович увлеченно возделывал территорию философского знания, но это не мешало ему поддерживать творческие отношения с представителями других наук, например, с историками, которые, в свою очередь, отдавали должное философской научной проблематике.

Известно, что эти две фундаментальные науки, философия и история, появились почти в одно время. Философия зародилась в VII–VI вв. до н. э. в Индии, Китае, Древней Греции. Основоположником, «отцом философии» еще античные мыслители, а затем и современные авторы, считают древнегреческого ученого Фалеса.

В античном мире появились первые идеи о том, что можно и нужно познать, как устроена Вселенная, то есть был сделан шаг от мифологии к истории, и это произошло примерно в V веке до н. э. «Отцом истории», основоположником исторической науки считается древнегреческий мыслитель Геродот.

И философия, и история, в свою очередь, породили ряд интереснейших научных и учебных дисциплин. Например, таких как философия права и история государства и права. Причем, философия, история и их дочерние научные и учебные дисциплины тесно связаны между собой, больше того они не могут существовать одна без другой. Ярким свидетельством того является возникновение и существование, например, – философии истории.

Многие ученые древности, такие как Гесиод, Лукреций, Августин Блаженный обращали внимание на философско-исторические аспекты исследуемых проблем [17, с. 145–147; 11; 1, с. 171–172]. Сам же термин «философия истории» предложил французский просветитель XVIII в. Фр. М. Вольтер, который утверждал, что историк не должен ограничиваться описанием событий в хронологической последовательности, а истолковывать их взаимосвязь, раскрывая общие законы исторического развития, опираясь при этом на философское зна-

---

¹ © Михайлова Н. В., 2023.

ние [2]. «Первым пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные архивы истории», – писал о Вольтере А. С. Пушкин [10, с. 50].

«Философия истории» оказалась в центре внимания многих историков и философов. И. Г. Гердер отмечал в работе «Идеи к философии истории человечества», что ему интересна наука, которая осмысливает всю историю человечества с момента ее зарождения. И такой наукой он считал «философию истории». Создав масштабное научное произведение, в котором дана картина всей мировой истории, он положил начало становлению «философии истории» как особой научной дисциплины [4].

Его соотечественника Г. В. Ф. Гегеля также интересовала «философия истории». Он вводит в научный оборот термин «всемирная философская история». Ученый пишет, что «всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания» [3, с. 102].

Термин «философия истории» является синонимом термина «историософия». Причем, как всякие синонимы, они не противопоставляются друг другу, а совпадают по своему значению и служат для повышения выразительности речи, позволяют избегать ее однообразия. Ряд ученых считают, что в науке сложились два подхода – историософский и теоретико-методологический. Однако, на наш взгляд, историософский подход вбирает в себя теоретико-методологический и являет собой методологию исторического знания.

Заметим, что «философия истории» («историософия») является одновременно и разделом философии, и разделом истории. С позиций философии, «историософия» отвечает на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса. А, как раздел истории, «философия истории», исследует развития человеческого общества, единство и многомерность исторического процесса на основе масштабного фактического материала. И этот исторический материал является основанием философских рассуждений, в рамках «историософии» анализируется логика проблемы социального детерминизма, устанавливается истинность или достоверность исторических фактов и событий.

В самом термине «философия истории» уже заключен предмет («история») и метод его постижения («историософия»). По мнению В. Н. Татищева, для изучения прошлого нужно «понятие». «Понятие» включает, по мысли ученого, применение к историческим источникам логических приемов мышления и специальные критические приемы [15, с. 79]. Интересны по этому поводу и мысли А. Дж. Тойнби, который писал, что «факты для историка – это запас сырья, и он должен добывать его в таких количествах, что сам процесс вызывал бы у него отвращение, не любил он эту работу. Я люблю факты истории, но не ради их самих. Я люблю их, как ключики к чему-то, что лежит за их пределами» [16, с. 258]. «Историософия» задается вопросом о смысле истории ищет и позволяет найти на него ответ. Историософский взгляд выносит смысл за пределы исторических событий. «Философию истории» можно признать способом осмысления истории. Она образуют мировоззренческую и гносеологическую

основу исторической науки и, являясь методологией истории, изучает логику и смысл всемирно-исторического процесса.

В этом тандеме и философия, и история позволяют исследователям и обучающимся выйти на новый научный и образовательный уровень. Будучи методологией истории «философия истории», как методология всякой науки, отвечает на вопросы онтологии, о теоретическом инструментарии, о методах исследования, о критерии научности полученного знания, об истине, о законах. Общеизвестными методологическими принципами исторического познания, являются: принципы истины, историзма, конкретности, объективности, системности, всесторонности историографической традиции и другие.

В рамках «философии истории» еще в начале XX в. Г. Риккерт заявил о существовании трех дисциплин:

- 1) теория всемирной истории;
- 2) учение о принципах, законах и смысле исторической жизни;
- 3) логика и методология исторической науки – методологическая дисциплина, исследующая не просто знание как таковое, а его строение, структуру, функционирование и развитие.

Ученый считал, что первые две дисциплины не могут приступить к решению своих проблем без предварительного исследования логики исторического мышления: «... между различными видами философии истории, которые сначала казались нам совершенно самостоятельными науками, имеющими каждая свой особый круг проблем, обнаруживается известная связь: логика истории является исходным пунктом и основой всех философско-исторических исследований вообще» [14, с. 512].

Применение историософского метода постижения истории занимает важное место в изучение исторических учебных дисциплин в высших учебных заведениях, и позволяет обучающимся, овладев методологией истории («историософией»), достичь более высокого уровня познания исторических процессов в сравнении с довузовскими формами образованием. В этой связи определенный интерес представляет учебное пособие Н. В. Михайловой «Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему», написанное в конце XX в. [13]

Отдавая должное фактам, это учебное пособие ориентирует не столько на их знание, сколько на осмысление причинно-следственных связей в рамках исторического процесса, который представлен в полемическом, дискуссионном плане, где рассматриваются общие закономерности различных исторических сюжетов и определяется место нашего Отечества в цивилизационном процессе. Это создает возможность четко различать школьный (фактологический) и вузовский (историософский) уровень изучения истории. Историософский подход вполне приемлем и даже необходим в постижении в высших учебных заведениях истории государства и права, как зарубежных стран, так и России [9; 12].

Только на основе применения методологических принципов, заложенных в «философии истории» возможно вернуться к традиционным отечественным целям и задачам обучения, то есть от клипового мышления, навязанный нам пресловутой Болонской системой, к системному осмыслению исторических и историко-правовых проблем. «Историософия» является путеводной звездой

всего комплекса исторических вузовских дисциплин. Стержнем освоения которых является понимания логики, закономерностей общественного развития, «философия истории» есть метод осмысления всех направлений исторического познания.

Выход образовательного процесса на означенный уровень позволяет обучающимся не только овладеть историческими знаниями, но и проникнуть в смысл исторических процессов, выработав способ исторический мышления, который является ключом к освоению кладовых исторической памяти, который дает понимание, что без прошлого нет будущего, что история – это не то, что умерло, а то, что продолжается [13, с. 3]. Однако чиновники от образования не руководствуются этой, казалось бы, прописной истиной. Предлагаемая ими тестовая система не совместима с историософским методом постижения истории. Ни один тест не содержит и не может содержать вопросы на понимание сути, логики, объективных закономерностей исторических явлений, а содержат вопросы на знание фактов, и их месте на хронологической шкале. Совершенно неоправданно звучит требование проверки остаточных знаний. Надо проверять не остаточные знания, а насколько обучающиеся овладели способом исторического мышления, могут ли они его применить при анализе причинно-следственных закономерностей различных исторических событий.

«Философия истории» представляет собой методологический фундамент вузовского изучения истории и других исторических и историко-правовых учебных дисциплин. И немаловажную роль в этом процессе играют философские работы Дмитрия Иосифовича Грядового. Методологические позиции ученого помогают и историкам и историкам права разрабатывать и применять в исследовательской и преподавательской работе историософский метод постижения исторических проблем.

Библиографический список

1. Августин Блаженный Аврелий. О граде Божием. Книги I–XIII // Августин Блаженный Аврелий. Творения : в 4 т. Т. 3. СПб. : Алетейя; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998.
2. Вольтер Фр. М. Философия истории. СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1868.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.
5. Грядовой Д. И. История философии. Кн. 1: Древний мир. Античность. М. : Юнити, 2009.
6. Грядовой Д. И. История философии. Кн. 2: Средние века. Возрождение. Новое время. М. : Юнити, 2009.
7. Грядовой Д. И. История философии. Кн. 3: Европейское просвещение. Иммануил Кант. М. : Юнити, 2012.
8. Грядовой Д. И. История философии. Кн. 4: Философская мысль в Германии конца XVIII – середины XIX века. И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Изд. дом Академии Жуковского, 2017.
9. История государства и права зарубежных стран: учебник / под ред. Н. В. Михайловой. М. : Кнорус, 2018.

10. Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций. Пермь : Пермский государственный университет, 2006.
11. Лукреций Кар Тит. О природе вещей. М. : Художественная литература, 1983.
12. Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX – начало XXI в.). М. : Кнорус, 2014.
13. Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. М. : МГТУ имени Н. Э. Баумана, 1999.
14. Риккерт Г. Философия истории. Киев : Ника-Центр, 1988.
15. Татищев В. Н. История Российская // Собрание сочинений : в 8 т. Т. I. Ч. I. М. : Ленинград : Наука, 1962.
16. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. : Прогресс ; СПб. : Культура, 1996.
17. Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М. : Художественная литература, 1963.

Никитин А. Н.¹,
 профессор кафедры
 истории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор исторических наук,
 доктор юридических наук, профессор

Никитина М. А.²,
 старший научный сотрудник
 ВНИИ МВД России

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ИСТОРИИ

Важность и даже необходимость изучения субъективной стороны истории, то есть мотивов поведения участников событий, их мыслей и чувств, ценностной ориентации, понимания ближайших и отдаленных последствий своих действий – отмечали еще советские исследователи. Однако господство марксизма-ленинизма в идеологии и исторической науке препятствовало решению указанной задачи. Как известно, марксизм трактует исторический процесс как проявление объективных закономерностей, обусловленных развитием производительных сил, сменой общественно – экономических формаций, классовой борьбой. Классы же отождествляются с субъектами истории, а их сознание – с субъективной стороной истории, тем самым знания об историческом прошлом существенно обедняются, а главное – схематизируются.

В подтверждение тезиса о том, что марксизм-ленинизм схематизирует исторические знания можно привести немало примеров. Ограничимся лишь одним, но весьма примечательным. В советской историографии и, что особенно важно отметить, в художественной литературе, поведение крестьянства в годы Гражданской войны характеризовалось в соответствии с ленинской концепцией о колебании мелкой буржуазии между двумя диктатурами – пролетарской и помещичье-буржуазной. В результате, даже в таком литературном шедевре, каковым, несомненно, является роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», историческая правда искажена. Причем не только фактическая, но еще большей степени субъективная сторона истории.

Роман должен был убедить читателя, что казачество (в советское время оно не отделялось от крестьянства) в силу мелкобуржуазной природы не имело собственной политической позиции, металось между большевиками и кадетами, но, в конце концов, все-таки окончательно повернуло на сторону Советской власти. В действительности же, основная масса казачества в годы Гражданской войны заняла твердую антибольшевистскую позицию и, что крайне важно подчеркнуть, предложила России третий путь – путь успокоения и развития страны.

---

¹ © Никитин А. Н., 2023.

² © Никитина М. А., 2023.

Следует заметить, что не только М. А. Шолохов, но и А. Н. Толстой – автор романа «Хождение по мукам», другие советские писатели, обращавшиеся к истории революции и Гражданской войны, под влиянием марксистско-ленинской идеологии тем или иным образом исказили исторический процесс, прежде всего субъективную его сторону. В этой связи с неизбежностью возникает вопрос – является ли художественно-исторический метод средством познания прошлого? Или же он и, соответственно, историко-художественная литература, лишь способствуют более эффективному воздействию на общество государственной идеологии?

Несомненно, художественно-исторический метод как средство познания обладает рядом достоинств.

Во-первых, он позволяет раскрыть информационный потенциал такого источника личного происхождения, как мемуары. Историки, как правило, отмечают их субъективность и, по этой причине, оценивают их источниковую ценность значительно ниже, чем документов или периодической печати. Между тем, для изучения субъективной стороны истории мемуары представляют особую ценность, более того – они незаменимы, хотя и предъявляют повышенные требования к методологии и источниковедческой культуре исследователя.

Во-вторых, художественно-исторический метод позволяет в полной мере проявиться интуиции автора, сформулировать идеи, положения, выговоры, оценки, опирающиеся не на исторические источники, если, тем более, таковые отсутствуют, а на логику исторического развития или на закономерности функционирования психологии.

В-третьих, художественно-исторический метод позволяет выявить и проследить влияние на исторический процесс не только социальной, но и биологической природы человека. При классовом подходе последняя практически не принималась во внимание.

И, наконец, в-четвертых, художественно-историческое повествование, несомненно, способно существенно обогатить имеющиеся знания об истории, но лишь в том случае, если автор не стремится своим творением проиллюстрировать тот или иной идеологический постулат, исполнить социальный заказ, а, как писали древние, «без гнева и пристрастия» исследует избранный предмет, руководствуясь лишь желанием постичь истину.

В заключение представляется важным отметить следующее: хотя в СССР была сформирована новая историческая общность – советский народ, являвшийся, согласно марксистской концепции, субъектом истории, однако воспитать нового человека, а именно эта цель ставилась III Программой КПСС, не удалось.

Более того, перерождение властной элиты, безусловно, стало главной причиной падения Советской власти и распада СССР. Иными словами, субъективная составляющая исторического процесса на определенном этапе оказала решающее влияние на его ход и результаты.

Полозова И. В.¹,
 профессор кафедры философии
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор философских наук

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В рамках нынешней конференции, посвященной памяти человека, много сделавшего в области преподавания философии и других социальных и гуманитарных наук, определяющих мировоззрение человека, хотелось бы поднять вопрос о состоянии и характере нынешнего российского гуманитарного образования, выявить существующие проблемы.

Как известно, сфера образования является одним из факторов формирования национальной идентичности. В свое время проблему необходимости национальной ориентированности образования обозначили многие русские мыслители, указывая на то, что наше образование по своему характеру не является вполне национальным, в числе которых следует назвать А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского, Н. О. Лосского и др. Идея изменения характера образования с целью придания ему национально-ориентированного характера отражена, например, в трудах К. Д. Ушинского, предложившего свои варианты национального образования, выстроенные на принципах русской культуры [6, с. 122].

Как обстоит дело сегодня? Изменилась ли с тех пор ситуация?

Следует обозначить две проблемы в университетском преподавании философии. Первая – идейная эклектичность, преподавание множества философских систем без какого-либо мировоззренческого ориентира. Так «профессора и учебники не определяют, какие философы, школы и теории ближе к истине, какие – дальше, а какие и вовсе являются вредными и опасными. Не определяют по той причине, что у профессоров нет четких ориентиров для таких оценок и классификаций» [4, с. 9].

В качестве второй и наиболее значимой проблемы назовем «западное пленение» российского образования. Следует обратить внимание на доминирующее влияние западной ментальности на содержание преподаваемых социально-гуманитарных наук. Начнем с того, что в стандартных университетских курсах философия, формирующая основу всего мировоззрения, изучается преимущественно в ее западной версии. На это можно возразить стереотипным мнением о том, что философия как таковая формировалась прежде всего в западном мире. Но не следует некритически соглашаться с данным тезисом, даже не имея в виду Индию и Китай, где, как известно, существовали особые философские традиции.

---

¹ © Полозова И. В., 2023.

Мы почему-то отдаем Западу греков с их философскими исканиями. До сих пор в российских университетских курсах нет указания на то, что преемницей античной Греции была не столько Западная, сколько Восточная Римская империя, ее грекоязычная часть, позже названная итальянскими историками Византией, чтобы скрыть существующую между ними органическую генетическую связь.

Полагаем, что древнегреческую, то есть изначальную, аутентичную философию, вовсе не следует считать западной. В определенном смысле она показывает путь человечества к истине, осуществившийся до пришествия в мир Христа и имеющий, поэтому, общечеловеческое значение как «детоводитель ко Христу».

Если же рассматривать древнегреческую философию в цивилизационном аспекте, то ее также не следует относить к западной, латинской цивилизации, но, напротив, нужно видеть, что она является порождением противостоящей латинскому миру греческой цивилизации, связанной не с латынью, но с греческим языком. Лингвистический критерий мыслится как имеющий принципиальное значение для данного цивилизационного разделения. Ключевым для понимания различия двух цивилизаций и для нашего национального и образовательного самоопределения является также религиозный раскол прежде единого христианского мира 1054 г. на католический и православный, которые стали после данного момента развиваться отдельно, причем Запад неоднократно демонстрировал свою враждебность по отношению к Восточному христианскому миру. Как известно, русская цивилизация изначально через рецепцию православия выступала как дочерняя по отношению к византийской, и цивилизационный путь «Античная Греция – Восточная Римская Империя (Византия) – Русь» в противоположность генетической связи «Рим – Западная Римская Империя – Западная Европа» – должен быть положен в основу нашего национального образования.

Важно показать идею преемственности между греческой философией и лежащим в основе нашей цивилизации православным христианством, которая должна присутствовать в основе преподавания философии в российских университетах. Ведь все четыре Евангелия, положившие идейное начало христианской цивилизации, были написаны на том же самом греческом языке – «койне», на котором писались философские трактаты, по крайней мере со времен Аристотеля.

В этой связи следует говорить далее о «Великом переводе», изначальном философском смысле церковнославянского языка, который создавался греками в богословских целях и слова которого во многом представляли собой кальку со слов греческого языка, содержащих философские идеи и смыслы. Выпадение или упразднение изначального славянского языка из сферы образования приводит к отсутствию понимания цивилизационной преемственности.

Следует также показать, как важнейшие понятия древнегреческой философии оказали влияние на артикуляцию основных мировоззренческих положений христианского мира. Так, например, ключевое для философии Аристотеля понятия сущности, изучаемое в университетском курсе философии, явилось основой одного из главных догматов Никео-Цареградского Символа Веры [5, с. 603].

В существующих курсах истории философской мысли, к сожалению, показывается развитие идей, взятых у греков, преимущественно окольным путем – только через Рим, западную схоластику. Напротив, мы полагаем, что центральное место в преподавании истории философии должно принадлежать восточной патристике. Ключевая роль должна принадлежать, например, Иоанну Дамаскину с его фундаментальным трудом «Источник знания», значение которого для православной цивилизации сопоставимо с местом Фомы Аквинского для западной. Как известно, Иоанн Дамаскин дает ряд многогранных и всеобъемлющих определений понятия философии, характеризуя ее в итоге как любовь к Богу, потому что только Бог может являться истинной мудростью [2, с. 11]. Иоанн Дамаскин показывает совместимость христианства с философией Аристотеля [2, с. 42]. Вместе с тем, следует показать место Иоанна Дамаскина также и в православной христианской традиции и культуре в целом, например, как основателя Октоиха – системы гласов, до сих пор лежащих в основе православного Богослужения, как непримиримого борца с иконоборчеством.

Важно показать, что и на европейском западе, и на православном востоке философия привела к торжеству христианского мировоззрения, утвердившись не менее чем на тысячелетие. Вместе с тем, в преподавании средневековой философской мысли преобладает именно западный мир (слегка упоминается арабский). Вместе с тем, почти полностью отсутствует философская и богословская мысль Византии, что является, по нашему мнению, колоссальным упущением. Повторяем, что христианство является одной из основ нашей цивилизационной идентичности.

Западное пленение образования связано с тем, что преподавание философии у нас началось под влиянием Западной Европы и необходимости противостоять католикам в навязанной нам идейной полемике. Преподавание философии, начавшееся в XVII в., таким образом, преподнесло нам встречу с Европой, затронутую Реформацией и в которой активно происходил процесс идейной секуляризации. Результатом данного процесса и явилось появление философии как отдельной от религии и даже противоположной ей сферы.

Философия, какой мы ее знаем и как она преподается у нас, является продуктом Европейской мысли Нового времени и ее идейных доминант – рационализма, эмпиризма, позитивизма, возникших во многом как результат секуляризации человеческой мысли.

Можно увидеть, что тенденции, проявившиеся в философии в Новейшее время, ведут к распаду рационализма и еще большей бездуховности, проявляющуюся в появлении иррационалистических направлений, а затем и постфилософии в виде постмодернизма [1, с. 45]. Нужно видеть нарастание данных негативных и разрушительных тенденций в европейском сознании и ни в коем случае не выдавать их за норму. Следствием таких тенденций является разрушение личности и социальности.

Русская философия в составе университетских курсов, как правило, преподается лишь как отдельная и даже несколько экзотическая тема. Ее основные идеи и выводы не присутствуют ни в предшествующем, ни в последующем, теоретическом построении курса. Так, учение о бытии излагается, как правило,

не затрагивая идеи идеал-реализма С. Л. Франка и Н. О. Лосского В учении о познании упускаются выводы В.С. Соловьева о необходимости построения системы знания, включающей все человеческие способности и завершающейся сферой абсолютного. В учении о человеке не всегда присутствуют идеи Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова. В учении о ценностях – нет построений Н. О. Лосского и Б. П. Вышеславцева. В этическом учении не содержатся идеи и выводы «Оправдания добра» В. С. Соловьева.

В преподавании социальной философии если и присутствует мировоззренческая составляющая, то она также является следствием западного секулярного мировоззрения. В социальных науках, начиная с построения социологии О. Контом, научное изучение общества, основанное на эмпирии и фактах, обычно противопоставляется философскому и теологическому. Трактовка религии как основы социальной солидарности не исключает ее понимание как «естественной религии», не связанной ни с какими конфессиональными признаками. Идеи «общественного договора», «права человека» также представляют собой западный идеологический конструкт.

Для формирования мировоззрения, представляется, что особенно важны проблемы антропологии и личности. В наших курсах личность обычно понимается, в соответствии с западной секулярной мыслью, либо как совокупность общественных отношений, либо как набор социальных ролей и статусов. Но данный подход игнорирует онтологическую и метафизическую основы личности, наличие которой очевидно для христианской философской мысли [3, с. 105].

Содержание отечественной и православной мысли должно присутствовать в содержании учебных курсов, особенно философии, не в качестве отдельных тем, но как основа миропонимания, являясь, тем самым, факторами обеспечения цивилизационного суверенитета России.

Библиографический список

1. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М. : Академический проект, 2020.
2. Иоанн Дамаскин: Источник знания. СПб. : Наука, 2006.
3. Каприев Г. Византийская философия. Четыре центра синтеза. СПб. : СПбДА., 2022.
4. Катасонов В. Ю. Философия и христианство. Полемические заметки «непрофессионала». М. : Библиотека РЭО имени С. Ф. Шарапова, 2018.
5. Морескини К. История патристической философии. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2011.
6. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 : Теоретические проблемы педагогики. М. : Педагогика, 1974.

Самойлов С. Ф.¹,
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД

В настоящее время религиозно-политический экстремизм является одной из наиболее распространенных и социально опасных форм экстремизма. Во многом данное обстоятельство объясняется тем, что религия продолжает оказывать существенное влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы, протекающие в современном мире. Социальная значимость религии приводит к тому, что экстремистки настроенные силы, стремящиеся к получению политической власти незаконными средствами, используют массы верующих в качестве инструмента для достижения своих противоправных целей.

Для современного российского общества опасность религиозного экстремизма заключается не только в том, что построение клерикального государства нарушит права социальных групп, не разделяющих религиозные идеалы, но и в традиционном поликонфессиональном характере России. Религиозно-политический экстремизм, абсолютизируя значение какой-либо одной конфессии, неизбежно ущемляет другие конфессии, и, тем самым, провоцирует социальную напряженность в обществе.

Важнейшими характерными чертами преступлений экстремистской направленности служат: использование различных форм социальной ненависти в качестве мотива и наличие того или иного идеологического обоснования их совершения. При этом социальная ненависть может выступать как в качестве самостоятельного основания совершения противоправных действий, так и вытекать из характера радикальной идеологии. В силу данного обстоятельства в основание классификации различных видов экстремистского сознания, приводящего к совершению различных правонарушений, принято полагать идеологический признак. По идеологическому основанию принято выделять праворадикализм, леворадикализм, религиозно-политический экстремизм.

Стремление лидеров и идеологов религиозно-политического экстремизма найти поддержку в широких слоях верующих приводит к тому, что разрабатываемые ими доктрины, с одной стороны, стремятся опереться на традиционно-религиозные представления и нормы, а с другой – неизбежно их искажают. Поэтому в настоящее время для современного российского общества особую опасность представляют религиозно-политические доктрины, опирающиеся на две крупнейшие традиционные конфессии – православие и суннитский ислам.

---

¹ © Самойлов С. Ф., 2023.

Помимо традиционных конфессий в современном российском обществе получили распространение новые нетрадиционные религии, в частности, славянское неоязычество. Политизированная интерпретация славянского неоязычества является средством обоснования идеологии ряда праворадикальных организаций.

По этой причине не будет большим преувеличением утверждать, что религиозно-политический экстремизм имеет по отношению к религии паразитический характер, он заимствует у нее понятийные аппарат, частично ценности и картину мира, но в конечном итоге создает примитивную доктрину, нацеленную на захват власти. Процесс трансформации религиозного мировоззрения в радикальную, а затем экстремистскую идеологию получил наименование радикализации. Можно выделить три основных направления радикализации религиозной догматики:

- абсолютизация какого-либо одного положения религиозного вероучения;
- стремление к изначальной «чистоте религиозного учения»;
- буквальное и бескомпромиссное выполнение всех религиозных норм безотносительно к меняющимся социальным условиям.

Помимо этого, различные радикальные политические организации ультраконсервативного характера, могут позиционировать себя как защитники той или иной конфессии или религиозной традиции. Тем самым, праворадикальный экстремизм может соединяться с религиозно-политическим экстремизмом. В этом случае речь может идти о клерикализации политической организации. Данный процесс может преодолевать следующие этапы:

- солидаризация с ценностями той или иной религиозной традиции;
- провозглашение в качестве главной политической цели усиление роли той или иной конфессии в жизни государства и общества;
- солидаризация с идеями религиозного фундаментализма конкретной конфессии или с вероучением группы, отделившейся от крупной религиозной организации;
- создание на базе политической группы замкнутой религиозной общины, разделяющей либо фундаменталистские, либо синкретические взгляды.

В современных российских условиях процесс радикализации религиозной догматики характерен преимущественно для мусульманской традиции. Тогда как клерикализация праворадикальных политических организаций осуществляется преимущественно под знаменем защиты истинного православия.

Понимание основных направлений радикализации религиозных учений и клерикализации политических организаций позволяет сотрудникам органов внутренних дел экстремизму выявлять радикальные религиозные сообщества на ранних этапах их формирования и препятствовать их трансформации в экстремистские группировки и тем самым осуществлять своевременную профилактику религиозно-политического экстремизма [2, с. 19].

Своевременное отслеживание данных процессов предъявляет к сотрудникам полиции целый ряд требований, важнейшим из которых является постоянная работа над своим интеллектуальным и культурным уровнем, необходимым для

успешного взаимодействия с носителями различных видов религиозного сознания с целью недопущения роста социальной напряженности на почве национальной и религиозной розни.

Важнейшими знаниями, необходимыми сотрудникам, задействованным в мероприятиях по противодействию религиозно-политическому экстремизму, следует признать следующие знания:

- догматику и историю определенной религиозной традиции;
- этические и этикетные нормы, принятые в соответствующей религиозной среде;
- основные виды фундаменталистских концепций, существующих в рамках определенных конфессий;
- содержание основных радикальных религиозных учений и религиозно-политических идеологий, способных послужить основанием для осуществления экстремистской деятельности;
- основные мировоззренческие противоречия, существующие между догматикой определенной религиозной традиции и религиозно-политическими идеологиями, пытающимися выступить от ее имени.

Данные знания в области догматики традиционных религиозных конфессий и идеологии религиозно-политического экстремизма, необходимы сотрудникам органов внутренних дел для решения следующих служебных задач:

- установление характера идеологии той или иной радикальной экстремистской или террористической группы;
- определение идеологических противников экстремистской группы с целью получения информации о ней и ее противоправной деятельности;
- осуществление мероприятий по расколу радикальных экстремистских и террористических групп;
- доказательство несоответствие идеологии экстремизма любой подлинно религии.

Важнейшей профессиональной установкой сотрудников органов внутренних дел, задействованных в мероприятиях по раскрытию, пресечению и предотвращению преступлений по мотивам религиозной ненависти, должно являться убеждение в том, что подлинная религиозность не может быть связана с совершением насилия и противоправных действий. Поэтому, противодействие религиозному экстремизму следует признать задачей, имеющей не только социальную, но и гуманистическую ценность.

Специфика преступлений экстремистской направленности заключается в том, что, в отличие от преступлений общекриминальной направленности, идеологическая составляющая играет в них определяющее значение. По этой причине идеологическое противодействие в процессе профилактики, предупреждения и раскрытия преступлений экстремистской направленности имеет существенную роль. Вместе с тем, в настоящее время, идеологическое противодействие экстремизму осуществляется не на должном уровне, что приводит как к росту числа преступлений экстремистской направленности, так и к необходимости силового подавления различных проявлений экстремизма. Во мно-

гом, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что идеологическое противодействие экстремизму рассматривают только как элемент профилактики преступности экстремистской направленности. На самом деле, идеологическое противодействие должно находить свое применение на всех этапах процесса противодействия экстремизму. Осуществление данной задачи возможно только после отказа от узкого понимания идеологического противодействия, сводящего его к противодействию распространению идеологии экстремизма [1, с. 26].

Если рассматривать идеологическое противодействие экстремизму в узком значении, то оно включает в себя такие меры как:

- проведение профилактических бесед с определенными лицами и группами с целью нейтрализации реального или предполагаемого распространения идеологий экстремистской направленности;
- организация и проведение семинаров или круглых столов, связанных с обсуждением основных социальных проблем, провоцирующих распространение экстремистских идей, а также объяснение гражданам механизма и последствий вовлечения в экстремистские сообщества;
- реабилитационную работу с лицами, ранее состоявшими в различных экстремистских сообществах;
- профилактические беседы с семьями лиц, осужденных по различным уголовным делам экстремистского характера;
- привлечение к работе с различными категориями граждан духовных лиц, общественных, политических деятелей и деятелей культуры, способных нейтрализовать воздействие экстремистской идеологии на сознание;
- взаимодействие с представителями СМИ с целью освещений событий, связанных с правовой трактовкой событий, имеющих отношение к противодействию экстремизму и терроризму.

Следует подчеркнуть, что идеологическое противодействие, в узком значении этого термина, подразумевается в большинстве правовых документов, связанных как с регламентацией как стратегии, так и осуществления отдельных мероприятий по противодействию экстремизму. В ряде случаев, узкое понимание идеологического противодействия экстремизма соединяют с процессом информирования населения о характере конкретной экстремистской угрозы. Однако сама структура профессиональной деятельности сотрудников по противодействию экстремизму дает основание для расширенного понимания термина «идеологическое противодействие».

В отличие от узкого, широкое понимание идеологического противодействия экстремизму предполагает использование идеологических знаний на всех этапах процесса противодействия различным проявлениям экстремизма. И действительно, различные знания в области истории идеологии экстремизма, а также в других областях социально-гуманитарных наук, необходимы сотрудникам правоохранительных органов в ходе проведения следующих мероприятий:

- выявление радикально и экстремистски настроенных лиц и групп по используемой ими символике, внешнему виду, характеру высказываний и читаемой литературе;

- установление контакта с представителями различных слоев экстремистской среды с целью профилактики, пресечения и раскрытия преступлений экстремистской направленности;
- определение специфики идеологии и социально-политической стратегии, выявленной группы или лица;
- составление социально-психологического портрета участника радикального или экстремистского сообщества;
- реализация стратегии по расколу радикальных и экстремистских сообществ по идеологическим мотивам;
- провоцирование столкновения различных радикальных и экстремистских групп на идеологической почве с целью устранения угрозы;
- осуществление дискредитации лидеров экстремистских сообществ на основании их несоответствия провозглашаемым идеологическим принципам;
- противодействие различным моделям вовлечения в экстремистскую деятельность;
- выявление и установление идеологической специфики различных экстремистских сообществ;
- выведение различных категорий лиц из-под влияния идеологий экстремистской направленности;
- внедрения в экстремистскую среду;
- привлечение граждан к сотрудничеству понимания ими необходимости противодействия экстремизму.

Помимо перечисленных видов профессиональной деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, идеологическом составляющая находит свое применение и в рассмотренных видах профилактической и информационной деятельности сотрудников. Поэтому в широком значении этого слова идеологическое противодействие можно понимать, как идеологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму. Идеологическое обеспечение противодействия экстремизму – это система знаний, умений и навыков в области социально-гуманитарных наук, направленная на раскрытие, предотвращение и профилактику преступлений экстремистской направленности.

Библиографический список

1. Довгяло В. К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 21–30.
2. Самойлов С. Ф., Сафронов А. А., Плотников В. В. Теоретико-методологические основы деятельности сотрудников органов внутренних дел по профилактике религиозно-политического экстремизма : учебно-методическое пособие. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022.

*Сигалов К. Е.¹,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ

Право, развиваясь во времени, смещает объект своего интереса, причем, порой, кардинально. В одно историческое время право скрупулезно регулирует какую-либо сферу, но почти не трогает другую. С течением времени, интерес к этому аспекту ослабевает и даже исчезает, но появляется другая сфера отношений, которую право начинает столь же основательно регулировать. Тем не менее, философия, как бы к ней ни относились субъекты правоотношений, всегда обуславливала архитектуру права, его духовный контур и отношение с миром. Философия определяет смысл методологии правового знания. Как отмечал Д. А. Керимов, «философия является «душой» методологии, ее ядром, поскольку выступает не только в качестве всеобщего метода познания природы, общества и мышления, но и в качестве общетеоретической предпосылки любого исследования. Но помимо этого методология включает в себя и нефилософскую часть, в частности, общенаучные и частнонаучные категории (например, современные методы математического обеспечения исследований, кибернетические методы, технологические модели стратегических решений, информация, эффективность и т. д.), которые, не являясь философскими, тем не менее, имеют гносеологическое значение в познании зачастую ограниченных сфер бытия. Ограниченность нефилософских категорий не исключает, однако, того, что по мере своего обогащения и развития могут приближаться к такому высокому уровню общенаучности, который обретает методологическую универсальность или, по крайней мере, является предпосылкой формирования новых всеобщих методов познания» [2, с. 9].

Теоретические, или концептуальные модели являют собой замещение объекта, применяемое для познания и/или практического преобразования данного объекта. В теории и истории права моделирование используется как в статической, так и динамической форме для обозначения тех или иных правовых феноменов. Теоретическая модель – это интерпретация в строгом логическом смысле определенной теории, установленная взаимосвязь комплекса идеализированных объектов. Свойства, отношения и связи этих объектов должны полностью попадать под суждения рассматриваемой теории. В таком случае определяются идеализированные объекты, которые соотносятся с основными понятиями теории и являются исключительно искусственно созданными мыслительными конструкциями, в которых «заложены» только те свойства, ко-

---

¹ © Сигалов К. Е., 2023.

которые фиксируются в совершенно конкретных понятиях. Понятно, что в «чистом» виде эти конструкции не существуют, но без них невозможно понять, что собой представляет, то или иное понятие. Идеальные объекты могут обладать и более сложной конструкцией, охватывать сложные социально-исторические и политико-правовые понятия. К таковым можно отнести, например, «идеальный тип» М. Вебера. Как известно, идеальный тип представляет собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия социальных явлений, осуществляемое исследователем в целях систематизации данного ему эмпирического материала и дальнейшего его сопоставления и изучения. Идеальный тип, согласно Веберу, «формируется односторонним акцентированием одной или более точек зрения или менее разрозненных, очень многих расплывчатых, более или менее разрозненных, имеющихся налицо или по временам отсутствующих конкретных индивидуальных явлений, которые организуются в соответствии с этими односторонне подчеркиваемыми точками зрения в единую логическую конструкцию» [1, с. 317]. Без философского обоснования право теряет свою основу, оно приносится в жертву политическим интригам и обстоятельствам неправового свойства. Свидетельством этого являются всем известные события последнего времени в международных отношениях, экономике, культуре и спорте. «Философия – камертон эпохи. Смена принципов и духа философствования является прямым свидетельством идейного кризиса (если не катастрофы) общества, его духовности. Под влиянием этого процесса происходят существенные изменения и во всех сферах общественной жизни» [3, с. 139].

Однако следует отметить, что и в российской традиции сложилось весьма странное отношение к философии. Старшее поколение людей, получивших высшее образование в советское время, изучало по большей части все же некий эрзац философии, нечто совершенно незаслуженно называемое этим словом. Лишь некоторым повезло с мудрыми и дерзновенными учителями или умными и смелыми книгами. Очень часто, поэтому складывалось крайне скептическое отношение к тому очень узкому сегменту философского знания (то есть учения одной из многочисленных философских школ), которое многие принимали за единственную философию. Молодое поколение также очень часто «проскакивало» мимо философии вследствие исхода ее на периферию духовного освоения мира. Эти две тяжелые гносеологические гири мешают правильному пониманию значимости всего философского в праве, с одной стороны, и делают значительное число юристов, вольно или невольно либо прожженными и открытыми, либо стыдливými и латентными позитивистами. Причем отбрасывается даже то реально наработанное в философской методологии, куда большевистская идеология не совалась (диалектика, законы и категории, теория познания, логика) и что было освящено именами основоположников. На мой взгляд, именно поэтому проще отбросить и сами ноумены, категории и понятия, чем их понять и принять, а заодно и всю философию права, какие бы авторитеты ни стояли бы за ней.

Известно, что верхний этаж любого знания – это философия, и правовая наука не составляет в этом никакого исключения. Исключительная роль философии состоит не в том, что она как раз выступает в роли некоего обязательного

богословского элемента, ссылок на непререкаемые авторитеты, а исключительно как философская рефлексия на любые явления сложного характера, в нашем случае – на правовые явления. Исследователь прибегает к философии, когда уже во многом действительно разобрался, желает понять большее, выработать свой собственный взгляд или даже открыть нечто новое. Философствуя, рассуждая о самой глубокой сущности происходящего, человек, так или иначе, моделирует идеальную ситуацию на основе:

- а) общих законов мироздания;
- б) философских категорий;
- в) рационального мышления и логики;
- г) имеющегося опыта отраслевого знания;
- д) опыта сопряженных дисциплин;
- е) «прорывных», новационных идей, могущих внести изменения в сложившуюся доктрину, которые обязательно возникают, если следовать таким путем.

Философское сознание является ценностным. Познание само по себе ценностно, тем более, когда оно предстает в индивидуализированном виде. Когда мое «Я» познает нечто или делает какое-нибудь абстрактное или конкретное знание своим, интериоризирует его, «Я» рассматривает весь этот процесс как ценность, как некое прибавление к полноте, многозначности и цельности моего внутреннего мира, философия права всегда была наполнена смыслами. Новыми смыслами наполняется и отраслевое правовое знание – возникают новые социальные явления, которые требуют «юридического обслуживания», поэтому происходит прибавление массы юридической информации и расширение базы отраслевых наук. Но это наполнение количественное, а в философии права происходит качественное наполнение, углубление значимости многих понятий: многое из того, о чем писали уважаемые мэтры философии права, сегодня кажется банальностью, а о многих современных проблемах философии права они и не догадывались. Узловая философская проблема – это проблема действительности права. На самом деле, нашим позитивистам до сих пор не понятно, ни что такое право, ни как оно на самом деле должно функционировать.

Философское правопонимание позволяет рассматривать право – в целостности, ибо только при подобном рассмотрении, возможно, увидеть его не как «собрание» отдельных отраслей, норм, систем и т. д., а единый феномен. Только с помощью философской рефлексии и возможно представить право в становлении, развитии и «свертывании», и в то же время – в «застывшем виде», в статике – т. е. в диалектике и взаимодействии всех его составных частей и многочисленных и многообразных феноменов. С помощью философского сознания исследователь видит целостное право, а не конгломерат его отраслей, причем видит в упорядоченности и в хаосе, в конкретности и в абстракции, поднимаясь на «философскую высоту» «схватывает» новые понятия и дает развитие старым. Философское сознание дает возможность жить тем новым идеям, которые не получают немедленного признания, и до поры ожидают своего воплощения в жизнь, ибо способствует легитимации подобных идей. Это в особой мере актуально для пиковых направлений в теории права, когда исследование сталкивается с «внедрением» в философско-правовую и теоретико-правовую науку

новых идей, положений, понятий и категорий. При этом философия использует и догму права, без которой нельзя ни в праве, ни в любой другой науке, для развития новых идей.

Что всегда привлекало в истинной философии мыслящих людей и, наоборот, заставляло ее принципиально извращать и переиначивать марксистами и прочими и идеологизаторами? Философия всегда индивидуальна. Философ одинок, каждый понимает философские проблемы по-своему. И в этом смысле, каждый понимает философию права со всеми его проблемами сугубо индивидуализировано. Может быть множество точек соприкосновения личностных концепций, но в целом философия индивидуализирована. В еще большей степени это относится к философии права (а также истории, религии, политики). Догма права может быть единой, законы понимаемы однозначно, но мои мысли, мое правосознание, моя рефлексия на все это сугубо индивидуализирована, она лично моя и представляет только мою собственную рефлексю на суть правовой жизни и правовой теории.

В современной науке сложилось весьма предвзятое отношение к диалектике как таковой. У исследователей старшего поколения выработалась идиосинкразия к данному универсальному методу познания по причине «передозировки» в советские времена. Молодое поколение, порой не знакомо с этим методом во-все. Но при этом следует четко осознавать, что на самом деле, во-первых, преподаваемая в советское время диалектика – это извращенная и упрощенная диалектика извращенного и упрощенного марксизма; во-вторых, те, кто ругают диалектику, порой пропустили даже и ее в своем школярстве, не имеют о действительной диалектике никакого представления; в-третьих, по большому счету, диалектика существует вне зависимости от того, признает ли ее кто-либо или нет; в-четвертых, те, кто умеет использовать настоящую диалектику, а не ее извращенный и упрощенный вариант всегда будет в выигрыше.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. : РОС-СПЭН, 2006.
2. Керимов Д. А. Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М. Н. Марченко. Вып. 2. М. : Зерцало-М, 2007.
3. Малахов В. П. Право в контексте форм общественного сознания. Принципы правопонимания. М. : Юнити, 2015.

Стрелкова Н. В.¹,
заместитель начальника
кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Подготовка специалистов с высшим образованием для работы в органах внутренних дел в условиях правового государства, укрепления законности и правопорядка требует внимания не только к усилению фундаментального юридического образования, но и к вопросам, связанным с ролью гуманитарной составляющей образования.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что существует очевидная связь между результатами профессиональной деятельности, в том числе области правоохранительной деятельности, с одной стороны, и образом мышления, социальными качествами специалистов, а также социумом, с другой стороны, изучением и оптимизацией которой занимаются гуманитарные науки.

Изучение основ философии и философских наук является ядром профессиональной подготовки учащегося, которое прививает ему духовные потребности, гражданские, идейные качества, интеллигентность, формирует мировоззренческие жизненные позиции. Но перевод высшего образования на уровень освоения прикладных учебных дисциплин является разрушением традиций высшей школы, неоправданная переоценка ее огромного положительного опыта [2, с. 18].

Роль гуманитарного образования в подготовке и деятельности будущих специалистов можно проследить по следующим направлениям.

Во-первых, в формировании и развитии глобального, объемного мышления, которое любому специалисту также необходимо, как и узкое, локальное, детальное. Ф. Л. Райт обронил замечательную фразу: *“Think globally act locally”* («Мысли глобально, действуй локально»). Другой ученый, религиозный философ П. А. Флоренский подчеркивал, что если художник не обладает объемным мышлением, то он ошибется в любой детали.

Инженер-конструктор или специалист по математическому моделированию обычно предпочитает «не замечать», что создаваемые им модели не способны отражать существенных системных свойств социального объекта, его «потребительские свойства», ради которых и создаются искусственные объекты. Между тем, гуманитарные, человековедческие технологии становятся конкурентоспособными даже в высокотехнологическом производстве.

Происходит это потому, что узко специальные знания часто не дают вырваться из своего круга при решении новых проблем. В этом случае эвристическое решение очень часто строится на использовании гуманитарного знания,

---

¹ © Стрелкова Н. В., 2023.

поскольку у последнего более широкая область применения. Оно менее структурировано и более универсально, чем точное.

Гуманитарное знание, способность понимать и использовать философские и другие, относительно менее формализованные категории – все это является инструментом в решении технической, естественнонаучной и любой другой задачи также вследствие возвышения человеческих потребностей, их социального и духовного содержания.

Во-вторых, роль гуманитарного образования проявляется в противостоянии опасности техноцентрического мышления и действия.

Вся история точной, естественной и технической, науки изобилует примерами, когда технократ или естественник полагал, что частные модели способны спасти человечество от бед и несчастий, то есть решить гуманитарные проблемы. Но ведь это почти то же самое, что полагать, будто лучший гуманитарий способен сконструировать лучший самолет.

С другой стороны, забвение гуманитарного принципа «не навреди» разрывает связь между желанием (целью) и результатом, которую надо осознать до начала действия, чтобы не получилось по схеме: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Техноцентризм, как любой эгоцентризм, – признак недостаточной образованности (культуры), ограниченности мышления, извращенного самоутверждения.

В-третьих, гуманитарное образование необходимо для формирования образа и стиля жизни, поведения специалиста, адекватных общественным потребностям. Каким бы широко и глубоко профессионально подготовленным не был выпускник вуза, ему предстоит действовать в сложной социальной и духовной среде. И без соответствующих знаний и умений он не сможет эффективно действовать, жить без излишнего напряжения и радоваться жизни.

Гуманитарные знания в этом отношении – как правила гигиены, без соблюдения которых современный человек не только противен окружающим, но и не защищен от профессиональной и физической преждевременной смерти.

Помогая будущим выпускникам в приобретении современного гуманитарного знания, мы решаем задачу демифологизации их сознания. Проблема здесь состоит в том, что гуманитарное знание, подобно родному языку, стихийно усваивается с первых шагов жизни, «впитывается» молодым человеком из «воздуха повседневного бытия». И в нем немало мифологических представлений о себе самом, о другом человеке, об обществе.

Например, мы до сих пор плохо знаем свое психическое устройство и жестоко страдаем из-за этого. Или вспомним нашу национальную склонность преимущественно «выбирать сердцем», а не умом.

В этой связи акцент в преподавании гуманитарных дисциплин необходимо ставить не на само знание как таковое, а на то, что, почему и каким образом искажается в сознании человека. Ответы на эти вопросы – это тоже гуманитарное знание, причем, добротное, надежное, эффективное. Оно позволит специалисту, хотя бы во имя формальной логики, правильно понимать друг друга через смысл изреченного слова, меньше ошибаться во взаимоотношениях с людьми, разрешать внутренние противоречия и «уживаться» с самим собой, чувствовать

себя более защищенным от попадания в какую-либо зависимость, а в конечном итоге, правильно найти свое место в жизни.

Все это чрезвычайно важно для эффективной работы в одной команде, в которой изначально сегодня все чаще должны работать разные специалисты.

Но еще более сложные проблемы возникают перед узким специалистом, когда он становится руководителем. Для эффективного управления людьми ему уже недостаточно той гуманитарной подготовки, которую дает современный вуз.

И еще один ракурс. Гуманитарная, а не узко специфическая культура, неоднократно спасала людей физически и духовно в период кризиса. И очевидно не исчерпала этой функции.

Разрушить мировоззрение и убеждение обучаемого несложно, поскольку известно, на чем они основаны и что происходит в обществе, в средствах массовой информации. Сегодня заметна политическая наивность, обусловленная поверхностными суждениями об общественных процессах, некритическим отношением к информационному потоку [1, с. 7].

Говоря о системности гуманитарного знания и формах его преподавания, следует отметить что гуманитарное знание как система представляет собой совокупность представлений, понятий, суждений и теорий, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство, адекватно отражающих общественно-историческую практику, проверенных ею и удостоверенных логикой. Задача гуманитарной кафедры в этом аспекте состоит в том, чтобы правильно найти элементы этой совокупности, определить их содержание и распределить области ответственности между преподаваемыми дисциплинами и преподавателями на своевременное обновление.

Системообразующим элементом в этой совокупности, на мой взгляд, является знание о потребностях конкретных социально-профессиональных групп. Прежде всего, о таких как:

1) потребность в наличии и развитии демифологизированного глобального мышления, необходимого для адекватного воспроизведения в результатах своего труда потребительских свойств социальных объектов, нахождения оптимальных и гуманных решений новых проблем;

2) потребность в противостоянии техноцентрическому мышлению;

3) потребность в формировании образа и стиля жизни, поведения специалиста адекватных общественным тенденциям, задачам нахождения своего места и роли в жизни, разрешения внутренних противоречий и самоутверждения, создания сплоченных команд.

С другой стороны, гуманитарное знание необходимо преподавать системно. Это, значит, создать у обучаемых информационную модель будущего результата их профессиональной деятельности и жизни. Информационный аналог будущего результата жизнедеятельности и формирует элементы обучения, том числе преподавания, в систему.

Задача гуманитарной кафедры в этом плане состоит в том, чтобы в начале четко очертить контуры представлений о результатах обучения. И главное, что должны уметь выпускники в области профессиональной деятельности и за ее рамками, какие знания им необходимы для выработки этих умений. А затем

уже, в соответствии с этими представлениями, определить содержание, объем и способ донесения до обучаемых этих знаний, формирования необходимых им умений [3, с. 28].

Будучи системой и системно переданное обучаемым, гуманитарное знание посредством профессиональной деятельности (в том числе и не гуманитарного профиля) вносится в реально действующие системы, включенные в общество непосредственно (социальные системы) или «выходящие» на него, удовлетворяющие его потребности (технические системы). В этих системах гуманитарное знание играет роль одного из видов системообразующих связей, придающих им адаптационные и инновационные свойства.

Благодаря последним, любая система, изменяясь и развиваясь, сохраняется как система и выполняет свои функции.

Библиографический список

1. Грядовой Д. И. Мировоззренческая культура, духовность, профессионализм – неотъемлемые качества специалиста органов внутренних дел // Мировоззренческая и методологическая культура сотрудников органов внутренних дел и пути ее формирования : сборник научных трудов. М. : Московский университет МВД России, 2004. С. 7–9.

2. Грядовой Д. И. Основы формирования научного мировоззрения слушателей высших учебных заведений МВД РФ // Совершенствование преподавания философских и социально-политических дисциплин в специализированном вузе МВД России : сборник научных трудов / под ред. Н. Н. Гусева и Б. И. Кононенко. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 1998. С. 17–24.

3. Грядовой Д. И., Пылев С. С., Стрелкова Н. В. Духовность, культура – важнейший фактор формирования личности специалиста органов внутренних дел // Духовность. Патриотизм. Традиции. М. : Московский юридический институт МВД Российской Федерации, 1997. С. 27–35.

Сучкова М. В.¹,
*старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

РОЛЬ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

На всем протяжении эволюции любой правовой системы идет процесс возникновения, формирования и развития внешних форм выражения права, т. е. источников права. М. Н. Марченко отмечает, что «с тех пор, как возникло право, проблемы источников его образования, форм его организации и существования постоянно привлекали к себе повышенное внимание исследователей-теоретиков и, отчасти, практиков. И это не случайно, имея в виду их труднопереоценимую не только академическую, фундаментальную в плане развития национальных правовых систем и права как такового в целом, но и их сугубо прикладную, практическую значимость. Вопросы, касающиеся источников права, являются своего рода отправной точкой в процессе познания всех иных правовых институтов и самого права» [1]. Солидаризируясь с данным высказыванием, необходимо отметить, что анализ генезиса источников права, форм их внешнего выражения, несомненно является значимым теоретическим вопросом, имеющим и прикладное осмысление. Также рассмотрение данного вопроса невозможно вне связи с историей государства и права, которая, в рамках своего предмета, предоставляет исследователю картину правового опыта и традиций, сложившихся в различных странах мира и правовых системах.

Изучение нормативных правовых актов, отразивших и закрепивших основные этапы эволюции Русского государства, необходимо начинать с анализа социально-экономических и политических условий, в которых они принимались, с так называемой В. Н. Латкиным, «внешней истории русского права». Латкин под «внешней историей русского права» понимает историю законодательных памятников, которая «показывает причины появления законодательных памятников, время и порядок их издания: затем источники, внешний состав и содержание памятников и, наконец, их соотношение с другими, как предшествующими им, так и последующими за ними памятниками».

В. Н. Латкиным была предложена схема разбора законодательных памятников. По его мнению, надо рассмотреть историю «каждого памятника в отдельности», указав, во-первых, «причины издания памятника – мотивы и цели, руководившие законодателем при издании памятника; элементы, легшие в основание памятника, или его источники; редакцию памятника, т. е. как он составлен, в какое время, при участии каких лиц, учреждений и вообще органов

---

¹ © Сучкова М. В., 2023.

законодательной власти; дальнейшую судьбу памятника – силу и действие его в последующие эпохи развития законодательства; наконец, научную обработку и литературу памятника» [4].

Во-вторых, рассмотреть «систему и содержание памятников», причем «само содержание их настолько может быть предметом исследования в этой части науки, насколько это необходимо для общего знакомства с памятниками» [4].

В-третьих, «показать общее значение каждого памятника в целой системе современного законодательства, чтобы таким образом яснее определить общее направление законодательства известной эпохи» [4].

По мнению В. Н. Латкина значимость изучения законодательных памятников при исследовании истории права велика, так как внимательное изучение и анализ отдельных памятников права помогает понять весь строй права, его систему, очищает материал и дает возможность для изучения правового материала уже в рамках «внутренней истории права» (истории отдельных норм и институтов) [4].

Таким образом, изучение истории права основывается на многочисленных источниках, среди которых значимое место занимают нормативные правовые акты. Естественно, что всякий исторический источник порожден определенной исторической средой. Его никоим образом нельзя изучать изолированно от социально-экономических отношений, политической борьбы. Поэтому возникает сложная проблема истолкования, интерпретации юридических и делопроизводственных документов, раскрытия содержания понятий, закрепленных в законодательных актах.

Н. А. Воскресенский, вслед за В. Н. Латкиным, в труде о законодательстве Петра I фактически предложил схожий алгоритм изучения законодательства, состоящий из следующих этапов:

- кто является инициатором создания законопроекта;
- кто принимал участие в разработке законопроекта;
- какие государственные и общественные структуры принимали участие в обсуждении законопроекта;
- возникла ли дискуссия и спор по поводу положений законопроекта;
- какие зарубежные нормативные акты могли являться источниками;
- как происходило опубликование закона;
- какова была практика реализации закона с учетом интересов господствующего класса [2, с. VII].

Еще при Петре I встала проблема кодификации российского права. Однако деятельность учрежденных им трех комиссий (1700, 1714, 1720 гг.) была безрезультатной. Не имела успеха и деятельность комиссий 1720 и 1730 гг. В связи с полной архаичностью Уложения 1649 г., Екатерина II созвала в 1767 г. комиссию по составлению нового Уложения, однако уже в 1768 г. она была распущена. Позднее А. С. Пушкин назвал работу комиссии непристойно разыгранным фарсом [5]. Всего в XVIII в. было предпринято 9 попыток кодификации. Ряд ученых совершенно верно видели причину неудач в отсутствии у членов кодификационных комиссий юридического образования. По меткому выражению

Г. Ф. Шершеневича в России законоведы были «в лице дьяков и подьячих, но не было образованных юристов» [6, с. 157]. Также стоит обратить внимание на мнение исследователя истории государственных учреждений дореволюционной России Н. П. Ерошкина, который отмечал, что «с начала XVIII в. правительство не раз создавало комиссии для составления нового Уложения... Отсутствие стабильности важнейших законов государства, вызванное частой сменой политических режимов и группировок, недостаточное разграничение понятий закона и административного распоряжения, противоречия в действующих законах и другие причины делали работу этих комиссий безрезультатной» [3, с. 112]. Для обеспечения повседневной юридической деятельности в России действовало несколько уставов, содержащих нормы смежных отраслей права [5].

В первой четверти XIX в. был ряд неудачных попыток проведения кодификационных работ. И только при Николае I под руководством М. М. Сперанского был подготовлен самый значимый в истории российского права историко-правовой памятник – «Полное собрание законов Российской империи».

Роль Сперанского в изучении источников права велика. В предисловии к Полному собранию законов Российской империи он написал: «известно, что законы изображают... внутреннюю жизнь государства. В них видно, как нравственные и политические его силы слагались, образовались, возрастали и изменялись. Следовательно, история государства, без познания законов, не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны. Посему, чем благовременнее законы приводятся в известность, тем источники истории для современников становятся удобнее, для потомства достовернее».

Современник кодификационных работ ученый-правовед П. И. Дегай определял Полное собрание законов как необходимое условие для познания законов. Об изданном Своде законов он говорил, что без него никто не может быть уверен в своих юридических познаниях. Ряд ученых, отмечая его ценность для развития права, тем не менее, указывали на ряд недостатков. Так, Н. А. Воскресенский считал, что составители и редакторы собрания не всегда использовали подлинные источники; не провели предварительной исследовательской работы по восстановлению истории законодательных текстов; не было даже выбора более авторитетной, точной, официальной редакции. Кодификаторы дали только тексты законов, а не материалы по их разработке; не выделили собственно-ручных поправок и дополнений к законопроектам самого Петра; опустили указания на формальные признаки публично-правового акта (подпись царя, место издания и хранения и т. д.); модернизировали правописание; недостаточно точно в заголовках к законам формулировали их содержание; не ввели классификации законодательного материала с выделением «учредительных» («генеральных») законов и «сепаратных» [2; 5].

Подобная оценка Полного собрания законов могла бы повергнуть в смущение многих историков и юристов, так как кодификация М. М. Сперанского всегда служила одним из важнейших источников познания истории государства и права России со второй половины XVII до начала XX в. Редактор издания

труда Н. А. Воскресенского, Б. И. Сыромятников оспорил мнение автора. По его словам, упреки последнего были бы справедливы, если бы речь шла об ученом археографическом издании. Но ведь Полное собрание законов не ставило никаких научных задач. Оно преследовало чисто практические цели подготовки кодификации русского законодательства в виде систематического Свода законов. Сыромятников видел некоторую опасность критики Воскресенского в том, что она могла обесценить значение Полного собрания законов для научных исследователей, подорвав авторитет ПСЗ как исторического источника. Не ограничиваясь этими общими соображениями, Сыромятников проверил, в какой мере редакция ряда актов (тексты которых были даны Воскресенским), опубликованных в Полном собрании законов, расходится с «беловыми», официальными редакциями, извлеченными Воскресенским из архивов. В результате подобного сравнения Сыромятников констатировал, что никаких искажений или разногласий в тексте не обнаруживается. Отмечаются лишь некоторые словесные замены, которые ни в какой мере не меняют смысла текста и вполне оправдываются кодификаторскими задачами.

В 1832 г. вышел Свод законов Российской империи в 15-ти томах, представлявший собой систематизацию действующих, неотмененных законов. Свод законов служил официальным руководством для судебных и административных органов, тогда как Полное собрание законов приобрело значение историко-юридического сборника.

Таким образом, право для эффективного выполнения своей роли в обществе должно иметь внешнее выражение, и, вслед за известным российским юристом и философом права Н. М. Коркуновым, можно отметить, что источник права является одним из самых сложных правовых явлений. Источник права является основой познания государственно-правовых явлений, носителем информации о социальном и политико-правовом развитии Российского государства на протяжении веков.

Библиографический список

1. Афанасьева А. А. Теоретический контекст историко-юридического исследования источников права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13 (68-2). С. 13–17.
2. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов. Заметки, доклады, дополнения, челобития и иностранные источники. Т. I : Акты о высших государственных установлениях. М. : Ленинград : АН СССР, 1945.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая школа, 1968.
4. Латкин В. Н. Лекции по внешней истории права: Московское государство – Российская империя. СПб. : Типография Я.И. Либермана, 1890.
5. Скрипилев Е. А. Роль источников права в исследовании истории русского права // История права: Англия и Россия. М. : Прогресс, 1990.
6. Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1898. 128 с.

Феднева Н. Л.¹,
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

*«... Клянусь честью, что ни за что на свете
я не хотел бы переменить отечество или иметь
другую историю, кроме истории наших предков,
какой нам Бог ее дал»*

Из письма А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву,
19 октября 1836 г.

На протяжении почти трех веков развития *российского* образования как социального института необходимость изучения истории при овладении знаниями во всех областях не подвергалась сомнению. Особое внимание уделялось истории при преподавании наук о праве. «Не может никаков юрист мудрым назван быть, если не знает прежних толкований и прений о законах естественном и гражданском», – писал В. Н. Татищев [5, с. 190]. При этом знание истории еще М. В. Ломоносовым рассматривалось как базис, а ее изучение как средство патриотического воспитания.

Российское государство поддерживало установку на патриотическое воспитание в контексте изучения истории на всем протяжении своего существования; краткие периоды, в течение которых эта установка отвергалась властью и некоторой частью общества, стали весьма показательным исключением, в конечном итоге подтверждавшем правило. Так, в ранний период *советской* государственности на фоне активной пропаганды интернационализма преподавание истории в школах и вузах было отменено, но в 1932 г. восстановлено на основе единых, принятых на государственном уровне программ. Попытки объявить понятие патриотизма несуществующим и снять с повестки дня патриотическое воспитание, сопровождавшие отход от советского строя в 1990-е гг., были решительно отвергнуты политическим руководством в лице президента В. В. Путина, утвердившего программу патриотического воспитания на 2001–2005 гг. с последующим развитием и дополнением ее основных положений [4; 1–2].

Содержание понятия патриотизма всегда находило выражение в концептуальном подборе преподаваемого при изучении истории *фактического материала*, форм и методов его преподнесения. С течением времени менялись и фактуальные концепции, и то, что вкладывалось в понятие патриотизма. При этом в отечественном сознании сталкивались два подхода, рождавшие на первый взгляд взаимоисключающие разновидности – патриотизм официальный, отрицающий критику власти, и неофициальный, критический.

---

¹ © Феднева Н. Л., 2023.

Их противостояние в русской общественной мысли было подмечено П. Я. Чаадаевым («Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами») [7, с. 14].

Каждый из подходов подпитывался соответствующими *институциональными и контринституциональными концепциями истории*, опиравшимися на системы фактов, подбор которых осуществлялся представителями разных – провластных или оппозиционных научных школ и зависел от их политических, нравственных, культурных установок.

Признанные и одобряемые властями, институциональные концепции подлежали распространению через учебные программы, предусматривавшие преподавание официальной истории. Носителями официального патриотизма, представлявшими государственные институты, выступали авторы учебников, которые адаптировали определенную научную версию для преподавания, избегая при этом критического анализа негативных фактов, даже если таковые присутствовали в научной концепции. Патриотичным считалось такое изложение истории, в котором дозировано, в минимальной степени, упоминалось об ошибках государственных деятелей, о неудачах и провалах внешней политики, военных поражениях. При царизме официальный патриотизм сливался с монархизмом (триада С. С. Уварова «самодержавие, православие, народность») и обращался к «славе, купленной кровью», «гордой старины заветным преданьям»; во времена СССР он приобретал классовый характер и прославлял боевые и трудовые победы рабочих и крестьян под руководством их вождей. Официальный патриотизм поддерживался не только образовательными институтами, но и государственным институтом цензуры, существовавшим как в Российской империи, так и в Советском государстве и выполнявшим функции недопущения распространения неблагонадежных/буржуазных идей в обществе. Институциональный патриотизм защищался правоохранительной системой, предусматривавшей различные виды санкций за отклонения от него, что способствовало его упрочению в общественном сознании.

Контринституциональный, неформальный патриотизм отличался от казенного по отбору исторических реалий. Его носители делали упор на игнорируемые официальными историками факты, и преимущественно на них основывали свое видение исторического развития. Как правило, они не получали признания со стороны властей, широкого распространения и общественного признания в своем отечестве. Более того, обращение к тем или иным нежелательным событиям становилось причиной их преследования в своем государстве и, наоборот, поводом к активной поддержке за рубежом.

Можно привести яркие тому примеры из истории нашей государственности. Известно, например, что настойчивые попытки А. Курбского представить свою историю Ливонской войны, отличную от истории, предложенной Иваном IV (Грозным) навсегда закрыли ему путь к возвращению в Россию, но позволили получить вотчины и привилегии в Литве.

История движения декабристов, написанная М. С. Луниным в сибирской камере и присланная для распространения своей сестре, повлекла перевод автора в Акатуйский острог на верную смерть, но была издана Вольной типографией

А. И. Герцена в Лондоне и заложила основы либерального мифа о политическом сыске в Российской империи.

Работы М. М. Ковалевского по истории государственных институтов российского самодержавия, изложенной в либеральном духе, были изданы за границей из-за невозможности сделать это в России. «Архипелаг ГУЛАГ» стал главной причиной высылки из СССР А. И. Солженицына, но получил широкую известность за рубежом.

Во всех произведениях, написанных в эмиграции и посвященных проблемам древней и новой отечественной истории, вводящих в научный оборот новые факты – от фундаментальных трудов основателей евразийства Н. С. Трубецкого и В. В. Вернадского, до статей И. А. Ильина и книги И. Л. Солоневича «Народная монархия» – присутствует разные варианты неофициального патриотизма.

За границей отношение к контринституциональным историческим сочинениям было неоднозначным. Некоторые из непризнанных концепций в вульгаризованном виде тиражировались и становились основой системной пропаганды, направленной против нашей страны и нашего народа, другие замалчивались и забывались. В каждом конкретном случае процессы распространения контринституциональных концепций имеют свои особенности, однако для многих достоверно установлено участие в них спецслужб.

Вместе с тем, неофициальный патриотизм интеллигенции включал не только критику власти, но в качестве конструктивного элемента и любовь к малой родине, противопоставленной столицам и властным структурам.

Поразительно точно выразил это чувство М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью, не победит ее рассудок мой...». А. С. Грибоедов устами ниспровергателя устоев Чацкого признавал, что «дым отечества нам сладок и приятен».

И такой проповедник ненасилия как Л. Н. Толстой, отрицавший в своей публицистике само понятие патриотизма, видевший в нем основную причину войн [6], в своей эпопее «Война и мир» идею любви к малой родине, самопожертвования во имя ее как идею народного духа выразил художественно и ярко. А ведь любовь к «своей» малой родине коренится в архетипе народного сознания. Тем самым, неформальный патриотизм как бы соприкасался с бытовавшим в народе простым и обыденным чувством любви к малой родине и подпитывался им.

Отношение властей к неофициальному патриотизму колебалось в разное время с широкой амплитудой – от стремления сближения с ним во времена национальных бедствий – к неодобрению, переубеждению и провокации общественного порицания его носителей – вплоть до их физического уничтожения во времена для власти и общества критические...

Радикальный и не во всем обоснованный отход от официальной советской концепции истории, произошедший в 90-е гг. прошлого века, неизбежно привел к изменениям стереотипа представлений об официальном патриотизме. Активно навязываемая извне постсоветскому обществу позиция полного отказа от патриотизма не получила повсеместного распространения. Общество обратилось к идеям патриотизма неофициального, представленного диссидентами

и зарубежной эмиграцией; удовлетворить этот интерес были призваны многочисленные публикации не издававшихся в советское время работ. Проанализировать их достоверность и подкрепленность историческими источниками пытались профессиональные российские историки. Были осуществлены публикации архивных документов, предпринятые, в основном, учеными, представляющими силовые структуры, в том числе, Министерство обороны, Федеральную службу безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел. Ряд контринституциональных концепций однозначно не выдержали проверку на достоверность.

Вместе с тем, изучение введенных в научный оборот новых источников было ограничено сферой институциональной ведомственной исторической науки и не влияло в полной мере на формирование общественного сознания. Убедительные исторические факты из вновь введенных в научный оборот, как например, биографии выдающихся советских руководителей разведки и разведчиков, сведения о предательстве национальных интересов правящей элиты стран-лимитрофов, вошедших в состав СССР накануне Великой Отечественной войны, о внешнеполитических событиях довоенного и послевоенного времени, материалы о борьбе с националистическим подпольем на Украине и в Прибалтике, наконец, о решении вопросов об административной принадлежности Донбасса и Крыма в составе СССР, отраженные в сравнительно недавно опубликованных документах, еще не вписаны достойным образом в парадигму преподавания объективной истории нашего Отечества. Они остаются достоянием достаточно узких кругов специалистов и отдельных коллективов обучающихся в вузах силовых структур.

Как отмечается в утвержденной 2 февраля 2023 г. Минобрнауки России концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, «сохраняется и даже углубляется разноречивость в подходах к отбору содержания, в трактовках и концепциях в отношении как истории России в целом, так и многих актуальных проблем прошлого». Поэтому вызывает глубокое удовлетворение принятие вышеуказанной концепции, определяющей стандарт исторического образования, который «должен стать важным фактором в достижении общности целей преподавания истории в рамках высшего образования, прежде всего для воплощения идей гражданственности, патриотизма и общероссийского единства» [3].

Решающим стимулом разработки этой концепции явилась специальная военная операция на Украине, ставшая ответом на вызовы прокси-войны, ведомой США и НАТО, в том числе, и в информационном пространстве. Утверждение концепции положило конец отсутствию важнейшего компонента отечественной истории – институционального и его производного – институционального официального патриотизма.

Как отмечается во вводной части концепции, важнейшими принципами построения курса являются научность и компаративистский подход, позволяющие раскрыть особенности российского исторического развития на общемировом фоне, оценить вклад России в развитие мировой цивилизации, ее роль в разре-

шении крупных международных конфликтов, влияние в мировой политике в целом, проблемы необходимости реагирования на общеисторические вызовы.

Направленность курса на формирование российского патриотизма обеспечивается приоритетным вниманием к героическим страницам борьбы России за свободу и независимость против иноземных захватчиков, за обеспечение общенациональных интересов и безопасности.

Библиографический список

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781482>.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941206>.
3. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf>.
4. Путин В. В. Послание Федеральному собранию 26 апреля 2007 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203>.
5. Татищев В. Н. История Российская // Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. I. Ч. I. М. : Ленинград : Наука, 1962.
6. Толстой Л. Патриотизм и правительство // Толстой Л. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 90 : Произведения, дневники, письма 1835–1910. М. : РГБ, 2006.
7. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Lib.ru – Классика: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0020.shtml.

*Хабарин О. М.¹,
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВЕДОМСТВЕННЫХ И ДУХОВНЫХ ФИСКАЛОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII В.

Созданный в марте 1711 г. институт гражданских фискалов являлся, как известно, чрезвычайным органом системы государственного контроля. Почти одновременно с утверждением гражданского фискалитета в российской армии и на флоте создавался институт ведомственных фискалов, а немного позднее фискальская служба была организована и при духовном управлении. Важно отметить, что в теоретико-методологическом аспекте проблема особенностей сосуществования гражданских, духовных и ведомственных фискалов изучена довольно слабо, что позволило автору с помощью данной статьи отчасти заполнить этот научный пробел.

Характер утверждения ведомственных фискалов также был экстренным. Первый фискал появился в России 4 июля 1710 г., когда Петр I издал указ о назначении на данную должность стольника И. С. Потемкина. Перед ним была поставлена задача следить, чтобы «всяких чинов люди, которые обретаются в Санкт-Питербурхе, во время ветра ездили Невою рекою на судах парусами» [15, с. 26–27]. Также необходимо отметить, что примерно в это же время, в июне 1710 г. Петр направил указ вице-адмиралу К. И. Крейсу с извещением его об осаде г. Выборга и распоряжением немедленно определить фискала в завоеванные слободы [2, с. 328].

Должность И. С. Потемкина, назначенного смотрителем за судоходством на Неве, и требование государя назначить фискала в завоеванную провинцию свидетельствуют о том, что еще до появления Сената и института гражданских фискалов в России возникли морские и военные фискалы. Последние, судя по всему, должны были смотреть за порядком на завоеванных армией территориях, а стольника Потемкина можно считать предшественником учрежденных позднее фискалов на флоте.

Поскольку приоритетное значение для Петра всегда имели армия и флот, первые попытки организовать контролирующие учреждения относятся именно к этим приоритетным сферам государственной деятельности. Фискалы постепенно вводились при всех ведомствах, и установлениях, по мере их окончательного устройства: по Уставу воинскому 30 марта 1716 г. – при войсках [10], по Морскому уставу 13 января 1720 г. – при флоте [11], по Духовному регламенту 1721 г. – при духовном правлении [12].

---

¹ © Хабарин О. М., 2023.

Обязанности ведомственных фискалов были теми же, что и у светских собратьев [17, с. 109], однако военные, морские, а также учрежденные позднее духовные фискалы являлись самостоятельными ведомствами, имели собственное начальство, сферу деятельности и практически не пересекались с гражданскими.

Ведомственные фискалаты имели довольно разветвленную систему фискалов. Согласно Указу 31 июля 1711 г., при войсках учреждались обер- и рядовые фискалы, находящиеся в ведении комиссариатства и генерал-кригс-комиссара. По воинскому уставу предусматривалась следующая система фискалов: в армии – генерал-фискал (в чине подполковника), в дивизии – обер-фискал, в полку – фискал.

Морской устав предписывал иметь по одному фискалу в каждой эскадре и обер-фискала флота. На флоте фискалы были обязаны следить за офицерами всех чинов и при неисполнении ими своих обязанностей или ненадлежащем исполнении обязанностей доносить обер-фискалу. Последний доносил командующему флотом. В случае изобличения преступлений среди членов команды фискалы награждались половиной имущества виновных [16].

В духовном ведомстве фискалы были введены при Приказе протоинквизиторских дел, осуществлявшем надзор за деятельностью духовенства, для борьбы со злоупотреблениями в церковной среде. Главными функциями провинциал-инквизиторов являлись выявление случаев нарушений императорских указов и распоряжений других органов власти, а также совершения преступлений, связанных с нанесением ущерба казне, интересам государства и церкви, в частности, злоупотребление епархиальными властями своим положением [8, с. 17].

Статус и деятельность духовных фискалов определялась особой инструкцией [12] Священного Синода, включенной в Духовный регламент в 1721 г. Во главе организации фискалов стоял протоинквизитор (или главный фискал по делам духовного ведомства всей России), в каждой епархии – по одному духовному провинциал-фискалу, по монастырям – инквизиторы.

В ходе своей деятельности провинциал-инквизитор следил за лояльностью духовных лиц по отношению к личности государя и проводимым им реформам, для чего был вправе вмешиваться в производимый архиереем суд и следствие, выступать в процессе в роли «обличителя», сам мог возбудить дело о неуважении православной веры, церкви, монарха, Правительствующего Синода в отношении священно- и церковнослужителей и руководить его расследованием [5, с. 100]. С 1716 г. в связи с введением двойного подушного налога для староверов в обязанности провинциал-инквизиторов также входил учет численности еретиков-раскольников и надзор за тем, как с них взимаются налоги [9].

Для обеспечения реализации полномочий провинциал-инквизиторов каждый из них располагал собственными канцелярией, состоящей из подьячих, охраной и тюрьмой [4, с. 71]. Также им подчинялись нижестоящие инквизиторы, назначавшиеся при провинциальных монастырях из числа духовных лиц. Инквизиторы всех уровней обладали иммунитетом, их не могли судить гражданские судьи [8, с. 17]. В 1721 г. для осуществления руководства деятельностью духовных фискалов и организации работы приказа в целом была учреждена должность Протоинквизитора [12]. Протоинквизитор назначался Сино-

дом и был ему подотчетен. Первоначально, однако, инструкция Синода предусматривала наличие двух протоинквизиторов: Петербургского, который должен был ведать епархиями Новгородской, Псковской, Устюжской, Вологодской, Холмогорской, Вятской и Сибирской, и Московского, ведавшего патриаршей областью и остальными епархиями. В 1722 г. должность Петербургского протоинквизитора была упразднена [6], и епархии его поступили в ведение протоинквизитора Московского, должность которого занимал архимандрит московского Данилова монастыря Пафнутий [5, с. 101].

Провинциал-инквизиторы также назначались Синодом: протоинквизитор избирал кандидатов на должности провинциал-инквизиторов и представлял их на утверждение высшего органа церковно-государственного управления. В свою очередь провинциал-инквизиторы так же не назначали нижестоящих инквизиторов, а подбирали кандидатов на их должности и представляли для утверждения архиереям [6].

В рамках надзорной деятельности протоинквизиторский институт отличался строгой градацией подчиненности должностных лиц: инквизиторы при монастырях доносили о замеченных ими нарушениях провинциал-инквизиторам, а те, в свою очередь, протоинквизитору, в приказе которого сосредоточивались доношения со всей России. В дальнейшем доношения препровождались для их рассмотрения и окончательного решения в существовавшую вначале при Синоде Контору инквизиторских дел, а после ее упразднения – в Отделение по инквизиторским делам при Московской синодальной канцелярии или в Московскую духовную дикастерию [6].

Говоря об эффективности деятельности ведомственных и духовных фискалов, необходимо отметить, что расследования по изданным донесениям вскрыли картину широчайшего распространения должностных преступлений. Коррупция, кумовство, прямые хищения, подлоги, взятки, вымогательство – таким оказался далеко не полный перечень пороков, типичных для административных деятелей всех рангов. Никакие возможности получения личных выгод не упускались [3, с. 62–63]. К примеру, военные фискалы установили, что чины Артиллерийского приказа расхищали медь, а в городе Коротояке крали заготовленный для армии провиант. Корсаков и другие представители высшей администрации допускали злоупотребления при заключении подрядов. Так, в Мундирной канцелярии из 8 тыс. пар сапог, поставленных подрядчиками, годных оказалось только 150 пар. Однако М. Головин, погрозив подрядчикам кнутом, отпустил их, а сам по сговору с офицерами-приемщиками, отправил негодные сапоги в армию [13]. Аналогичные доношения подавались: на князя Солнцева-Засекина, который, проводя мобилизацию подъячих в армию, за взятки освобождал годных к военной службе и набрал больных и увечных; на подъячих Военного приказа, выдававших солдатам подложные свидетельства [13].

Многие разоблачения были проведены и духовными фискалами, особенно активными в Воронежской и Белгородской епархиях [7, с. 91]. Так, из Приказа инквизиторских дел поступило доношение в Синод на воронежского митрополита Пахомия (Ишпановского), который обвинялся в утайке в свою пользу денег от венечных памятней и что он «епархии своей архимандритов, и игуменов,

попов, и дьяконов, и церковных причетников ставит на мзде». Белгородские инквизиторы, иеромонах Иов (Панов) и его преемник иеродиакон Игнатий (Курапов) вступили в конфликт с местным епископом Епифанием (Канивецким). Первому архиерей инкриминировал взятки и разные непорядочные поступки, второй не расследовал донос на двух лиц в измене. Обвинение в адрес И. Панова Синод хотя и признал недоказанным, но, тем не менее, уволил его с должности провинциал-инквизитора. Курапов же после долгого следствия был осужден [1, с. 376].

В РГАДА имеется небольшой фонд Тамбовского приказа инквизиторских дел, включающий всего 3 единицы хранения. Этот орган действовал примерно в 1724–1727 гг. и охватывал юрисдикцией территорию бывшей Тамбовской епархии. Приказ осуществлял надзор за духовенством и учреждениями, ведавшими раскольниками (их розыском, сбором с них двойного оклада и т. п.). 9 сентября 1724 г. в Тамбовский приказ инквизиторских дел была послана промемория из переписной канцелярии Азовской губернии о поимке в лесу монаха Трегуляевского монастыря, вовлекшего в раскол однодворцев села Избердей [14]. В декабре того же года инквизитор Раненбурга К. Стефанов доносил тамбовскому провинциал-инквизитору Александру Пименову о том, что без указа ни раненбургский протопоп, ни архимандрит Троицкого монастыря не дают ему подъячего и денег на канцелярские принадлежности [14].

Несмотря на высокую эффективность деятельности инквизиторов, вскоре после упразднения в 1724 г. Приказа протоинквизиторских дел должности духовных фискалов также были ликвидированы. Перманентное правовое реформирование и успешное функционирование института ведомственных фискалов продолжалось вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Библиографический список

1. Барсов Т. В. О светских фискалах и духовных инквизиторах // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1878. № 2. С. 307–400.
2. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов. Заметки, доклады, дополнения, челобития и иностранные источники. Т. I : Акты о высших государственных установлениях. М. : Ленинград : АН СССР, 1945. 602 с.
3. Голикова Н. Б., Кислягина Л. Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М. : МГУ, 1987. С. 44–108.
4. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М. : Наука, 1964.
5. Зимаков И. П. К вопросу о существовании в дореволюционной России инквизиционных учреждений // Вопросы студенческой науки. 2020. № 7 (47). С. 99–103.
6. Инквизиторы // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина : в 12 т. Т. 5 : Донская епархия – Ифика. Пг : Т-во А. П. Лопухина, 1904. // Азбука веры : Православный портал. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-5>.

7. Комолов Н. А. Органы следствия и надзора в российской провинции XVIII в. Воронеж : ВГУ, 2007.
8. Материалы для подготовки к лекционным и семинарским занятиям по дисциплине «История уголовного судопроизводства в России» / сост. Ю. В. Быстрова. Орел : Орловский государственный университет, 2008.
9. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Счисление раскольников // Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полное собрание сочинений. Изд. 2-е, Т. 7, СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1909.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. IV. № 2412.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3485.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3870.
13. РГАДА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 2. Л. 239; и др.
14. РГАДА. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
15. Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск. : Издательство Новосибирского университета, 1996.
16. Чухраев Э. М. Неизвестное об известном. Первые морские служители России // За тех, кто в море! – Литературные произведения военных моряков и членов их семей. Общественное межрегиональное движение военных моряков и членов их семей «Союз ветеранов боевых служб ВМФ». URL: <https://voenflot.ru/istoriya-rossii/chuhraev-e-neizvestnoe-ob-izvestnom-pervye>.
17. Шестаков С. Е. Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI–XIX вв. : сборник научных трудов / отв. ред. И. А. Булыгин. М. : Институт российской истории, 1992.

*Ходикова Н. А.¹,
доцент кафедры философии
Академии Государственной противопожарной
службы МЧС России,
кандидат философских наук, доцент*

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛОГИКИ

Современный мир без преувеличения является миром информации. Как в своей профессиональной деятельности, так и в обычной жизни мы постоянно получаем и обрабатываем массу сведений, из которых большая часть является лишней, бесполезной, а то и вовсе не соответствующей реальности. В связи с этим одной из важнейших компетенций современного человека является информационная грамотность. Информационная грамотность – это свойство субъекта, позволяющее ему эффективно осуществлять информационную деятельность, то есть осознанно анализировать свои информационные потребности, выбирать информацию, оценивать ее релевантность и достоверность, адекватно интерпретировать данные, делать из них выводы и корректировать при необходимости свои первоначальные установки [2, с. 11].

Что касается профессиональной деятельности, есть такие области, где информационная деятельность является основной (например, юридическая сфера, наука, образование, медицина, сфера управления и многие другие). В других областях профессиональная работа с информацией присутствует в меньшей степени или даже практически отсутствует (если речь идет о деятельности, связанной исключительно с физическим трудом).

Но помимо профессиональной деятельности каждый человек живет в обществе, связан с другими людьми огромным количеством разнообразных связей, строит свою картину мира, опираясь на информацию, поступающую из всевозможных источников. И адекватность этой картины мира во многом зависит от уровня описанной выше информационной грамотности.

Можно предположить, что во многом уровень информационной грамотности субъекта определяется его природными задатками, как, например, математические способности определяют уровень математической подготовки или склонность к усвоению языков определяет уровень владения языками. Однако даже незначительные задатки можно развить, а значительный потенциал может оказаться нереализованным. Можно сказать, что информационная грамотность является частью когнитивной подсистемы культуры личности, которая развивается в ходе воспитания и обучения. Вероятно, информационная грамотность в какой-то мере формируется в процессе любого обучения – независимо от того, чему именно учится человек. Обучение – процесс информационный, и определенные навыки работы с информацией формируются в любом случае. Однако, на наш взгляд, целенаправленное формирование информационных навыков бо-

---

¹ © Ходикова Н. А., 2023.

лее эффективно, чем их стихийное возникновение в процессе решения других задач.

Одной из учебных дисциплин, которые могут и должны не опосредованно, а непосредственно, целенаправленно способствовать развитию информационной грамотности обучающихся, является логика. Конечно, очень многое, как и всегда, зависит от целей и задач, которые ставит перед собой преподаватель [1–2]. Ведь в рамках одного и того же учебного и тематического плана можно по-разному организовывать материал, обращать внимание на те или иные аспекты практического применения изучаемой теории. По нашему глубокому убеждению, курс логики в вузах (в школе логику, к сожалению, не изучают) должен иметь выраженную практическую направленность, формируя у обучающихся навыки правильного мышления, уверенного безошибочного выполнения хотя бы элементарных логических операций. К сожалению, для решения более амбициозных задач часто просто не хватает времени. В контексте решения задачи формирования и развития информационной грамотности необходимо четко понимать, какие этапы включает в себя информационная деятельность, и как при изучении различных тем курса логики можно обращаться к тому или иному этапу.

Выделим следующие этапы информационной деятельности [3]:

1. Этап получения информации. На этом этапе необходимо:

- выяснить, какая информация необходима;
- определить источники, в которых будет осуществляться поиск информации;
- осуществить поиск информации.

2. Этап оценки информации. На этом этапе субъект:

- извлекает информацию из источников;
- отбирает ее, опираясь на определенные критерии;
- анализирует, синтезирует;
- обобщает и интерпретирует.

3. Этап использования информации. На этом этапе субъект:

- осваивает информацию (возможно, конструирует на ее основе некоторое собственное знание);
- выделяет основные смысловые единицы и устанавливает связи между ними;
- анализирует информацию, полученную из разных источников, выявляет инвариантные идеи;
- определяет позиции, требующие координации, и существенные антиномии, которые должны разрешаться выбором и обоснованием того или иного варианта;
- передает и использует информацию в соответствии с требованиями законодательства и этическими нормами [4, с. 16].

Далее на нескольких примерах рассмотрим, как при изучении курса логики можно развивать те или иные аспекты информационной грамотности обучающихся.

Этап получения информации начинается с формулировки информационной проблемы, по сути – постановки вопроса. Поэтому знакомство обучающихся с основами теории и практики вопросно-ответных процедур (логическая структура и виды вопросов, условия корректности вопросов, структура и виды ответов) представляется необходимым. Также на этом этапе необходимо четко и однозначно определиться со значением всех терминов, входящих в запрос, иначе дальнейшая деятельность может стать бессмысленной. Поэтому необходимо иметь представление об основных характеристиках понятия как формы мышления, его объеме и содержании, о правилах определения понятий.

Информационная деятельность субъекта на этапах оценки и использования информации непосредственно связана с такими темами курса логики, как обобщение и ограничение понятий, виды понятий, виды и критерии истинности суждений. Например, в некоторых случаях оценка истинности суждения зависит от того в каком смысле используется понятие – в собирательном или разделительном. Суждение «Граждане России летом 2020 г. проголосовали за внесение изменений в Конституцию» ложно при понимании понятия «гражданин России» в разделительном смысле (не каждый гражданин России голосовал за это решение), но истинно, если понимать это понятие в собирательном смысле – как совокупность всех граждан России в целом.

Теория умозаключений является логическим ядром информационной деятельности на втором и третьем этапах. Без выявления структуры умозаключения, приводящего к тем или иным выводам, понимания условий его формальной правильности, эффективные оценка и использование информации невозможны. Как показывает практика, попытка опоры исключительно на логическую интуицию без использования теории и практики науки логики зачастую приводит к некорректным результатам.

Как известно, максимально надежными в нашем мышлении являются дедуктивные умозаключения, гарантированно приводящие от истинных посылок к истинному заключению. Однако в реальной информационной деятельности мы не так часто имеем дело с достоверно истинными суждениями, которые могут стать посылками дедуктивных умозаключений. Например, умозаключение «Все государственные средства массовой информации заслуживают доверия. Канал N. является государственным, значит, он заслуживает доверия» является формально правильным. Однако первая посылка в нем не может считаться аксиомой и требует дополнительного серьезного обоснования, которое в любом случае не даст абсолютной истины. Из вышесказанного следуют два вывода. Во-первых, важным аспектом информационной грамотности является особое внимание и критичность к оценке истинности суждений, используемых на этапах оценки и использования информации. Истинность простых суждений, вообще говоря, находится вне компетенции логики и зависит от их соответствия реальности, однако некоторые формальные процедуры могут систематизировать даже этот содержательный аспект работы с информацией [4].

Во-вторых, в реальной информационной деятельности не меньшее значение, чем дедуктивные, имеют недедуктивные умозаключения, исходными посылками которых обычно являются единичные суждения о фактах, истинность кото-

рых оценивается гораздо проще (хотя и факты, точнее, их интерпретация, требуют внимания и аккуратности). В случае использования недедуктивных умозаключений (индукции, аналогии) необходимо помнить об их ненадежности – в том смысле, что даже истинные посылки в таких рассуждениях не обязательно приводят к истинным заключениям (исключением здесь является полная индукция). Для эффективной и корректной оценки и использования информации важно понимать границы применимости различных видов недедуктивных умозаключений, способы повышения вероятности их выводов – все эти моменты рассматриваются при изучении темы «Недедуктивные умозаключения».

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты связи курса логики и формирования у обучающихся информационной грамотности. Представляется, что ориентация в преподавании логики на практическое применение получаемых навыков в информационной деятельности является целесообразной и поможет в деле формирования всесторонне развитой личности, критически мыслящей, способной самостоятельно разбираться в таком непростом современном мире.

Библиографический список

1. Дьяченко Н. В. Значение истории педагогики для современного преподавателя // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 17–21.
2. Киричек А. В. Пути формирования и развития мотивации к научному творчеству у обучающихся Академии ГПС МЧС России // Наука как призвание: теория и практика : материалы Междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием. М. : Академия ГПС МЧС России, 2020. С. 67–74.
3. Ходикова Н. А. Критическое мышление и информационная грамотность // Культура и безопасность. 2021. № 3. С. 11–15.
4. Ходикова Н. А. Проблема индукции в контексте антитезы «психологизм – антипсихологизм» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 1 (209). С. 21–25.
5. Ходикова Н. А. Формирование аналитических компетенций в процессе преподавания дисциплины «Логика» // Траектории формирования аналитических компетенций по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление : сборник трудов секции № 16 XXXII Международной научно-практической конференции. Химки : Академия гражданской защиты МЧС России, 2022. С. 13–19.

Чашников В. А.¹,
*доцент кафедры истории государства
и права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В последнее время исследователи все чаще обращаются к истории органов внутренних дел периода Великой Отечественной войны. Деятельность органов внутренних дел в военное время, до сих пор оценивается неоднозначно, как обществом, так и в историко-юридической литературе.

История советских органов внутренних дел уникальна тем, что новая правоохранительная система первоначально строилась на принципах радикального неприятия исторического наследия Российской империи, поэтому становление советской милиции происходило методом проб и ошибок, что было закономерной платой за отказ от накопленного опыта предшественников. Тем не менее, новшества и попытка (не всегда удачные) модернизации в первые десятилетия существования Советской власти дали мощный импульс к развитию советской милиции, получившей массовую поддержку от населения, которой так не хватало российской полиции в досоветский период, да и российской милиции после распада СССР. Пройдя суровые испытания в период Великой Отечественной войны, советские органы внутренних дел приобрели новый опыт, но при этом понесли серьезные потери.

С 1945 г. и до середины 1950-х гг. значимых публикаций по истории милиции военного периода не было. Советские историки и юристы практически не касались этой темы ввиду ее закрытости. Необходимо отметить, что в архивах до сих пор сохраняются засекреченные документы, касающихся различных вопросов их работы, в том числе нормативного правового регулирования, структуры, показателей и основных результатов деятельности.

В советской исторической и юридической литературе второй половины 1950–1980-х гг. исследовались отдельные вопросы истории органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны [2; 5–7; 11]. Данные работы характеризуются комплексным подходом, введением в научный оборот нового архивного материала, что позволило достаточно полно раскрыть различные аспекты рассматриваемых проблем.

Методологическая составляющая исследований органов внутренних дел в советский период, в основном, была основана на марксистско-ленинской исторической концепции. Работы историков были направлены на популяризацию деятельности советской милиции.

---

¹ © Чашников В. А., 2023.

С начала 1990-х гг. начинается современный этап изучения истории органов милиции, для которого характерны многообразие методов исторического анализа, появление новых исследовательских школ и концепций, использование новейших методологических подходов и расширение круга исследуемых проблем. Из исследований, опубликованных в 1990-х гг., следует отметить коллективный труд «Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк» [14]. Существенный вклад в комплексное изучение деятельности милиции (в частности уголовного розыска) в годы войны внесли работы Р. С. Мулукаева, А. С. Смыкалина и др. [13; 18].

Появление в последнее время появляется все большее количество работ, посвященных деятельности органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны, связано с тем, что был открыт доступ к ранее засекреченным архивным материалам.

Так, определенного внимания заслуживают диссертационные исследования Р. Б. Германа, А. Е. Григуля, Е. Г. Ермакова и др., посвященные деятельности милиции в период с 1941 по 1945 гг. [4; 8; 10].

Некоторые аспекты деятельности милиции в разных регионах в исследуемый период отражены в работах А. В. Случкина, Н. В. Смирновой, В. В. Тимофеева, С. П. Шатилова, О. А. Шатиловой [16–17; 19; 21–22].

Научная работа по исследованию истории милиции на Урале проводится с 1960-х гг. [12]. В. Г. Андреева и А. И. Трофимов на основе архивных материалов уголовных дел и воспоминаний ветеранов милиции подготовили художественно-публицистические работы [1; 20]. На рубеже 1980–1990-х гг. значительно расширились тематика и география проблемы, в научный оборот было введено значительное количество ранее не использовавшихся источников и архивных материалов.

Большой интерес представляют диссертационные исследования А. И. Вольхина «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [3] и А. Г. Рябченко «Органы внутренних дел Краснодарского края в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект» [15], а также монография В. А. Гусака «Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», в которой подробно рассматриваются организационные и правовые основы деятельности органов внутренних дел Южного Урала на примере Челябинской области [9].

Сегодня в Российской Федерации, идет активное совершенствование всей системы органов внутренних дел. Однако нерешенные проблемы остаются. Поэтому необходимо обращать внимание на совокупный опыт прошлого, который показывает важность правильного и своевременного решения наиболее кардинальных проблем функционирования полиции, например, проблемы подбора и подготовки кадров. Не будет преувеличением сказать, что она так и остается до конца не решенной. На всем протяжении истории государство не в полной мере обеспечивало полицию необходимым финансированием, должной материальной и технической базой.

Следует подчеркнуть, что вопрос об использовании опыта прошлого далеко не простой. До сих пор, к сожалению, бытует неправильный, во многом примитивный подход к нему. Процесс постижения исторического опыта гораздо сложнее. История – развивающаяся действительность. Прошрое и настоящее – единое целое. Познание прошлого – ключ к постижению настоящего.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Становление советской милиции на Среднем Урале. Свердловск : Управление внутренних дел Свердловского облисполкома, 1977.
2. Биленко С. В. На бессменном посту (Из истории советской милиции). М. : Знание, 1969.
3. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2001.
4. Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной Войны и послевоенный период: 1941–1960 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999.
5. Голиков Д. Л. Первые Советские следственные органы // Вопросы борьбы с преступностью. 1968. № 7. С. 140–152.
6. Голубинский В. И. Из истории партийного руководства органами внутренних дел Советского государства (1926–1937 гг.). М. : Академия МВД СССР, 1986.
7. Голубинский В. И. На службе народу, на страже порядка. Краткий очерк истории советской милиции. М. : Знание, 1971.
8. Григуть А. Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
9. Гусак В. А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : монография. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2007.
10. Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
11. Коваль И. Я. Из истории советской милиции // Труды ВНИИ МВД СССР. 1968. № 13. С. 67–69.
12. Кузнецова К. П. Люди в синих шинелях. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1964.
13. Мулукаев Р. С. Развитие форм участия трудящихся в охране общественного порядка. М. : Академия МВД СССР, 1976.
14. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М. : Объед. ред. МВД России, 1996.

15. Рябченко А. Г. Органы внутренних дел Краснодарского края в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
16. Случкин А. В. Пензенская милиция в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. истор. наук. Пенза, 2006.
17. Смирнова Н. В. Деятельность органов НКВД-МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области (1941–1949 гг.) (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.
18. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург : УрГЮА, 1997.
19. Тимофеев В. В. Органы милиции Чувашии в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
20. Трофимов А. И. Свердловская милиция. Свердловск : Организац.-метод. отд. Упр. охраны обществ. порядка Свердл. облисполкома, 1967.
21. Шатилов С. П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
22. Шатилова О. А. Милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2004.

Шашурина Г. В.¹,
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Высокий уровень научно-технического прогресса характерен для современного общества. Этот факт абсолютно нагляден, поскольку все блага современной цивилизации имеют именно научно-технический фундамент, об этом свидетельствует достигнутый на сегодняшний день уровень развития общественного научного прогресса. Это, безусловно, предполагает зависимость дальнейшего общественного развития в первую очередь от уровня научных достижений. А обеспечение постоянно высоких показателей этого уровня напрямую связано с проблемой подготовки высококвалифицированных научных кадров [1, с. 7]. В свою очередь, необходимо отметить, что важнейшим аспектом организации образовательного процесса высшей школы является аспект методологический.

Определяя главные понятия этого направления, мы начинаем с понятия метода, под которым обычно мыслится способ деятельности, система особых правил и приемов, необходимых для руководства в каком-либо виде деятельности, в данном случае – научного исследования [2, с. 28–34]. Главной функцией научных методов является получение объективных знаний. Именно методология образовательной культуры вооружает объект исследования теми инструментами, которые необходимы для работы. В особенности это относится к сфере социально-гуманитарного познания, поскольку именно она формирует основу всей образовательной культуры.

Использование научных методов делает исследовательскую деятельность эффективной и результативной. Методология научного исследования при этом отмечает такие существенные характеристики научного метода, как его воспроизводимость, что существенно важно для получения объективных данных в результате, а также возможность построения самого алгоритма исследования. Последнее, в частности, определяет порядок прохождения самой исследовательской процедуры. Специфика применения методов в социально-гуманитарной научной области отличается широтой своих рассуждений, многовариантностью и отсутствием жесткой привязки к конкретному типу задач.

Огромное множество направлений современной науки, систематизированных по определенным основаниям, определяет сферу применения научных методов [3, с. 86–88]. Можно отметить определенную зависимость между научным объектом изучения и применяемым в этой области методом, где каждое

---

¹ © Шашурина Г. В., 2023.

научное направление имеет свои фундаментальные теории, которые и становятся предпосылками разработки методов, определяющими их конечную цель.

Степень разработки научной теории, ее прикладного аспекта и содержательности, в конечном счете, определит эффективность применяемого метода, который в дальнейшем в свою очередь будет влиять на дальнейшее развитие теоретической науки.

Научная методология, и прежде всего методология социально-гуманитарная, оказывает значительное влияние на формирование образовательной культуры ученого и его научной деятельности.

Поскольку применение отличных друг от друга научных методов для решения сходных проблем может давать совершенно разные результаты, то необходимо серьезно подходить к научному обоснованию использования каждого метода. Всесторонний анализ субъекта и объекта познания, возможностей и условий его применения, а также полученный результат выступают как важнейшие показатели такого научного обоснования, определяющие, по сути, сам итог исследовательской деятельности.

Обосновывая объективное применение того или иного метода, необходимо указать на его отличительные, а порой уникальные особенности, среди которых мы отмечаем прежде всего его теоретическое обоснование, т. е. его связь с теорией. С этим тесно связана еще одна основополагающая черта научного метода, а именно закономерность его применения. Процесс этот представляется нам объективным, зависящим от определенной цикличности, обусловленной, в свою очередь, содержательным наполнением предварительной исследовательской базы. Эта закономерность прослеживается также и в отношении социально-гуманитарных теорий, несмотря на свойственную им масштабность и разноплановость.

Необходимо также отметить, что помимо объективных особенностей научной методологии, она обладает также особенностями субъективными, напрямую зависящими от личностных характеристик познающего субъекта. Речь идет здесь в первую очередь об уровне образовательного и профессионального знания научного исследователя, его умении составления компетенций руководства и управления его научной деятельностью.

Также немаловажную роль играет формирование аксиологического аспекта научной культуры индивида, осуществляющего научную деятельность и определяемого глубиной его социально-гуманитарного культурного уровня. Именно этот аспект призван отразить степень эффективности и потенциала применения как отдельных научных методов, так и целых методик в любой научной области. Требования однозначности терминологии и полученных результатов, высокой результативности, экономичности и оптимальности качества проводимого исследования убедительно обосновывают применение научного метода и, по сути, определяет его выбор.

Это опровергает тезис универсальности научной методологии, отрицает его абсолютизацию, поскольку показывает, что возможность вариации большого числа существующих научных методов позволяет сделать оптимальный выбор определенной методики для своей познавательной области и образовательного

уровня. В особенности это касается социально-гуманитарной познавательной сферы, поскольку в ней достаточно сложно выработать единый алгоритм. Именно эта возможность выбора и применения большого числа научных методов, возможность приращения научного знания на этой основе составляет суть методологического подхода в науке.

Методология современной науки обязательным условием своего развития называет перманентную систематизацию существующих методов, которую призвана осуществлять отдельная научная отрасль, имеющая свою специфику. Основной задачей отрасли будет анализ и оценка научных методов, их актуализация и необходимая в ряде случаев корректировка, приводящая в конечном результате к дальнейшему развитию и совершенствованию всей научной методологической сферы. Социально-гуманитарное познание также разделяет такую логику исследования. Опыт работы такой сферы имеет немалый срок своего существования и указывает на постоянное развитие и совершенствование научной методологии в целом.

Философский аспект научной методологии определяет ее задачу как формирование системы способов познания окружающего мира, выявления закономерности его развития, в первую очередь в социально-гуманитарном плане, а также перспектив его практического преобразования. Важным здесь является определение и использование основных мировоззренческих принципов ко всем видам познавательного процесса – теоретическому, практическому, творческому и преобразовательному. Сказанное относится в целом ко всем отраслям методологии, и в то же время необходимо отметить, что значительная часть современных наук имеет свою специфику, выраженную в виде узкоспециализированных научных методик.

Методология имеет достаточно широкую сферу применения, не ограниченную только наукой – политика, искусство, но именно ее научный аспект находится в центре нашего внимания в данном материале. В связи с этим мы отмечаем, что изучение самой науки, ее структуры, средств и методов, а также возможностей развития, и представляет наибольшую ценность для познавательной деятельности.

Сегодня человеком освоены самые разнообразные сферы деятельности, с чем связано и большое разнообразие существования научных методик и методов, для упорядочения которых разработана соответствующая классификация. Основное назначение такой классификации – четкая структуризация существующих методов и возможность более глубокого познания их сущности [4, с. 216–220]. В равной степени это определяет сущность социально-гуманитарной научной методологии.

Важным содержательным основанием для классификации методов является выделение эмпирического и теоретического уровней познания.

Для методов эмпирического познавательного уровня характерно исследование внешних атрибутов и связей познавательных объектов. В наименьшей мере это относится к анализу внутренних отношений. Для методов теоретического уровня, напротив, характерно глубокое проникновение в сущность исследуемого объекта, именно так появляется возможность объективного изучения окру-

жающей реальности с учетом отражения их сущностных связей, которые можно считать универсальными. Алгоритм осуществления познания на теоретическом уровне осуществляется посредством использования основных форм логического мышления, таких как понятия, суждения и умозаключения и принимает формы выведения научных категорий, принципов, парадигм. Вкупе с выводами, сделанными на эмпирическом уровне, это позволяет выводить закономерности развития окружающего мира, устанавливать и изучать законы развития природы и общества, социума и самого человека.

Разворачивая познавательный процесс во времени, мы отмечаем его начало на эмпирическом уровне, где существенную роль играют субъективные характеристики исследователя с постепенным переходом на уровень теоретический, где происходит анализ и обобщение полученных фактов, проникновение в их содержательную глубину с целью решения поставленных в начале исследования задач [5]. Ценность полученных результатов не всегда бывает одинаковой, поскольку эффективность постижения социально-гуманитарной области всегда очень велика.

Очевидно, что научные методы, применяемые на разных уровнях познания, носят существенные отличия, определяемые самой сутью каждого уровня. Так, эмпирические методы связаны с непосредственным взаимодействием познающего субъекта с изучаемой реальностью, вследствие чего определяются их основные функции, касающиеся сбора, накопления и первичной обработки данных, полученных опытным путем. Результатом исследования на этом уровне являются, как правило, данные фрагментарного характера, требующие дальнейшего анализа и осмысления.

Это осмысление происходит на теоретическом уровне познания, где все действия связаны с выработкой выводов и обобщений, а также умственных категорий и контентов. Такой стиль в наибольшей мере свойственен социально-гуманитарному познанию.

Таким образом, научная методология прежде всего в области социально-гуманитарных наук представляет собой необходимый компонент подготовки и становления высококвалифицированного специалиста любой научной сферы, поскольку именно она дает научному исследователю тот важнейший инструмент, без которого не только не эффективно, но и порой просто невозможно ни одно по-настоящему научное исследование, без которого совершенно не гарантирован результат, на который направлен научный поиск. Именно научная методология делает возможным формирование полноценной и всесторонне развитой образовательной культуры профессионала, современного научного деятеля, обеспечивающего неуклонный и качественный прогресс развития всего цивилизованного мира.

Библиографический список

1. Золкин А. Л. Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи: философские аспекты // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 7–9.

2. Кочергин А. Н. Проблема статуса методологии // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 28–34.
3. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. Роль естествознания в формировании научного мировоззрения специалиста // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 86–88.
4. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. Традиции и новации в формировании методологической культуры. Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 216–220.
5. Марченя П. П. Методология науки: Наука как предмет философского анализа. Особенности процесса научного познания. М. : СГА, 2006. 125 с.

Дмитрий Иосифович Грядовой (1947–2022 гг.)